

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

На правах рукописи

Захаров Олег Игоревич

Российские постреволюционные историки-эмигранты в США:
проблемы научной и бытовой адаптации

Специальность

07.00.02 – «Отечественная история»

Диссертация на соискание учёной степени кандидата историче-
ских наук

Научный руководитель:

д.и.н.

О.В. Будницкий

Москва – 2016

Содержание

Введение.....	4
Глава I: Бытовая адаптация русских историков-эмигрантов в США.....	41
§ 1. Причины эмиграции и особенности переезда русских историков в США.....	41
§ 2. Владение английским языком как фактор адаптации.....	50
§ 3. Организации помощи русским эмигрантам в США.....	53
§ 4. Жилищные условия и уровень материального благосостояния русских историков в новой стране.....	57
§ 5. Семья, дружеский и профессиональный круг общения русских историков-эмигрантов в США.....	69
§ 6. Отношение к США и возможности возвращения на родину.....	75
§ 7. Особенности проведения досуга русскими историками-эмигрантами в США.....	85
Глава II: Профессиональная интеграция русских историков-эмигрантов.....	90
§ 1. Особенности развития исторической науки в США в начале - первой половине XX в.....	90
§ 2. Устройство на работу в американский университет и закрепление в нем.....	106

§ 3. Университетская карьера Г.В. Вернадского.....	130
§ 4. Профессиональные достижения русских историков в США.....	146
Глава III: Политические взгляды и общественная деятельность русских историков-эмигрантов в США.....	165
§ 1. Политические взгляды и деятельность русских историков-эмигрантов во время революций 1917 года и Гражданской войны в России.....	165
§ 2. Отношение русских историков-эмигрантов ко Второй мировой войне и деятельность в различных организациях помощи Красной армии.....	188
§ 3. «Комментарии» М.М. Карповича в «Новом журнале».....	193
Заключение.....	205
Приложение 1: Воспоминания Г.В. Вернадского о его жизни в США.....	213
Источники и литература.....	230

Введение

Актуальность темы исследования. Одной из важных проблем российской науки рубежа XX-XXI веков является отток российских ученых за границу, в иностранные университеты и другие научные институции. Причем, как показывает исследование Б. Дубина¹, эта проблема характерна не только для России 1990-х годов. Хотя и в меньших масштабах, эмиграция сохраняется и по сей день. Впервые этот вопрос, именно в широком масштабе, по сравнению с «обычными» научными обменами начала XX века возник в результате русской революции, когда из страны было вынуждено эмигрировать большое количество ученых, политических деятелей, деятелей культуры и т.д. Научные миграции были не только российским феноменом. Масштабный и вынужденный характер имела эмиграция ученых из нацистской Германии. Тогда из нее выехали десятки ученых, не принявших новую власть; значительную часть из них составляли евреи², преследовавшиеся нацистами.

Нельзя сказать, что в начале XX века США были привлекательной страной для российских ученых-эмигрантов. Английский язык не был приоритетным в академической среде то время в отличие от немецкого и французского, а американские университеты были далеки от нынешнего лидерства в научной иерархии. Поэтому российские ученые-эмигранты стремились устроиться на работу в европейских университетах. Особую притягательность приобрела Прага в силу «русской акции» чехословацкого правительства. Ее даже прозвали «русским Оксфордом». Тем не менее, в силу различных обстоятельств

---

¹Дубин Б. Россия нулевых: политическая культура, историческая память, повседневная жизнь / Б. Дубин. [Электронный ресурс].- Электрон.дан. – [Б.м., сор. 2008.] URL: <http://www.liberal.ru/articles/5344>, дата обращения: 25.10.2015.

²Будницкий О.В., Полян А.Л. Русско-еврейский Берлин (1920-1941). М., 2013. С. 29-53.

после революции американские университеты также пополнились представителями российской науки. Среди российских ученых, покинувших страну после 1917 года и поселившихся в США, особое место занимают П.А. Сорокин, М.И. Ростовцев, Г.В. Вернадский, В.В. Зворыкин и некоторые другие. Научные биографии этих ученых привлекают внимание исследователей и в наши дни³. Благодаря своим достижениям в науке, они сумели не только не затеряться в новом окружении, но и занять лидирующие позиции в своих областях научного знания.

Если говорить об особенностях бытовой и научной адаптации, ученые, которые уезжали в США, оказывались в более чуждой атмосфере, чем те, кто решил остаться жить и работать в Европе. Это объясняется тем, что академические связи с Европой у России в то время были довольно тесными. Русские ученые нередко ездили в длительные командировки, активно печатались в европейских академических журналах, участвовали в научных проектах других стран. Всего этого нельзя сказать об американской науке, которая в то время была малоизвестна российским ученым. Если же говорить о традициях американских университетов и особенностях американской жизни, то они были далеки от российских реалий. Не случайно довольно большое место в письмах эмигрантов родным и друзьям в СССР занимает описание особенностей университетской жизни, американской культуры и науки.

---

³ *Борисов В.П.* Одиссея русского американца номер один // Российские ученые и инженеры в эмиграции / Под ред. В.П. Борисова. М., 1993. С. 72-82; *Дойков Ю.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1. (1889-1922). Архангельск, 2008; *Он же.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 2. (1922-1968). Архангельск, 2009; *Скифский роман* / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997; *Сорокина М.Ю.* Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // Природа. 1999. № 2. С. 89-102.

Научные институты, их традиции, особенности не существуют обособленно. Они функционируют благодаря деятельности конкретных ученых, людей со своими взглядами, идеями, предпочтениями, со своей судьбой и жизненным опытом. В этом плане изучение научных биографий ученых помогает лучше понять процесс генезиса тех или иных научных идей, теорий и даже направлений в науке. В таких случаях особый интерес представляют те ученые, которые стали основателями той или иной области науки.

В 1990-х годах прошлого столетия начинается исследование жизни и деятельности ученых русского зарубежья. В наше время интерес к изучению жизни и творчества отечественных ученых, покинувших Россию после революции и в первые годы советской власти, продолжает оставаться значительным. Наиболее популярным сейчас становится изучение процессов интеграции русских ученых в академические институты других стран. Также важно рассматривать не только появление и существование тех или иных научных концепций, созданных учеными, но и важно изучить то, как складывалась их жизнь с бытовой точки зрения.

В своей работе мы рассматриваем проблемы бытовой и научной адаптации в США византиста А.А. Васильева, антиковеда М.И. Ростовцева, русистов Г.В. Вернадского и М.М. Карповича. Столь разнородных на первый взгляд ученых объединяет то, что они получили историческое образование в России, а некоторые из них успели и поработать в российских университетах. Российская система образования довольно сильно отличалась от американской и от систем образования в некоторых других странах. Также иными были реалии обучения и работы в русских университетах, о чем нередко писали русские историки-эмигранты. Тем интереснее будет проследить, как

происходил процесс их адаптации в США, какие черты этого нелегкого для них времени были для них общими, какова была индивидуальная специфика.

История адаптации русских ученых - важная и до сих пор слабо изученная часть истории российской эмиграции, ибо обычно исследователи ограничиваются историей эмигрантов, не учитывая особенностей, исторических реалий той страны, в которой они живут. Помещение же истории русских научных деятелей за границей в международный контекст, и изучение социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории» позволяет понять биографические, институциональные и когнитивные проблемы научного трансфера. Также это дает возможность показать, каким был на самом деле уровень российской исторической науки, которая (в лице своих представителей) прошла испытание реальной конкуренцией на рынке научных идей и труда. Наконец, представляет интерес, в какой степени работы и преподавание российских ученых оказали воздействие на американскую историографию и университетскую среду, а также какое влияние среда оказала на ученых. Любопытна также адаптация ученых к реалиям американской жизни, т.к. в американском «зеркале» можно рассмотреть особенности российской культуры предреволюционного периода.

Историография

Первые попытки осмыслить условия жизни и творчество ученых Русского зарубежья были предприняты в 1920-1930-е годы как ими самими, так и их современниками⁴. Особенности этих работ явля-

---

⁴ *Пио-Ульский Г.Н.* Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. Белград, 1939; *Русские в Праге 1918-1928 гг. (К десятилетию Чехословацкой республики)* / Под общ. ред. С.П. Постникова. Прага, 1928; *Флоров-*

ются: высокая оценка вклада эмигрантов в русскую и мировую историографию и представление о единстве дореволюционной и эмигрантской русской исторической науки. В то же время, эмигрантская наука нередко противопоставлялась советской. В СССР к ученым-эмигрантам также относились крайне негативно, как к фальсификаторам или людям, занимающимся лженаукой.

В 1960–1970-х гг. в США и СССР появляются историографические работы обобщающего характера. Г.В. Вернадский⁵ попытался «показать все более специализирующуюся и расколотую социальными катаклизмами науку как единый культурный пласт»⁶. Однако, без анализа концепций ученых, получилась не история науки, а - говоря словами одного исследователя - «жизнь замечательных людей»⁷. В советской историографии основное внимание уделялось дореволюционным работам историков, в то время как эмигрантский период их творчества либо замалчивался, либо был ограничен политическими оценками⁸.

Проблемой истории русской эмиграции в СССР начали активно заниматься примерно в конце 1960-1970-х гг. В это время появляются работы, связанные с политикой в отношении к иммигрантам в разных странах⁹. Авторы в это время еще не писали прямо о первой волне

ский А.В. Русская историческая наука в эмиграции (1920-1930) // Труды V съезда РАО за границей. София, 1932. Ч. 1.

⁵ *Вернадский Г.В.* Русская историография. М., 2000.

⁶ *Корзун В.П.* Г.В. Вернадский – историк русской исторической науки (Продолжающая традиция или новый взгляд?) // Вестник Омского университета. 1996. Вып.1. С. 58.

⁷ Там же.

⁸ Очерки истории исторической науки в СССР. Т.3 / Под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1963. С. 469-547; *Шатило А.Л.* Русская историография в период империализма. Курс лекций. М., 1962. С. 564-648.

⁹ *Соколов А.С.* Русские в Америке в конце XIX века. Л., 1985; *Филиппов С.В.* США: иммиграция и гражданство. Политика и законодательство. М., 1973; *Шле-*

эмиграции по политическим мотивам, говоря либо о трудовой эмиграции из Российской империи, либо обращая основное внимание на иммиграционное законодательство стран-реципиентов.

В 1960-1970-х годах пишет свою монографию В.Т. Пашуто. К сожалению, он не успел ее закончить, и она увидела свет только в 1992 году. Чуть раньше появилась книга Л.К. Шкаренкова. Они признали эмигрантское научное наследие частью российской науки и первыми в советской историографии дали обзоры известной им зарубежной и советской литературы об исторической науке русского зарубежья¹⁰. В.Т. Пашуто, в частности, показал процесс развития исторической мысли Русского зарубежья в Чехии и Югославии, составил библиографию трудов историков-эмигрантов, хотя вынужден был использовать некоторые идеологические штампы. Так, он писал, что русская акция помощи была продиктована «далеко идущими планами чехословацкой буржуазии»¹¹, называл русских ученых в эмиграции и западных ученых «буржуазными учеными»¹² и т.д.

С начала 1990-х гг. наметились новые подходы к изучению российского зарубежья. Историография этого времени довольно обширна и включает в себя различные аспекты истории эмиграции. Немало работ было посвящено политической эмиграции¹³, в том числе истории

наков А.Н. Славянские группы в США // Национальные процессы в США. М., 1973.

¹⁰ *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. 3-е изд. М., 1987. С. 94-110; *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.

¹¹ *Пашуто В.Т.* Указ.соч. С. 24.

¹² Там же. С. 14.

¹³ *Белковец Л.П., Белковец С.В.* Восстановление советским правительством российского (союзного) гражданства реэмигрантов из числа участников белого движения и политических эмигрантов // *НВ: Вопросы права и политики.* 2014. № 4. С.106-169; *Гутиева М.А.* Белая эмиграция: некоторые аспекты // *Научные труды Горского государственного аграрного университета.* Владикавказ, 1998. С. 56-59; *Ершов В.Ф.* Российская военно-политическая эмиграция в 1920-1945. М., 2003; *Кувшинов В.А.* Кадеты в России и за рубежом (1905-1943 гг.). М., 1997; *Омельчен-*

национальных диаспор¹⁴, истории военной эмиграции¹⁵, казачьей эмиграции, проблемам правовой адаптации российских эмигрантов¹⁶.

Отдельный блок работ рассматривает культурную и научную эмиграцию: эмиграцию деятелей науки¹⁷; деятельность Русской Православной Церкви за границей¹⁸, культуру русского зарубежья¹⁹.

Среди работ, рассматривающих идейные течения, немалое место занимают труды, посвященные историографии евразийства²⁰, причем

ко *Н.А.* Политическая мысль русского зарубежья: Очерки истории (1920 — начало 1930-х годов). М., 1997; Политическая история русской эмиграции: 1920-1940 гг.: Документы и материалы / Под ред. А.Ф. Киселева. М., 1999; *Тимонин Е.И.* Лидеры меньшевизма в эмиграции (1920-1930 гг.) // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 1998. №3. С. 106-111; и др.

¹⁴ Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. Сб.ст. М., 2001.

¹⁵ *Домнин И.В.* Русское военное зарубежье: дела, люди и мысли (20-30-е годы) // Вопросы истории. 1995. №7. С.109-120.

¹⁶ *Бочарова З.С.* Документы о правовом положении русской эмиграции 1920 – 1930-х гг. // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX – XX вв. М., 1997; *Она же.* «...Не принявший иного подданства»: Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920-1930-е годы. СПб, 2005 и др.

¹⁷ *Борисов В.П.* Научное зарубежье России: истоки и формирование // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. №43. С.29-34; *Он же.* Утраченный потенциал. Эмиграция деятелей науки и высшей школы Москвы после 1917 г. / В.П.Борисов // Сб. ст. Москва научная. М., 1997. С.416-433; и др.

¹⁸ *Голубцов В.*, иерей. Роль Русской Православной Церкви в сохранении самоидентификации Русского зарубежья // Актуальные аспекты истории и современности русского зарубежья: параллели и антитезы / Отв. ред. М.М. Кононова. М., 2007. С. 93-107 и др.

¹⁹ Культура Российского Зарубежья / Отв. ред. А.В. Квакин, Э.А. Шулепова. М., 1995; Культурное наследие российской эмиграции. 1917-1940. В 2-х кн. / Под общ. ред. Е.П. Чельшева. М., 1994; *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008; *Raeff M.* Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration: 1919-1939. Oxford, 1990; (Рус. пер. *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. М., 1994).

²⁰ *Антощенко А.В.* «Евразия» или «святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск, 2003; *Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: «Евразийский соблазн». М., 1997; *Глебов С.* Жизнь с имперскими мечтами: Петр Николаевич Савицкий, евразийство и изобретение структуралистской географии // Ab Imperio. 2005. № 3. С. 299-330; *Ларюэль М.* Идеология русского евразийства или мысли о величии империи / Пер с фр. Т.Н. Григорьевой. М., 2004; *Люкс Л.* Евразийство // Россия между Западом и Востоком. М., 1993. С. 76-91; *Феррари А.* К истории евразийской идеи: взгляд с

они затрагивают как его политический, так и исторический аспекты. Отдельно здесь стоит отметить труды американского историка Н. Рязановского о евразийстве²¹. Это достаточно обстоятельные исследования, в которых рассматриваются истоки этого течения, а также воззрения основных идеологов. Во многом этому способствовало близкое знакомство автора с основным исследователем исторической составляющей этого направления Г.В. Вернадским.

Также с начала 1990-х годов в Институте Российской истории (ИРИ) РАН под руководством сначала Ю.А. Полякова, а потом О.В. Будницкого работала группа по изучению истории российского зарубежья, силами которой было подготовлено восемь сборников статей на эту тему²².

Разумеется, приведенные нами работы охватывают лишь краешек «айсберга» историографии российского зарубежья²³.

Запада // Евразийство: проблемы осмысления. Уфа, 2002. С. 61–66; Böss O. Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jh. Wiesbaden, 1961; Halperin C.J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1985. Bd. 36. P. 55-194.

²¹ Рязановский Н. Возникновение евразийства // Звезда. 1995. № 10. С. 29-44; Он же. Азия глазами русских // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996. С. 387–416. Эти работы были написаны для русских изданий сразу на русском языке.

²² Проблемы изучения истории российского зарубежья: Сб. ст. / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. М., 1991; История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX - XX веках: Сб. ст. / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. М., 1996; Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX - XX веках: Сб. ст. / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. М., 1997; Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX - XX в.): Сб. ст. / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. М., 1999; История российского зарубежья: проблемы историографии (конец XIX – XX в.) Сб. ст. / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. М., 2004; Адаптация российских эмигрантов (конец XIX—XX в.). Исторические очерки / Отв. ред. Ю.А. Поляков. М., 2006; История российского зарубежья: Эмиграция из СССР-России. 1941-2001 гг. Сборник статей / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле и О.В. Будницкого. Сост. Г.Я.Тарле. М., 2007; Периодическая печать российской эмиграции. 1920–2000: сб. ст. / под ред. Ю.А.Полякова, О.В. Будницкого. М., 2009.

²³ Об историографии российского зарубежья см. подробнее в следующих работах: Беленький И.Л. Русское зарубежье крупным планом: «большие» публикации, фундаментальные исследования и справочные издания последних лет // История

Из всего многообразия научной литературы наиболее близки для нас исследования, относящиеся к следующим направлениям:

1. Анализ научных трудов историков-эмигрантов;
2. Биографии русских ученых-эмигрантов в США;
3. Исследования проблем адаптации отечественных эмигрантов, покинувших Россию после революции 1917 г.

Активное изучение творчества отдельных ученых (М.И. Ростовцева, А.А. Васильева, Г.В. Вернадского, и др.) начинается в российской историографии в 1990-2000-х годах на фоне общего интереса к истории русской эмиграции. Они представляют собой как небольшие статьи, так и сборники статей, например, «Российские ученые и инженеры в эмиграции»²⁴, «Российская эмиграция: Двадцать портретов»²⁵. Примерно в это же время к проблеме русских эмигрантов в США обращается Э.Л. Нитобург. В 2005 году выходит его книга «Русские в США: История и судьбы»²⁶. Автор подробно проанализировал масштабы эмиграции из России, рассмотрев все волны эмиграции (их он выделяет четыре), а также кратко коснулся биографий наиболее известных ученых и инженеров, приехавших в США после революции 1917 года.

русского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX-XX вв.). М., 2004; С. 4–11; *Бочарова З.С.* Современная историография русского зарубежья. 1920–1930-е гг. // Отечественная история. 1999. № 1. С. 91-102; История русского зарубежья: проблемы историографии (конец XIX – XX в.) Сб. ст. / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. М., 2004; *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье XIX – первой половины XX в.: некоторые итоги изучения проблемы // Исторические записки. М., 2000. № 3 (121) С. 237-254; *Пронин А.А.* Историография российской эмиграции. Екатеринбург, 2000.

²⁴ Российские ученые и инженеры в эмиграции. М., 1993.

²⁵ Российская эмиграция: Двадцать портретов. М., 2001.

²⁶ *Нитобург Э.Л.* Русские в США: История и судьбы, 1870-1970: Этнографический очерк. М., 2005.

Русские историки в эмиграции поддерживали отношения друг с другом. Они писали письма, ездили в гости, встречались на конференциях и т.д., поэтому неудивительно, что многие работы о русских ученых за рубежом охватывали сразу несколько персоналий. Непосредственно к предмету нашего исследования относятся фундаментальные тома, посвященные биографии М.И. Ростовцева - коллективные монографии «Скифский роман» и «Парфянский выстрел» под редакцией академика Г.М. Бонгард-Левина²⁷. В эти книги вошли исследовательские статьи и документальные материалы, в том числе письма М.И. Ростовцева к А.А. Васильеву и Г.В. Вернадскому. Становлению российской русистики в США посвящена монография Н.Н. Болховитинова²⁸, в которой рассматривается научное творчество как в российский, так и в эмигрантский период Г.В. Вернадского, М.М. Карповича и М.Т. Флоринского. Содержательная рецензия Р. Пайпса на монографию Н.Н. Болховитинова наряду с интересными соображениями относительно книги, включает воспоминания об учителе рецензента – М.М. Карповиче и сопоставление его блистательной карьеры с менее успешной, по мнению Пайпса, карьерой Г.В. Вернадского²⁹.

Важными для нашего исследования является статья М. Дэвида-Фокса об историографии императорской России в США³⁰ и моногра-

---

²⁷ Парфянский выстрел / под ред. Г.М. Бонгард-Левина и Ю.Н.Литвиненко. М., 2003; Скифский роман...

²⁸ Болховитинов Н.Н. Русские ученые - эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США / Н.Н. Болховитинов М., 2005.

²⁹ Pipes R. N.N. Bolkhovitinov, Russian Scholarly Emigrants (G.V. Vernadsky, M.M. Karpovich, M.T. Florinsky) and the Rise of Russian Studies in the United States. 140 P. Moscow: Rosspen, 2005 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Spring 2006. Vol. 7. No.2. P. 383-387.

³⁰ Дэвид-Фокс М. Введение: отцы, дети и внуки в американской историографии царской России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 5 - 47.

фия Г.Л.Курбатова об историографии истории Византии³¹. М.Дэвид-Фокс рассматривает историю появления и развития русистики в США и выделяет три поколения: отцов, детей и внуков, оказавших влияние на формирование этой области науки. Г.Л. Курбатов рассматривает в своей книге историю появления византистики в США. Он учитывает деятельность направленную как на подготовку кадров и издание научных работ, так и по организации академических изданий и институтов по изучению истории Византии.

Если говорить о книгах и статьях, посвященных конкретным ученым, то одним из первых эмигрантов-историков, чью биографию и научное творчество стали изучать, был М.И. Ростовцев. Первыми исследователями его биографии и творчества в 1920-1930-е годы были друзья и коллеги ученого³². Новый всплеск интереса к Ростовцеву появился после 1952 года, когда начинают превалировать биографические работы, что было обусловлено смертью ученого и соответственно тем, что его друзья и коллеги стремились сохранить память о нем, как о человеке и ученом³³.

Из авторов, которые исследовали, главным образом, концепции М.И. Ростовцева, стоит выделить М. Рейнхольда³⁴. Он подверг критике терминологию М.И. Ростовцева, считая неприемлемым использовать такие понятия, как «буржуазный средний класс» и другие применительно к истории античности, а также проанализировал основные черты его философии истории.

---

³¹ Курбатов Г.Л. История Византии: историография. Л., 1975.

³² Варшер Т.С. Сорок лет ученой деятельности М.И. Ростовцева // Последние новости. Париж, 22 марта 1934. С. 2; Вернадский Г.В. М.И. Ростовцев // Анналы Института им. Н.П. Кондакова. 1931. Т. IV. С. 239-252.

³³ Карнович М.М. М.И. Ростовцев и А.А. Васильев // Новый журнал. 1953. Кн. 34. С. 287 – 293; Jones A.H.M. Michael Rostovtzeff (1870-1952) // The proceedings of the British Academy. 1953. Vol. 38. P. 347–361.

³⁴ Reinhold M. Historian of the Classic World: a critique of Rostovtzeff // Science and Society. 1946. No. 10. P. 361.

А. Момильяно, на основе биографического метода, одним из первых выдвинул идею о том, что русское прошлое и революция оказали влияние на формирование концепции истории Древнего Рима М.И. Ростовцева³⁵. Он и другие исследователи (Г.У. Бауэрсок³⁶, Х. Ласт³⁷) обвиняли Ростовцева в модернизации истории Древнего мира. Этот вывод оспаривает современный исследователь творчества Ростовцева Б.Д. Шоу³⁸, который призвал не придавать определяющего значения влиянию исторического контекста и событий русской революции на формирование научных идей М.И. Ростовцева.

Бауэрсок является автором сложившегося в западной историографии стереотипа о том, что Ростовцев превратился в ученого мировой величины благодаря переезду в США³⁹. Этот вывод оспаривается современными российскими авторами⁴⁰.

Отдельно стоит работа М.А. Веса⁴¹, который обратился к биографии русского историка-эмигранта. Достоинством его труда является большое количество писем Ростовцева, которые он опубликовал в своей книге. Письма раскрывают важный аспект его биографии, однако, их значение несколько снижается их некачественным переводом с

³⁵ *Momigliano A. Rostovtzeff's Twofold History of the Hellenistic World // Journal of the Roman Studies. 1946. Vol. 63. P. 116-117; Idem. M.I. Rostovtzeff // The Cambridge Journal. 1954. Vol. VII. P. 334-346.*

³⁶ *Bowersock G.W. The Social and Economic History of the Roman Empire by Michael Ivanovich Rostovtzeff // Daedalus. 1974. Vol. 103. No. 1. P. 15-23.*

³⁷ *Last H. Review: The Social and Economic History of the Roman Empire. By M. Rostovtzeff // Journal of the Roman Studies. 1926. Vol. XVI. P. 120-128.*

³⁸ *Shaw B.D. Under Russian eyes (Marinus A. Wes. Michael Rostovtzeff, Historian in Exile: Russian Roots in an American Context; Michel I. Rostovtzeff. Histoire Économique et Social de l'Empire Romain) // Journal of the Roman Studies. 1992. Vol. LXXXII. P. 218.*

³⁹ *Bowersock G.W. Rostovtzeff in Madison // The American Scholar. 1986. № 55. P. 400.*

⁴⁰ *Алинов П.А. М.И. Ростовцев – историк древнего Рима: доэмигрантский этап научного творчества. Автореф. дисс. на соискание степени к.и.н. М., 2010. 27 с.; Крих С.Б. Упадок древнего мира в творчестве М.И. Ростовцева. Омск, 2006.*

⁴¹ *Wes M.A. Michael Rostovtzeff, Historian in Exile: Russian Roots in an American Context. Stuttgart, 1990.*

русского на английский язык. Особенность данной работы заключается в том, что Вес рисует довольно широкий исторический контекст жизни и научной деятельности Ростовцева.

В советский период первая работа о Ростовцеве принадлежит В.П. Бузескулу⁴². Поразительно, что его труд был опубликован в СССР в 1931 году, когда даже упоминать имя Ростовцева было небезопасно⁴³. В дальнейшем о Ростовцеве в СССР ничего не писали до 1969 года, когда появляются несколько энциклопедических статей⁴⁴. Тщательное же изучение его биографии начинается с 1991 года, когда был проведен Всесоюзный научный симпозиум «Скифия и Боспор», посвященный Ростовцеву, а в «Вестнике древней истории» были опубликованы статьи западных авторов в переводе на русский язык⁴⁵. Необходимо отметить, что это не переводы ранее вышедших статей, а работы, впервые опубликованные сразу на русском языке.

Почти все работы отечественных ученых, касающиеся концепции истории Древнего мира Ростовцева, во многом следуют за англо-американской историографией, повторяя обвинения в модернизатор-

---

⁴² Бузескул В.П. Всеобщая история и её представители в России в XIX и начале XX века. Л., 1931. Ч. II. С. 183 – 184, 207 – 210.

⁴³ К 1928 году относится «дело» С.А. Жебелева, которое было связано с тем, что он участвовал в эмигрантском сборнике «Seminarium Kondakovianum», где в статье о Я.И. Смирнове назвал М.И. Ростовцева своим другом. В печати была начата травля Жебелева, в итоге он вынужден был публично отречься от своей дружбы с Ростовцевым, и признать ошибочным свое участие в сборнике. Подробнее см. Тункина И.В. М.И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман ... С. 101-109; где большое место было уделено непосредственно делу С.А. Жебелева.

⁴⁴ Кузищин В.И. Ростовцев Михаил Иванович // Советская историческая энциклопедия. Т. 12. 1969. С. 218 – 219; *Он же*. Ростовцев Михаил Иванович // Большая советская энциклопедия. Т. 22. 1975. С. 319.

⁴⁵ Бауэрсок Г.У. Южная Россия М.И. Ростовцева: между Ленинградом и Нью-Хейвенем // Вестник древней истории. 1991. № 4. С. 152 – 162; Браун У.Э. Описание архива М.И. Ростовцева в Йельском университете // Вестник древней истории. 1991. № 1. С. 176 - 178.

стве Ростовцевым античной истории. В изучении биографии этого известного ученого в последний год существования СССР и в постсоветской России вышел ряд работ. В первую очередь это статьи В.Ю. Зуева⁴⁶, Э.Д. Фролова⁴⁷, В.И. Кузицина⁴⁸ и т.д.

В отношении А.А. Васильева ситуация более сложная, так как изучением его биографии и творчества занимались не слишком активно. В советское время работ о нем появилось немного. Во-первых, это несколько статей в разных энциклопедических изданиях, которые дают общую информацию об А.А. Васильеве. В них предельно кратко дается анализ его концепции истории Византии. Также ему было посвящено несколько строк в общих работах по развитию исторической мысли⁴⁹. Они освещают основные направления научных трудов Васильева, при этом в них сквозит отрицательное отношение к историку, в чем легко угадать политическую подоплеку (к нему относились как к эмигранту, добровольно покинувшему родину).

Современные авторы в основном обращаются к биографии Васильева. Так, в 1993 году появилась статьи Е.Ю. Басаргиной⁵⁰ и И.В. Куклиной⁵¹. В статье Е.Ю. Басаргиной основное внимание уделе-

⁴⁶ Зуев В.Ю. Творческий путь М.И. Ростовцева (К созданию «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства») // Вестник древней истории. 1991. №1. С. 166 – 176.

⁴⁷ Фролов Э.Д. Судьба ученого: М.И. Ростовцев и его место в русской науке об античности // Вестник древней истории. 1999. № 3. С. 143-165.

⁴⁸ Кузицин В.И. О публикации новых глав труда академика М.И. Ростовцева // Вестник древней истории. 1989. № 1. С. 206-207.

⁴⁹ Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики 1917-1966. Л., 1968. С. 70-81; Очерки истории исторической науки в СССР. Т.3 / Под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1963. С. 469-547.

⁵⁰ Басаргина Е.Ю. А.А. Васильев и Русский Археологический институт в Константинополе // Российские ученые и инженеры в эмиграции / Под ред. В.П. Борисова. М., 1993. С. 127 – 135.

⁵¹ Куклина И.В. А.А. Васильев: «труды и дни» ученого в свете неизданной переписки // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 313 – 338.

но стажировке будущего ученого за границей, а И.В. Куклина обращается к американскому периоду его жизни. Особое внимание автор уделяет вопросу эмиграции Васильева и его связям с людьми, оставшимися в Советском Союзе. Последние работы об А.А. Васильеве принадлежат Г.М. Бонгард-Левину и И.В. Тункиной⁵². Хотя в первую очередь в центре их внимания находятся жизнь и научное творчество М.И. Ростовцева; А.А. Васильев рассматривается лишь мимоходом, как адресат Ростовцева. В целом в современной историографии основное внимание уделяется биографии ученого, а не анализу его взглядов.

Первым трудом о Г.В. Вернадском является работа Ч. Гальперина⁵³. Он дал достаточно полный обзор биографии Вернадского и попытался оценить его вклад в развитие русистики в США. Рассматривая произведения русского историка с тех позиций, которых русистика достигла в 1985 году, Гальперин говорит о том, что книги Вернадского давно утратили свою актуальность. Также он пишет о том, что магистерская диссертация Вернадского – лучшее, что он вообще когда-либо написал. Однако Гальперин слишком мало внимания уделяет тому, какое значение имели книги Вернадского в тот период, когда они издавались и переиздавались.

В России наиболее полным и детальным исследованием идей Вернадского является диссертация Н.Е. Соничевой⁵⁴ и статья В.П. Корзун. Н.Е. Соничева подробно останавливается на истоках ис-

---

⁵² *Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В.* М.И. Ростовцев и А.А. Васильев (новые архивные материалы) // Вестник древней истории. 1996. № 4. С. 168–188; *Они же.* М.И. Ростовцев и А.А. Васильев: шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества / публ. Г.М. Бонгард-Левина, И.В. Тункиной // Скифский роман ... С. 259-287.

⁵³ *Halperin C.J.* Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte.* Berlin, 1985. Bd. 36.P. 55-194.

⁵⁴ *Соничева Н.Е.* Становление и развитие исторической концепции Г.В.Вернадского. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.

торической концепции Вернадского, касается теоретико-методологической базы и категориального аппарата. В.П. Корзун пишет о том, что концепция Г.В. Вернадского, несмотря на «невнимание историка к теоретическим завоеваниям историко-научной мысли рубежа веков», не является разрывом со сложившимися традициями, а наоборот, ученый очень внимательно отслеживает достижения своих современников⁵⁵.

Весьма основательной является статья М.Ю. Сорокиной, посвященная биографии Вернадского⁵⁶. В ней на основе новых, ранее не использованных материалов Г.В. Вернадского из Бахметевского архива анализируется биография русского историка и его основные труды.

Статья И.В. Кондакова о Вернадском в энциклопедии «Культурология»⁵⁷ представляет собой краткий обзор его биографии и трудов, но содержит ряд фактических ошибок. Так преподавать в Йельском университете Г.В. Вернадский начал сразу по приезде в США, то есть в 1927 году, а не в 1931-м, как пишет Кондаков; его «История России» не была переведена почти на все европейские языки, а только на голландский и испанский (причем в Аргентине) и т.д. Вступительная статья Б.А. Николаева⁵⁸ к переизданию одного из томов «Истории России» Г.В. Вернадского, посвящена биографии и трудам Г.В. Вернад-

---

⁵⁵ Корзун В.П. Указ. соч. С. 54-59.

⁵⁶ Сорокина М.Ю. Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // Природа. 1999. № 2. С. 89-102. Переиздана в 2001 См. *Она же*. Георгий Вернадский ... // Российская научная эмиграция: двадцать портретов / Под ред. Г.Н. Бонгард-Левина, В.Е. Захарова. М., 2001. С. 330-347. Также в расширенном виде эта статья размещена на сайте РАН: *Она же*. Георгий Вернадский ... / М.Ю. Сорокина. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Б.м., сор. 2015]. URL: <http://www.arran.ru/?q=ru/vernad1>, (дата обращения: 25.10.2015).

⁵⁷ Кондаков И.В. Георгий Владимирович Вернадский(1887-1973) // Культурология XX век. Энциклопедия. В 2-х т. Т. 1. М., 2007. С. 344-346.

⁵⁸ Николаев Б.А. Жизнь и труды Г.В. Вернадского // Вернадский Г.В. История России: Древняя Русь. М.; Тверь, 1996. С. 5-14.

ского, написана в публицистическом стиле и содержит те же неточности, что и статья И.В. Кондакова.

Что касается работ о М.М. Карповиче, то в шестидесятом номере «Нового журнала» за 1959 год собрано несколько мемуарных статей об этом ученом. Среди них были статьи Г.В. Вернадского «М.М. Карпович. Памяти друга»⁵⁹, Ф. Каземзаде «М.М. Карпович. Памяти учителя»⁶⁰, М. Вишняка «М.М. Карпович – политик»⁶¹, Р. Гуля «Карпович – человек и редактор»⁶², Н. Тимашева, озаглавленная просто «М.М. Карпович»⁶³. К ним примыкают статьи С. Зеньковского «Путь историка»⁶⁴ и М. Раева «М.М. Карпович: русский историк в Америке»⁶⁵. В них содержатся воспоминания об этом ученом как о человеке, о различных аспектах его многогранной деятельности.

В последние годы о Карповиче вышло две статьи А. Зейде в журнале *Ab Imperio*⁶⁶. Они представляют собой попытку выявить некоторые черты исторической концепции М.М. Карповича, его деятельности в качестве редактора «Нового Журнала», а также освещают отдельные стороны биографии русского историка. Кроме того, автор

---

⁵⁹ *Вернадский Г.* М.М. Карпович: Памяти друга // Новый журнал. 1959. Кн. 60. С. 9-12.

⁶⁰ *Каземзаде Ф.* М.М. Карпович. Памяти учителя // Новый журнал. 1959. Кн. 60. С. 12-15.

⁶¹ *Вишняк М.* М.М. Карпович - политик // Новый журнал. 1959. Кн. 60. С. 15-24.

⁶² *Гуль Р.* М.М. Карпович - человек и редактор // Новый журнал. 1959. Кн. 60. С. 24-29.

⁶³ *Тимашев Н.* М.М. Карпович // Новый журнал. 1959. Кн. 60. С. 192-196.

⁶⁴ *Зеньковский С.А.* Путь историка // Опыты. 1958. № 9. С. 52-60. Переиздана 1987 году: *Он же.* «Вдумчивый историк» // Новый журнал. 1987. Кн. 168/169. С. 168-169.

⁶⁵ *Раев М.* М.М. Карпович: русский историк в Америке // Новый журнал. 1995. Кн. 200. С. 244-247.

⁶⁶ *Zeide A.* Creating a Space of Freedom: Mikhael Mikhailovich Karpovich and Studies of Russian History in the US // *Ab Imperio*. 2007. № 1. С. 241-277.

рассматривала роль М.М. Карповича в создании научного журнала «Russian Review»⁶⁷.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наиболее полно изучены биография и творчество М.И. Ростовцева. Биография Г.В. Вернадского требует дополнительных исследований, в частности это касается его коммуникации с представителями американского научного сообщества. Изучение же творческого наследия А.А. Васильева и М.М. Карповича, несмотря на ряд содержательных публикаций, на наш взгляд, далеко от завершения.

Непосредственно проблемами адаптации русских эмигрантов историки начали заниматься в 1990-е годы. Эта работа была начата уже упоминавшейся группой по изучению истории российского зарубежья ИРИ РАН. Из восьми сборников, опубликованных группой, проблемам адаптации эмигрантов посвящены непосредственно четыре⁶⁸. Статьи в них посвящены общим проблемам истории адаптации эмигрантов⁶⁹, адаптации представителей военной эмиграции⁷⁰, эмиграции в страны Латинской Америки и Европы⁷¹ и т.д.

---

⁶⁷ *Idem*. The Russian Review: The Story in History // Ab Imperio. 2012. № 4. С. 279-307.

⁶⁸ История российского зарубежья: Проблемы адаптации мигрантов в XIX-XX вв. / Редколл.: Ю.А. Поляков и др. М., 1996; Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX-XX вв. / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. М., 1997; Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX-XX в.): Сб. ст. / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. М., 1998; Адаптация российских эмигрантов (конец XIX—XX в.). Исторические очерки / Отв. ред. Ю.А. Поляков. М., 2006.

⁶⁹ *Селунская В.М.* Некоторые актуальные вопросы изучения истории российского зарубежья первой половины XX века // Источники по истории адаптации... С. 4-15; *Тарле Г.Я.* Об особенностях изучения истории адаптации российских эмигрантов в XIX – XX веках // История российского зарубежья... С. 19-33; *Поляков Ю.А.* Адаптация и миграция – важные факторы исторического процесса // Там же. С. 4-18.

⁷⁰ *Ершов В.Ф.* Источники по проблеме социально-экономической адаптации российской военной эмиграции в 1920-1930-е годы // Источники по истории адапта-

Сегодня все больший интерес исследователей вызывают проблемы адаптации российских ученых за рубежом. В монографиях В.Ю. Волошиной⁷² и М.В. Ковалева⁷³ рассматриваются научные сообщества русских ученых-эмигрантов в Праге. Мое исследование будет отличаться от данных работ в географическом плане. В отличие от названных выше исследований, я делаю основной акцент на изучении индивидуальных траекторий адаптации русских ученых. Однако эти две монографии очень важны для нас, так как позволяют провести параллели с судьбами тех русских эмигрантов, которые обосновались в Праге, понять принципиальные отличия «обустройства» российских историков в «Русском Оксфорде» и в США.

Тематически и «географически» наиболее близка к нашему исследованию докторская диссертация Е.В. Петрова⁷⁴. Это ценный библиографический компендиум. Автором собран обширный новый материал. В центре внимания Е.В. Петрова - сообщество русских историков в США. Несмотря на очевидные достоинства работы, я не вполне согласен с некоторыми утверждениями автора, прежде всего с его концепцией о наличии «американского центра исторической

ции... С. 87-95; *Он же*. Адаптация российской военной эмиграции в странах размещения в 1920-е годы // История российского зарубежья... С. 84-92.

⁷¹ *Владимирская Т.Н.* Проблемы адаптации российских эмигрантов в странах Латинской Америки: проблемы сохранения национальной самобытности // История российского зарубежья... С. 152 – 162; *Путятова Э.Г.* Русские источники по истории трудовой эмиграции в Южную Америку в конце XIX – начале XX века // Источники по истории адаптации... С. 71–78.

⁷² *Волошина В.Ю.* Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории» / В.Ю. Волошина. Омск, 2010; *Она же*. Вырванные из родной почвы. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920-1930-е годы. М., 2013.

⁷³ *Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге / М.В. Ковалев; науч. ред. проф. И.Р. Плеве. Саратов, 2012.

⁷⁴ *Петров Е.В.* Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США в первой половине XX века: Дис. ... д-ра исторических наук 07.00.02. М., 2007.

науки русской эмиграции»⁷⁵, который является объектом исследования Е.В. Петрова. На наш взгляд такого центра не существовало. Ученые были разбросаны по разным университетам США, коммуникация более молодого поколения ученых (тех, кто получил образование в США) с теми, кто ранее учился и работал в Российской империи, была не слишком активной и т.д. Кроме того, в судьбах историков было больше частного, чем общего. То, как складывалась их судьба, зависело от многих факторов. Среди них было и положение ученого в мировой науке, и опыт его преподавания, и университет США, который его пригласил, и время его устройства на работу, и область научных интересов, и многое другое. На уровне обобщений не всегда можно проследить все эти нюансы. Нас же интересует процесс приспособления конкретных ученых к чужой стране. На наш взгляд, изучение процесса адаптации историков к реалиям чужой страны на материале биографий отдельных ученых позволяет нередко увидеть такие особенности и закономерности этого процесса, которые не всегда улавливаются на макроуровне.

Таким образом, несмотря на наличие некоторого количества весьма ценных и полезных работ о российских историках-эмигрантах, процесс научной и бытовой адаптации ведущих российских историков в США в исследовательской литературе затрагивался в незначительной степени или не изучался вовсе.

Объектом нашего исследования является комплекс источников, посвященных истории русской научной эмиграции, а именно истории жизни и деятельности русских постреволюционных ученых-эмигрантов в США.

---

⁷⁵ Там же. С. 8.

Предметом исследования является бытовая адаптация и стратегии интеграции русских историков-эмигрантов в американское научное сообщество.

Целью моей работы является выявление стратегий научной интеграции и бытовой адаптации историков-эмигрантов в США.

Для этого необходимо решить ряд **задач**.

Во-первых, важно рассмотреть состояние американской исторической науки на начало XX века, чтобы понимать, что она представляла собой в сравнении с российской исторической наукой того времени. Особое внимание мы уделим именно тем областям знания, в которых специализировались русские историки-эмигранты: антиковедению, византиноведению и русистике.

Во-вторых, мы кратко проанализируем вклад русских историков-эмигрантов в развитие американской науки. Наука развивается в двух областях: производство нового знания и подготовка будущих ученых. Следовательно, мы будем уделять внимание обеим сторонам этого процесса.

В-третьих, мы проанализируем различные стороны жизни русских ученых в США, проблемы, с которыми они сталкивались. Также неотъемлемой частью нашего исследования является анализ их отношения к США, в особенности к ее академической культуре, чтобы понять, какой стратегии интеграции они придерживались.

В-четвертых, мы рассмотрим вопрос об успешности того или иного ученого с точки зрения построения карьеры и уровня психологического комфорта их жизни в новой стране, чтобы оценить степень их адаптированности.

Поставленные задачи определили структуру работы. Она состоит из введения, трех глав, посвященных, соответственно бытовой адап-

тации, научной интеграции и политическим взглядам и деятельности русских историков-эмигрантов и заключения. В приложении публикуются обнаруженные нами в фонде Вернадского в Бахметевском архиве главы воспоминаний об его жизни в США.

Хронологические рамки исследования определяются эмигрантским периодом жизни рассматриваемых ученых. Соответственно нижняя граница – 1920 год – время прибытия М.И. Ростовцева в США, верхняя – дата смерти Г.В. Вернадского - 1973 год. Из рассматриваемых нами историков первым в США приехал М.М. Карпович, но не как ученый, а в качестве секретаря посла Временного правительства Б.А. Бахметева, поэтому его деятельность мы рассматриваем только с 1927 года, когда он стал работать в Гарвардском университете. В то же время обозначенные хронологические рамки не являются жесткими, и при рассмотрении предыстории эмиграции героев нашей работы, их доэмигрантской научной карьеры нам придется совершать экскурсы за их пределы.

Методология и методы диссертационного исследования. В методологическом отношении данная работа следует в русле социальной истории науки. В отличие от традиционного внимания к идеям ученых, к формированию исторических концепций, исследователи, работающие в рамках социальной истории науки, делают акцент на условиях, в которых формировались эти концепции. Как отмечал один из историков, разрабатывающих данную тему: «Внимание современных исследователей обратилось к изучению патронажа науки, лабораторных практик, неформальных научных структур, взаимоотношений внутри научного сообщества, мотивации поступков и др.»⁷⁶.

---

⁷⁶ Ковалев М.В. Указ. соч. С. 25.

Такой подход дает нам возможность рассмотреть деятельность русских ученых в США не только в рамках развития их научных идей, но и уделить внимание социальной, культурной, языковой и т.д. среде, в которой оказались эмигранты. В соответствии с этим мы будем особое внимание уделять быту ученых.

Первоначально социальная история науки развивалась в рамках так называемых «сильной» и «слабой» программ⁷⁷ в социологии знания. «Сильная программа», в первую очередь, ассоциируется с двумя школами: Эдинбургской и Батской. Представители этих школ решающее значение в производстве знания отдают социальным факторам, что послужило причиной критики их концепций со стороны научного сообщества. Наиболее яркими представителями этого направления являются Б. Латур⁷⁸, С. Шейпин⁷⁹, Д. Блур⁸⁰ и др. Представителями «Слабой программы» являются те ученые, которые не признают за социальными факторами определяющего значения в производстве знания. К ним относятся К. Поппер, И. Лакатос, и др.

Мы больше склоняемся к точке зрения сторонников «слабой программы», и будем придавать социальным факторам и быту ученых, хотя и важное, но не решающее значение в своем исследовании. Наш подход к пониманию быта будет схож с подходом Ш. Фицпатрик, которая определяет его как «формы поведения и стратегии выживания и продвижения, которыми пользуются люди в специфических социаль-

---

⁷⁷ Термин «Сильная программа» ввел Д. Блур в первой главе своей работы «Знание и социальные представления», которая называется «Сильная программа в социологии знания». См. *Bloor D. Knowledge and Social Imagery*. 2 ed. Chicago and London, 1991. P. 3-23.

⁷⁸ *Латур Б.* Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5-6 (35). С. 211-242; *Он же.* Научные объекты и правовая объективность // Культиватор. 2010. № 2. С. 74-95.

⁷⁹ *Shapin S.* A Social History of Truth, Civility and Science in Seventeenth Century England. Chicago, 1994; *Idem.* Scientific Revolution. Chicago, 1994.

⁸⁰ *Bloor D.* Knowledge and Social Imagery. 2 ed. Chicago and London, 1991.

но-политических условиях»⁸¹. На наш взгляд, эти термины применимы и к исследованию быта эмигрантов. Правда, с социально-политических условий акцент будет перенесен на социально-культурные условия. При этом будет исследоваться быт людей, которые принадлежали к особому профессиональному сообществу, к научному сообществу, т.е. быт ученых. Это сообщество имело свою специфику: его членам важно было иметь представления об основных изменениях, происходящих в нем, знать о последних достижениях в своей области и, в то же время, иметь возможность поделиться результатами своих исследований с коллегами и получить профессиональную оценку собственной деятельности, иначе ученый «выпадал» из своей профессии.

В работе над диссертационным исследованием нами использован биографический метод, который стал основой для решения поставленных задач. Благодаря этому представляется возможным как реконструкция научной биографии историков-эмигрантов, так и установление факторов и событий, повлиявших на их переезд в США и на то, что они смогли там найти работу по специальности, чего им не удавалось сделать в Европе. Поскольку нас интересует именно научная биография, то немалое внимание будет уделено различным академическим практикам: написанию работ, обучению студентов, рефлексии по поводу состояния американской исторической науки и т.д.

На основе историко-сравнительного метода мы пытаемся выявить не только различия в уровне российской и американской науки, но и сходство и различия университетских культур, а также стратегий адаптации указанных ученых.

---

⁸¹ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 9-10.

Применение историко-генетического метода позволит проанализировать процесс изменения отношения ученых к США, что важно для выявления их стратегий интеграции.

В данном исследовании мы используем понятие социальной адаптации мигрантов. Социальную адаптацию мигрантов в принимающее общество часто понимают как некую целостную систему, что восходит к концепции общества, которую предложил Э. Дюркгейм, а развил Т. Парсонс. Мы, вслед за последними социологическими исследованиями, будем рассматривать общество как совокупность систем (хозяйственной, политической, культурной и т.д.⁸²) и соответственно рассматриваем интеграцию мигрантов именно в эти подсистемы⁸³. При этом мы следуем североамериканской традиции изучения социальной адаптации мигрантов, в которой этот вопрос исследуется на уровне социального взаимодействия между обществом и его конкретными индивидами с приезжими.

В процессе адаптации человек проходит четыре стадии:

1. Начальная стадия, когда приехавший ученый знакомится с существовавшими правилами поведения в новой для него среде;
2. Стадия терпимости – ученый и его окружение проявляют терпимость к различиям в поведении друг друга, обусловленных предыдущими социальными практиками;
3. Стадия аккомодации;
4. Стадия ассимиляции.

---

⁸² См. Луман Н. Социальные системы: Очерк общей теории // Западная теоретическая социология 80-х годов. Реферативный сборник. С. 41-64; *Он же*. Социальные системы / Пер. с немецкого И.Д. Газиева. Под ред. Н.А. Головина. СПб., 2007.

⁸³ См. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М., 2015.

Последние два термина были предложены Р. Парком⁸⁴. Аккомодацию он определял как «процесс приспособления, т.е. организации социальных отношений и установок, с тем, чтобы предотвратить или уменьшить конфликт, контролировать конкуренцию и сохранять основу безопасности в социальном порядке для отдельных лиц и групп с различными интересами, чтобы они могли продолжать их разнообразную совместную жизнедеятельность»⁸⁵.

Ассимиляция - «это процесс взаимопроникновения и слияния, в котором отдельные лица и группы наделяются воспоминаниями, чувствами и установками других людей и групп и, разделяя общий опыт и историю, все вместе включаются в общую культурную жизнь»⁸⁶. Говоря об ассимиляции иммигрантов, Р. Парк отмечал, что «все, что мы можем требовать от рожденного за границей иммигранта, — это разделение наших идеалов, наших чаяний и наших общих начинаний»⁸⁷.

Таким образом, можно говорить о том, что коренное различие между двумя последними стадиями кроется в том, как иммигрант воспринимал свои действия и свое положение в стране-реципиенте. Или он встраивается в новое общество, однако не принимает его, либо, наоборот, в новом обществе все его устраивает и близко ему по духу. Переписка русских историков-эмигрантов позволяет выявить их отношение к американской культуре, студенчеству, университету, что помогает нам понять, удовлетворяло ли их новое положение или нет.

---

⁸⁴ Роберт Парк (1864-1944) – в 1920-е годы глава чикагской школы социологии. Известный социолог США, занимался процессами миграции, аккультурации и ассимиляции.

⁸⁵ Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М., 2002. Ч. 1. С. 416.

⁸⁶ Там же. С. 417.

⁸⁷ Там же. С. 421.

Степень успешности адаптации русских историков-эмигрантов в США мы определяем на основании следующих критериев. Существуют объективные и субъективные критерии успеха адаптации мигранта в новой стране. Объективные критерии – степень реализации норм и правил жизнедеятельности в новых условиях. Субъективные – удовлетворенность человека условиями жизнедеятельности.

Социальная адаптация во многом также связана с психологическим комфортом. В связи с этим, очень важно обратиться к опыту психологии и посмотреть, на что обращают внимание психологи при изучении проблем, связанных с адаптацией эмигрантов. Санкт-Петербургская исследовательница Н.С. Хрусталева⁸⁸, которая занималась проблемами адаптации русских эмигрантов в Германии в конце 1980-х-1990-е годы, вскользь обращалась и к вопросам, связанным с изучением (с психологической точки зрения) российской постреволюционной эмиграции. Она выделяет «объективные и субъективные факторы, влияющие на динамику социально-психологической адаптации эмигрантов. К числу объективных относятся: а) страна въезда; б) язык; в) уровень правовой и экономической защищенности; г) характер местной культуры; д) этническая принадлежность мигрантов; е) отношение коренного населения; ж) наличие поддерживающих структур; з) дополнительно возникающие социально-экономические или политические обстоятельства на новом месте жительства; и) страна выезда»⁸⁹.

В нашем исследовании мы рассматриваем влияние этих факторов на процесс адаптации русских историков в США.

---

⁸⁸ Хрусталева Н.С. Адаптация выходцев из бывшего СССР. Взгляд психолога // Диаспоры. 1999. № 2-3. С. 281-298.

⁸⁹ Хрусталева Н.С. Указ. соч. С. 285.

Источниковая база нашего исследования определена в соответствии с предметом и задачами исследования и включает в себя:

1. Источники личного происхождения:
  - 1.1 Письма;
  - 1.2 Воспоминания,
  - 1.3 Дневники,
2. Научные труды историков-эмигрантов;
3. Публицистические статьи рассматриваемых авторов.

Большинство источников, касающихся профессиональных судеб учёных русской эмиграции, сосредоточено в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). После Великой Отечественной войны в Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (с 1992 года ГАРФ) были перевезены материалы, которые до этого хранились в Праге, в Русском заграничном историческом архиве. Эти материалы долгое время были недоступны для ученых. Они были вывезены и использовались НКВД, в том числе и для арестов русских эмигрантов в Чехословакии. В этом архиве содержится важный для нашего исследования личный фонд Г.В. Вернадского⁹⁰, который до отъезда в США некоторое время жил в Праге. Там также сохранились материалы о его жизни в России (он не вывез своего архива) и несколько писем из США.

Ценными источниками по истории эмигрантской исторической науки располагает Архив Российской Академии наук, причем как Московский, так и Санкт-Петербургский его филиалы. В Москве в Архиве РАН хранится обширный личный фонд В.И. Вернадского⁹¹, в котором сохранились письма его сына, Г.В. Вернадского с 1892 по 1941 годы. В этих письмах содержится чрезвычайно важная информа-

---

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 1137 (Г.В. Вернадского).

⁹¹ АРАН. Ф. 518 (В.И. Вернадского).

ция о научных планах Г.В. Вернадского, которыми он всегда делился со своим отцом, мысли о состоянии исторической науки в американских университетах, бытовые подробности жизни в США, информация о материальном благополучии русского историка и многое другое. Также, там есть письма сестры Г.В. Вернадского Н.В. Вернадской, в замужестве – Толль, в которых есть информация не только о ее жизни в Чехословакии и США, но и данные о жизни ее брата, которые сам он предпочитал не сообщать родителям.

Однако наиболее значительная и наименее изученная часть его архива хранится в США, в Бахметевском архиве Колумбийского университета⁹². В частности, там собрана его переписка с родителями, сестрой, коллегами и многими другими. Особенно важна переписка с М.М. Карповичем, которая находится в фондах Карповича и Вернадского. В этих письмах содержится информация о политических воззрениях обоих ученых, начиная с момента эмиграции и до конца Второй мировой войны, об их досуге, научных планах, сотрудничестве, советы М.М. Карповича Вернадскому, касающиеся его профессиональной деятельности, включая как написание работ, так и преподавание и т.д.

Также в фонде Вернадского есть информация о такой редко попадающей в фокус исследований стороне деятельности Вернадского как его увлечение византистикой, в том числе переписка с видными византиноведами того времени - А.А. Васильевым, Ф.И. Успенским и другими.

В Бахметевском архиве хранятся черновики лекций Г.В. Вернадского, материалы, связанные с его деятельностью в *Seminarium Kondakovianum*, позже Институте имени Н.П. Кондакова в Праге. Важную

---

⁹² Columbia University Libraries, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (далее - BAR). George Vernadsky Papers.

информацию содержат дневники⁹³ ученого, которые он вел с перерывами с начала 1920-х годов практически на протяжении всей своей жизни. В архиве сохранились дневники за 1921, 1922, 1932, 1937, 1953-1972 годы.

Особенно важны для нас неопубликованные фрагменты автобиографии ученого, посвященные его жизни в США⁹⁴. Уже на закате своей жизни Г.В. Вернадский написал серию воспоминаний. В 1969-1972 годах в «Новом журнале» появляются его автобиографические статьи, названия которых говорят сами за себя «Из воспоминаний. (Годы учения. С.Ф. Платонов)», «Пермь-Москва-Киев», «Крым», «Константинополь»⁹⁵. Рукопись об американском периоде жизни ученого представляет большой интерес для историков. Если жизнь Вернадского в России достаточно хорошо известна, и даже о пражском периоде его биографии написано достаточно много, то сведения о его жизни, начиная с 1927 года, во многом отрывочны. Эти воспоминания, содержат весьма важные сведения о жизни русских ученых в Америке. Они последовательно описывают складывание карьеры Вернадского в Йельском университете, а также содержат сведения о его жизни в конце войны и послевоенные годы, что слабо отражено в других документах. Также они повествуют и о признании, которое пришло к русскому ученому через 17 лет после начала его работы в Йельском

---

⁹³ BAR. George Vernadsky Papers. Boxes 103, 104.

⁹⁴ BAR. George Vernadsky Papers. Box 98. Memoirs.

⁹⁵ *Вернадский Г.В.* Из воспоминаний. (Годы учения. С.Ф. Платонов) // Новый журнал. 1969. Кн. 100. С. 196-221; *Он же.* Пермь-Москва-Киев (Воспоминания) // Новый журнал. 1971. Кн. 104. С. 177-188; *Он же.* Крым (Воспоминания) // Новый журнал. 1971. Кн. 105. С. 203-224; *Он же.* Константинополь, 1920-1921 (Воспоминания) // Новый журнал. 1972. Кн.108. С. 202-217.

университете. Всего фонд Г.В. Вернадского в Бахметевском архиве содержит 234 коробки. В них хранится несколько тысяч документов⁹⁶.

Часть эпистолярного наследия Вернадского, хранящаяся не только в России, но и в США, опубликовано М.Ю. Сорокиной⁹⁷. В Бахметевском архиве в фонде Г.В. Вернадского хранятся и письма к нему М.М. Карповича, часть из которых была опубликована М. Раевым⁹⁸.

В этом же архиве находятся и материалы М.М. Карповича⁹⁹. Его фонд значительно меньше фонда Г.В. Вернадского, всего 36 коробок. Это в основном переписка ученого с коллегами как по работе в университете, так и связанная с его деятельностью в роли главного редактора «Нового журнала». Нами в данной работе будут использоваться его письма прежде всего М.И. Ростовцеву, П.А. Сорокину, А.А. Васильеву, Г.В. Вернадскому, а также некоторым другим.

Архив М.И. Ростовцева также находится в США и разбросан по нескольким университетам. Часть его материалов отложилась в архиве Висконсинского университета, часть в Йельском университете. В

---

⁹⁶Подробный обзор коллекции документов Вернадского и истории ее формирования изложены в работе В.Н. Козлякова, см.: *Козляков В.Н.* Обзор коллекции документов Г.В. Вернадского в Бахметевском архиве Библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке // *Георгий Вернадский. Русская историография.* М., 1998. С. 395-444.

⁹⁷ *Сорокина М.Ю.* Письма Г.В. Вернадского родителям: «Очень горько мне...»: Письма Георгия Вернадского / Публ. и прим. М.Ю.Сорокиной // *Источник.* 1999. № 1. С. 45-56; *Она же.* Письма В.И. Вернадского Г.В.Вернадскому: «За СССР является лик истстрадавшей России»: Письма В.И. Вернадского детям / Публ. и прим. М.Ю.Сорокиной // *Природа.* 2004. № 1. С. 64-80; *Она же.* Week-end в Болшево, или еще раз «вольные» письма академика В.И.Вернадского / Публ. и прим. М.Ю. Сорокиной // *Минувшее. Ист. альманах.* Вып. 23. СПб., 1998. С. 301-342; *Она же.* Нина Вернадская «Записки обывательницы» / Публ. и прим. М.Ю. Сорокиной // *Диаспора: Новые материалы.* Вып. 3. Париж; СПб., 2002. С. 629-640; *Она же.* Нина Вернадская Скорбные дни Рождества 1944–1945 года / «Там так легко дышится...»: Из американского архива Георгия Вернадского / Публ. и прим. М.Ю.Сорокиной // *Диаспора.* Вып. 6. М.; СПб., 2004. С. 623-635.

⁹⁸ Письма М. Карповича Г. Вернадскому / Публ., предисл. и комм М. Раева // *Новый журнал.* 1992. Кн. 188. С. 259-296.

⁹⁹BAR. Karповich Papers.

России в архивах разных ученых или научных институтов также имеются его письма. Эпистолярное наследие М.И. Ростовцева в значительной степени опубликовано¹⁰⁰. В Йеле, в архивных бумагах университетского назначения имеются официальные документы о научно-педагогической деятельности М.И. Ростовцева, а также письма. В библиотеке Висконсинского университета, имеются административные документы, относящиеся к карьере Ростовцева.

Архив А.А. Васильева в России не сохранился, его материалы хранятся в Висконсинском университете и в центре византиноведения Думбартон-Окс при Гарвардском университете в Вашингтоне. Некоторые из них также были опубликованы, в том числе и в работах, посвященных М.И. Ростовцеву, о которых я уже упоминал. Часть из них приведены в работах, касающихся непосредственно жизни и творчества А.А. Васильева¹⁰¹. Но большинство, прежде всего, то, что хранится в США - до сих пор не использовались исследователями. Небольшие по объему материалы имеются в Санкт-Петербургском филиале архива РАН в фондах И.Ю. Крачковского¹⁰², Ф.И. Успенского¹⁰³, С.А. Жебелева¹⁰⁴, В.В. Бенешевича¹⁰⁵ и Н.П. Лихачева¹⁰⁶. Они включают письма Васильева, которые тот писал в разные годы жизни, в том числе и во время его пребывания в США.

Письма ученых, содержащие наиболее важные для этой работы сведения, и составляют в значительной степени источниковую базу

¹⁰⁰ *Бонгард-Левин Г.М.* Письма М.И.Ростовцева к И.И. Бикерману (1927-1944) // ВДИ. 1995. № 4. С.180-203; Эпистолярное наследие М.И.Ростовцева // Скифский роман ... С.369-569; *Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В.* М.И. Ростовцев и А.А. Васильев (новые архивные материалы) // Вестник древней истории. 1996. № 4. С. 168–188.

¹⁰¹ *Куклина И.В.* Указ. соч.

¹⁰² ПФА РАН. Ф. 1026 (И.Ю. Крачковского). Оп. 3. Д. 110.

¹⁰³ ПФА РАН. Ф. 116 (Ф.И. Успенского) №. Оп. 2. Д.61.

¹⁰⁴ ПФА РАН. Ф. 729 (С.А. Жебелева). Оп. 2. Д. 18.

¹⁰⁵ ПФА РАН. Ф. 192 (В.Н. Бенешевича). Оп. 2. Д. 40.

¹⁰⁶ ПФА РАН. Ф. 246 (Н.П. Лихачева). Оп.3. Д. 100.

исследования. На их основе можно составить представление об эмоциональном настрое авторов, выявить их отношение к тем или иным явлениям повседневности. Кроме этого, письма за разные годы дают возможность проследить динамику изменения взглядов их авторов по различным вопросам, в частности, о жизни американского академического сообщества, много в культурном и ментальном отношении.

По письмам можно проследить и отношение ученых к возможной перспективе возвращения на родину; уловить надежды на скорое падение советской власти или их отсутствие. Известно, что первоначально такие надежды существовали, но со временем они сошли на нет. В соответствии с этим важно проследить, как изменялось отношение эмигрантов к приютившей их стране и, следовательно, как менялись стратегии адаптации. По списку адресатов писем можно определить круг научных связей и установить, порвали ли эмигранты со своим прошлым, или наоборот, считали себя частью прежней научной семьи, сложившейся еще до революции.

В эпистолярном наследии ученых можно встретить их рассуждения об устройстве и нравах американской академической жизни. Нередко по ним же можно проследить весь процесс устройства на работу на новом месте – в этом плане особенно важна переписка с представителями университетской администрации. Именно устройство на работу в американские университеты является одним из важнейших механизмов интеграции.

Эпистолярные источники отражают те настроения и мысли автора, которые были у него в момент написания письма, они свободны от более поздних оценок событий, вызванных либо общественным мнением, либо изменением позиции ученого. При этом письма носят отпечаток того, кому адресовалось письмо. Так, письма, которые писа-

лись в Советский Союз, тщательно редактировались эмигрантами, чтобы неосторожной фразой не навредить адресату. Мы принимаем во внимание специфику нашего основного источника, их субъективизм и, иногда, стремление исказить какие-то факты. Для преодоления этого мы рассматриваем весь комплекс писем за разные годы, разным адресатам и анализируем их, в том числе отмечая наличие противоречий, а также сравниваем с другими имеющимися источниками.

Вспомогательную роль будут играть воспоминания выпускников Висконсинского университета, где содержатся интересные сведения о Ростовцеве, например, описание его манеры читать лекции¹⁰⁷.

Вторую группу источников составляют научные работы М.И. Ростовцева и Г.В. Вернадского, М.М. Карповича и А.А. Васильева. Они позволяют установить успешность их научной работы за границей, а, следовательно, и эффективность их интеграции в американскую науку. Кроме того, они позволяют определить состояние американской исторической науки до появления этих работ, а также выявить степень их влияния на ее дальнейшее развитие. Нами были использованы как статьи и монографии русских ученых, так и их лекции, которые они читали своим ученикам¹⁰⁸.

Важное значение для нашего исследования имеют публицистические статьи, написанные русскими историками-эмигрантами в США. Эти источники помогут глубже понять то, насколько ученые были вовлечены в политическую борьбу в эмиграции, насколько они надеялись на падение советской власти, а также как эта деятельность влияла на их научную работу. Конечно, эти источники полны личных оце-

---

¹⁰⁷ Alumni news // The Wisconsin alumni magazine. Vol. 25, № 4, 1924. Pp. 158-159.

¹⁰⁸ BAR. Karovich papers. Boxes 19, 20, 21. Лекции о русских революциях и о советском периоде российской истории.

нок, но они хорошо выявляют отношение ученых к тому или иному явлению современной им политики.

Новизна работы

В нашей работе впервые системно исследуется научная и бытовая адаптация ведущих российских историков-эмигрантов в США. Работа в значительной степени основана на новых данных, извлеченных нами из различных архивов, которые вводятся в научный оборот. В первую очередь, это материалы Бахметевского архива русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) и Архива Российской академии наук.

Теоретическая и практическая ценность диссертации

Теоретическая значимость данной работы определяется тем, она находится на пересечении нескольких дисциплин: социологии производства знания, социология адаптации мигрантов и научного трансфера. При этом уход от традиционного историографического анализа в пользу изучения условий жизни и творчества позволяет по-новому взглянуть на, казалось бы, хорошо знакомые сюжеты.

Результаты диссертации были использованы при подготовке и чтении курса «История русской эмиграции» для направления 46.03.01. «История» подготовки бакалавров в Школе исторических наук Факультета гуманитарных наук НИУ «Высшая школа экономики».

Положения, выносимые на защиту:

- Научная и бытовая адаптация российских историков-эмигрантов в США являлись тесно связанными процессами. Завоевание авторитета, установление связей с коллегами проходило не только в стенах университета, критически важным являлось вхождение в университетскую и околоуниверситетскую «культурную среду».

- Научный багаж, с которым российские историки прибыли в

США, являлся, как правило, их конкурентным преимуществом. В то же время иногда приверженность стереотипам, усвоенным в российской академической среде, становилась препятствием для успешной или во всяком случае быстрой научной карьеры в США (случай Г.В. Вернадского).

- Российские историки в целом успешно интегрировались в американскую академическую среду, причем А.А. Васильев стал одним из основоположников американской византистики, а М.М. Карпович - основателем одной из самых влиятельных школ в американской русистике.

- Степень бытовой интеграции определялась в значительной степени уровнем владения языком и временем прибытия в США. Однако даже наиболее успешно адаптировавшиеся в американской среде историки-эмигранты сохраняли «русскость» как сознательно культивируемую, так и проявлявшуюся в своеобразном симбиозе российской и американской бытовых культур и практик.

Степень достоверности данного исследования основывается на обширном комплексе проанализированных источников релевантных поставленным целям и задачам работы, проанализированных с помощью общепризнанных научных методов исследования.

Апробация результатов исследования

Некоторые положения этой работы были апробированы и опубликованы в качестве тезисов докладов на III Российском культурологическом конгрессе (Санкт-Петербург 2010); на I Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Древность и средневековье: вопросы истории и историографии» (Омск, 2010 г.); XXX Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (Санкт-Петербург,

2010); на XIX Всероссийской научной сессии византинистов (Москва, 2011); на II Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Древность и средневековье: вопросы истории и историографии» (Омск, 2012), на IV Ежегодной международной конференции Российской ассоциации исследователей высшего образования (Москва, 2013) и на конференции «Мир средневековья: проблемы и перспективы исследований» (Омск, 2014).

Некоторые положения работы опубликованы в статьях «Стратегии интеграции русских историков-эмигрантов в американское научное сообщество на примере М.И. Ростовцева» в сборнике «Мир историка»¹⁰⁹; «Стратегии интеграции русских историков - эмигрантов «первой волны» в американское научное сообщество» в журнале «Российская история»¹¹⁰; «Российские историки-эмигранты в США: проблемы бытовой адаптации» в журнале «Родина»¹¹¹.

---

¹⁰⁹ *Захаров О.И.* Стратегии интеграции русских историков-эмигрантов в американское научное сообщество на примере М.И. Ростовцева // В кн.: Мир историка: историографический сборник Вып. 8. Омск, 2013. С. 38-54.

¹¹⁰ *Он же.* Стратегии интеграции русских историков - эмигрантов «первой волны» в американское научное сообщество // Российская история. 2014. № 3. С. 112-126.

¹¹¹ *Он же.* Российские историки-эмигранты в США: проблемы бытовой адаптации // Родина: российский исторический журнал. 2015. № 1. С. 137-139.

Глава I: Бытовая адаптация русских историков-эмигрантов в США.

§ 1. Причины эмиграции и особенности переезда русских историков в США.

Под бытовой адаптацией мы будем понимать такие действия русских ученых, которые позволяли им устроить свою жизнь в США в комфортных условиях. Мы также будем рассматривать то, какие элементы бытового поведения были характерны для ученых периода Российской империи, и что из этого русские профессора пытались воспроизвести в США. Мы рассмотрим такие аспекты, как жилищные условия, роль семьи в бытовой адаптации, финансовое положение, возможность возвращения в Россию и отношение к США и американцам, культурная жизнь, круг общения и т.д.

Среди причин эмиграции основной являлось желание избежать красного террора, а также идейное несогласие с новым режимом. Но иногда на это наслаивалось множество причин иного рода. В частности, говоря о причинах эмиграции А.А. Васильева, А.Г. Грушевой¹¹², подчеркивает, что вся идейная и политическая обстановка в СССР была А.А. Васильеву глубоко чужда. Также он отмечает желание Васильева сохранить за собой возможность свободно перемещаться по миру как с целями научными, так и с целями туристическими. Кроме того, легкость, с которой А. А. Васильев решился на переезд в Америку, во многом объясняется также и тем, что его не удерживали семейные узы, он не был женат. Также важно обратить внимание на то, что у ученого в СССР практически не было возможности свободно зани-

---

¹¹² Грушевой А.Г. К переизданию цикла общих работ А.А. Васильева по истории Византии // Васильев А.А. История Византийской империи: время до эпохи крестовых походов (до 1081 года). СПб., 1998. С. 5–28.

маться византистикой так, как он считал это нужным – то есть, не прибегая к марксизму. Тем временем, в США он мог свободно преподавать историю Византии и публиковать огромное количество работ по этой тематике¹¹³.

Некоторые области исторической науки, хотя и не находились в Советском Союзе под официальным запретом, однако заниматься ими было крайне затруднительно. Так, «А.А. Васильев в частных разговорах сказал, что византиноведение является предосудительной наукой с точки зрения советской власти и власть эта старается задушить работу византиноведения. Другой петроградский профессор В.Н. Бенешевич в частном письме писал о необходимости для русских ученых за границей напрячь все усилия, чтобы не погибло дело византиноведения, т.к. на советскую Россию в этом отношении надеяться уже нельзя»¹¹⁴. Если не считать Ф.И. Успенского, умершего в 1925 году, то в Советской России не осталось крупных ученых-византистов. Отдельные области византиноведения оказались фактически под запретом, например, агиография и история церкви. Г.А. Острогорский¹¹⁵ целиком разделял это мнение о состоянии византистики в России. По его представлению, византиноведение в СССР продолжало существовать до 1927 года, но в весьма сокращенном объеме. После этого момента, как он утверждал, «русское византиноведение сейчас суще-

---

¹¹³ См. *Захаров О.И.* Причины эмиграции А.А. Васильева из СССР по материалам архива ИИМК РАН // *Российское византиноведение: Традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византистов.* М., 2011. С. 103-106.

¹¹⁴ Цит. по *Сорокина М.Ю.* Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» / М.Ю. Сорокина. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Б.м., сор. 2015]. URL: <http://www.aggan.ru/?q=ru/vernad1>, (дата обращения: 20.05.2012). В печатных версиях этой статьи данной цитаты нет, поэтому привожу ссылку на электронную версию.

¹¹⁵ Г.А. Острогорский (1902-1976) - югославский ученый российского происхождения, один из самых авторитетных историков-византистов XX века, эмигрант первой волны.

ствуется лишь постольку, поскольку работают в этой области русские ученые за рубежом»¹¹⁶. Положение исторической науки в России в целом было также весьма сложным. Перед учеными стояла проблема элементарного выживания; некоторые профессора умирали от голода. С.М. Ростовцева сообщает, что ее муж, М.И. Ростовцев посылал в Россию продовольственную помощь своим коллегам: С.А. Жебелеву, Б.В. Фармаковскому, А.А. Васильеву и др.¹¹⁷. Таким образом, можно лишний раз констатировать, что ученые в первые годы советской власти в России были в тяжелом положении и не могли вести нормальную «научную жизнь».

Тем не менее, среди причин выезда из России на первом месте стояли не материальные тяготы, а правовая незащищенность. Впрочем, при выборе страны-реципиента до 1939 года историки едва ли руководствовались такими же соображениями. После ужасов Гражданской войны и красного террора переезд в любую демократическую страну означал возможность существования без опасений за свою жизнь. Кроме того, из-за веры в скорое падение советской власти, многие эмигранты старались осесть недалеко от России. В качестве примера приведем факт из биографии Г.В. Вернадского. После того, как вместе с войсками Врангеля Вернадский покинул Крым, он прибыл в Константинополь. Там его в 1921 разыскал Ф. Голдер и предложил ему оплатить переезд до Нью-Йорка за счет средств «Гуверовской организации помощи пострадавшим от войны». Вернадский согласился на это предложение. Тогда он ехал в Америку, ни на что не надеясь, и не имея при себе никакого предложения о работе. Уже в дороге он узнал о Кронштадтском восстании и решил высадиться в

---

¹¹⁶ *Медведев И.П.* Петербургское византиноведение. Страницы истории. СПб., 2006. С. 204.

¹¹⁷ *Бонгард-Левин Г.М.* Скифский роман или Жизнь Михаила Ивановича Ростовцева. // Российская научная эмиграция: Двадцать портретов. М., 2001.

Афинах, чтобы дождаться его результатов. Об этом говорится в воспоминаниях жены историка Н.В. Вернадской¹¹⁸. В его поступке читалось вполне понятное желание вернуться на родину, которому не суждено было осуществиться. Кто знает, как бы сложилась судьба Вернадского, если бы он приехал в США уже в 1921 году.

Важно подчеркнуть, что отношение американской власти к эмигрантам было положительным. В отличие от большинства стран Европы, в США эмигранты чувствовали себя более уверенно. Среди прочего, им предъявлялось меньше формальных требований: например, не было обязательства регистрироваться в полиции или носить с собой удостоверение личности. Как подчеркивали исследователи: «Все это, как и большая удаленность от России, психологически позволяло русским легче дистанцироваться от родины и быстрее интегрироваться в американское общество»¹¹⁹.

Переезд в США был более предпочтителен в материальном отношении. Многие эмигранты первоначально не рассматривали Америку в качестве страны, где они хотели бы жить и работать. В тот период для ученых куда более привлекательна была Европа, и многие первоначально старались найти работу в европейских странах: Великобритании, Франции, Чехословакии и т.д. Исключение составляет лишь М.М. Карпович, который уехал в США сразу после революции, но не как научный сотрудник, а как секретарь Б.А. Бахметева¹²⁰. Од-

¹¹⁸ См. об этом. *Козляков В.Н.* Это только персонификация не нашего понимания исторического процесса... С. 10.

¹¹⁹ *Ульянкина Т.И.* Иммиграционная политика США в первой половине XX века и ее влияние на правовое положение российских беженцев // Правовое положение российской эмиграции в 1920-1930-е годы. СПб., 2006. С. 229-248.

¹²⁰ О Б.А. Бахметеве и о деятельности М.М. Карповича в качестве его секретаря и сотрудника см.: *Будницкий О.В.* Б.А. Бахметев – дипломат, политик, мыслитель // Россия в США: 50-летию Бахметевского архива Колумбийского университета посвящается. М., 2001. С. 8-64; *Он же.* Б.А. Бахметев – посол в США несущее-

нако несмотря на существовавшие предпочтения, трудности при устройстве на работу или низкая оплата труда вынуждали эмигрантов менять страну пребывания.

Материальная нужда высвечивается в письмах многих ученых, которые были вынуждены уехать из России и в дальнейшем меняли свое место пребывания. В частности, биолог К.И. Гаврилов, который уехал из Праги в Аргентину, писал М.М. Новикову¹²¹: «По Праге, особенно по лаборатории, по привычной и любимой обстановке работы скучаю достаточно явно. Аргентина мне не нравится. Конечно, я видел еще очень мало <...>, но то, что уже меня здесь коснулось, что я слышал и что воспринимаю ежедневно – мне глубоко чуждо и противно. Прежде всего, общий подход к вещам. О сущности работы здесь, по всем данным, мало кто думает. <...> Жизнь рождает тяжелый конфликт: заработок, кажется, неизбежно требует отказа от своих научных планов и надежд. Осуществление же своих тем, своих стремлений, опять, по-видимому, должно свершиться *gratis* «во имя науки», и в условиях, заставляющих желать многого, и с тоской, с горечью, и с жалостью вспоминать Прагу, с ее пустым иногда желудком, но свободой и подлинно прекрасной лабораторией и хорошими, действительно преданными делу людьми»¹²².

Именно материальная нужда была причиной переезда Г.В. Вернадского из Праги в США, хотя в научном плане Прага была более предпочтительна. Здесь было больше архивных, археологических ма-

---

ствующего правительства России // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 134-166; *Он же*. Послы несуществующей страны // «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919-1951. В 3-х томах. Т.1. Август 1919 – сентябрь 1921. М., 2001. С. 16-114; *Killen L.* The Search for a Democratic Russia: Bakhmetev and the United States // *Diplomatic History*, Vol. 2. № 3. Summer 1978, p. 237-256.

¹²¹ М.М. Новиков (1876—1965) - зоолог, ректор Московского университета (1919—1920).

¹²² Цит. по: *Волошина В.Ю.* Ученый в эмиграции... С. 65.

териалов и книг, как по русской истории, так и по византистике, которыми как раз и занимался Г.В. Вернадский. Что еще более важно, в Праге проживали тогда и другие ученые русисты и византисты. И контактов в плане научного общения у Вернадского в Праге было больше, чем в США. При этом отношение его к Америке сопоставимо с отношением Гаврилова к Аргентине. Вернадский, как и подавляющее большинство эмигрантов не принимали многого, что являлось неотъемлемой частью культуры США того времени. Это касается и особенностей культуры, например, преобладание кинематографа над театрами; и отношения к тому, что успех во многом измеряется материальным положением; и многого другого.

При этом нельзя забывать, что многие из эмигрантов выезжали за границу по паспорту уже не существующей к тому времени Российской империи, т.е. по факту были апатридами, людьми без гражданства. В связи с этим, получение визы составляло определенные проблемы. Это положение должен был исправить так называемый нансеновский паспорт, который выдавался Лигой Наций, правда и нансеновские паспорта не давали свободы передвижения. Как писал В.В. Набоков: «переезд из одной страны в другую был сопряжен с фантастическими затруднениями и задержками»¹²³.

Эмигранты, уже сумевшие перебраться в США и устроиться на работу, давали своим друзьям и коллегам советы как быстрее получить визу, что надо сделать до отъезда, чем лучше запастись в Европе, а что можно будет купить в США. Так, например, М.И. Ростовцев советовал А.А. Васильеву ехать в Америку пароходом компании «White Star Cunard Line», где весь третий класс отдавался «студентам, учителям и профессорам без эмигрантов», т.к. в целом переезд весьма дорого стоил, а на этих пароходах можно было сэкономить. Также он го-

¹²³ Цит. по *Нитобург Э.Л.* Указ. соч. С. 103.

ворил, какие вещи будут необходимы в Америке (смокинг, фрак и т.д.), и что лучше купить в Европе, т.к. качественнее и дешевле¹²⁴. Похожие советы он давал и Г.В. Вернадскому.

Вопрос о получении визы для въезда в США – довольно сложный, т.к. ее давали по квотам. Кроме того, кандидатов очень долго проверяли, т.к. опасались советских агитаторов и агентов. Так, например, М.И. Ростовцев долго не мог получить визу в Лондоне. В частности, он писал Ф.Л. Паксону¹²⁵, что он уже купил билеты на пароход в США, но не может получить визу, «американским властям надо очень много времени, чтобы удостовериться, что я не большевик»¹²⁶. В итоге, он выехал в США 18 августа не имея визы в паспорте (по крайней мере, это следует из переписки М.И. Ростовцева, У.Л. Вестерманна¹²⁷ и Ф.Л. Паксона)¹²⁸, каким образом он смог сойти с парохода на берег без нее – остается неизвестным. Ростовцев, как и герой романа Набокова «Пнин» вполне мог провести две недели на «Эллис Айленде». Большие трудности в получении визы испытывал и Н.П. Толль. Его жена, Н.В. Вернадская-Толль, дочь академика В.И. Вернадского, вынуждена была уехать в Америку со своей дочкой, оставив мужа в Праге. Они подали документы на визу в начале осени 1938 года, она ее

---

¹²⁴ Письмо от 10 июня 1925 года. Цит. по: *Бонгард-Левин Г.М.* М.И. Ростовцев в Америке. Висконсин и Йель // Скифский роман... С. 263.

¹²⁵ Ф.Л. Паксон (1877-1948) – американский историк, специалист по истории США. В описываемое время заведующий департаментом истории Висконсинского университета.

¹²⁶ *Бонгард-Левин Г.М.* М.И. Ростовцев в Америке. Висконсин и Йель // Скифский роман... С. 151.

¹²⁷ У.Л. Вестерманн (1873-1954) – американский папиролог и историк античности. Профессор древней истории университетов Миссури (1902-1906), Миннесоты (1906-1908), Висконсина (1908-1920), Корнельского (1920-1923) и Колумбийского (1923-1948).

¹²⁸ *Бонгард-Левин Г.М.* М.И. Ростовцев в Америке. Висконсин и Йель // Скифский роман... С. 151-154.

получила только в ноябре¹²⁹, а Н.П. Толль в начале апреля 1939 года¹³⁰.

В 1917 году в США был принят закон о недопущении в страну лиц, которые могут стать общественным бременем. «Так, для каждого въезжающего в страну требовалась поручительство от какого-либо американского гражданина в том, что он будет материально поддерживать въезжающего, и не допускать, чтобы тот стал бременем для общества»¹³¹. В 1921 году США продолжили политику ограничения иммиграции и был принят закон, который ограничивал иммиграцию из ряда европейских стран, причем вводилась квота для каждой страны. Согласно ему профессора и некоторые другие категории мигрантов могли въезжать в США сверх квоты¹³². В 1924 году закон был ужесточен, и количество квот было сокращено.

Под этот закон и попал археолог Н.П. Толль. Такая долгая задержка была связана с тем, что он родился в Польше и должен был ехать по польской квоте, которая составляла 4978 человек в год¹³³ и не могла удовлетворить всех желающих. В итоге визу он получал не в Праге, где жил после революции практически до своего отъезда, а в Белграде. Там по неизвестной причине это удалось сделать быстрее. Кроме того, положение еще осложнялось тем, что Европа в это время жила ожиданием войны, Николай Петрович к этому времени уже успел отслужить в чехословацкой армии¹³⁴. Таким образом, их желание как можно скорее уехать из Чехословакии было вполне объяснимым.

---

¹²⁹ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 299. Л. 53.

¹³⁰ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 300. Л. 16.

¹³¹ Ульянкина Т.И. Указ. соч. С. 232.

¹³² Там же. С. 232.

¹³³ Нитобург Э.Л. Указ. соч. С. 106.

¹³⁴ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 300. Л. 4.

На успешность адаптации в новой стране большое влияние оказывает отношение местного населения к приехавшим в их страну иммигрантам. В этом плане Америка достаточно уникальная страна. Учитывая, что подавляющее большинство ее населения – потомки таких же иммигрантов, просто несколько раньше переселившихся в Новый Свет, приезжих в США рассматривали как своих потенциальных граждан. Как пишет Э.Л. Нитобург: «их не рассматривали как «беженцев» со своим особым статусом, а даже поощряли – особенно в Нью-Йорке - натурализоваться»¹³⁵.

---

¹³⁵ *Нитобург Э.Л.* Указ.соч. С. 131.

§ 2. Владение английским языком как фактор адаптации

Вопрос о языковой подготовке эмигрантов достаточно сложен. С одной стороны многие изучали языки в университете достаточно основательно. Языковая подготовка русских ученых была на высоте. Многие из них ездили в командировки в Европу, слушали курсы зарубежных профессоров и т.д. Они активно изучали как мертвые, так и современные языки, но из европейских предпочтение отдавалось немецкому и французскому языкам. С английским языком были сложности, причем немалые у большинства русских историков – эмигрантов. Эта проблема по значимости не уступала финансовому вопросу, а в письмах встречалась чаще, чем жалобы на недостаточную оплату труда. Тот же Васильев и на пятый год пребывания в США писал: «в Университете есть English hospital для американских студентов, особенно первокурсников, которые не сильны в английской орфографии; мы их для усовершенствования в англ[ийском] языке отправляем туда. Мне тоже нашлось бы там место. Очевидно, голова стала уже стара для усвоения нового языка»¹³⁶. Плохое знание английского М.И. Ростовцевым стало причиной жалоб студентов заведующему департаментом истории профессору Ф.Л. Паксону, и было одной из причин отказа в предоставлении места на кафедре в Оксфордском университете. Сам он это осознавал и, когда помогал Вернадскому устроиться в Йельский университет, во многих письмах писал о необходимости улучшать английский язык, «т.к., несомненно, незнание языка будет огромным препятствием для вашего устройства здесь»¹³⁷. При этом сам Вернадский постоянно писал родителям, что

¹³⁶ Куклина И.В. Указ. соч. С. 328.

¹³⁷ Письма М.И. Ростовцева Г.В. Вернадскому / публ. Г.М. Бонгард-Левина // Скифский роман... С. 520.

считает свой английский язык очень «мучительным» для студентов, и он берет в США «уроки английской дикции и декламации».

Как правило, люди интеллектуального труда, устраиваясь на работу в другую страну, испытывают трудности при использовании иностранного языка в профессии, т.к. для чтения лекции или написания статьи требуется высокий уровень владения, в то время как для повседневной жизни достаточно минимальных навыков. Но это не всегда так. Как показывают письма русских ученых, нередко трудности возникали не только с академическим английским, но бывала и обратная ситуация: общаться на научные темы или читать лекцию было проще, чем поддерживать «светскую» беседу, об этом в частности писал Г.В. Вернадский: «причем говорить по вопросам научным, читать лекции и т.д. мне легче, чем просто вести житейские светские разговоры»¹³⁸. Однако были и исключения, как например, М.М. Карпович и семья Толлей, которые не испытывали трудностей с языком.

Интересной особенностью писем ученых является обилие английских слов, которые идут вперемишку с русскими. Их количество нарастает с течением времени. Особенно ярко эта особенность начинает проявляться примерно на пятый год пребывания в чужой стране. Это объясняется тем, что живя в США достаточно длительное время, они начинают думать на английском языке. Некоторые понятия им уже намного проще выразить на английском, чем подбирать русский термин. В письмах встречаются примерно такие выражения: «а тут еще интенсивная social life»; «от вас не было писем перед этим weekend'ом»¹³⁹; «вчера у меня был первый meeting»¹⁴⁰ со студентами

---

¹³⁸ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 318. Л. 3, 3 об.

¹³⁹ Выходные.

¹⁴⁰ Встреча.

undergraduates»; «на завтра газеты обещают только cloudy¹⁴¹, а не rain¹⁴²» и т.д., не говоря уже о специальных терминах и названиях различных институтов.

---

¹⁴¹ Облачно.

¹⁴² Дождь.

§ 3. Организации помощи русским эмигрантам в США

При изучении вопросов адаптации, очень важно учитывать «различные поддерживающие структуры: светские и религиозные общины, землячества, союзы, группы поддержки, русскоязычные средства массовой информации, совместные праздники, возможность контактов с русской культурой (выставки, гастроли) и т.д.»¹⁴³. При этом, если говорить об адаптации русских ученых в США, нужно сказать, что им было намного сложнее наладить свой быт в Америке, чем ученым, которые обосновались, например, в Праге.

В Чехословакии проводилась Русская акция помощи¹⁴⁴. При поддержке правительства «возникли многочисленные организации, призванные обеспечить устройство, быт, правовой статус, профессиональную деятельность эмигрантов»¹⁴⁵. Среди организаций, которые должны были помочь в решении бытовых вопросов, в первую очередь, стоит отметить пражский Земгор¹⁴⁶ (Объединение Российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике), появившийся в марте 1921 года. Многие учреждения, оказывавшие помощь в решении различных вопросов, которые неизбежно возникают при перемещении человека в иную социокультурную среду, были связаны с

¹⁴³ Хрусталева Н.С. Указ. соч.

¹⁴⁴ Савицкий И. Начало «Русской акции» // Новый журнал. 2008. Кн. 251. С. 133-181; Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: К 150-летию Т.Г. Масарика. По материалам международной научной конференции / Отв. ред. М.Г. Вандалковская. М., 2005. С. 110-124; Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие / Под ред. Б.Лукаш. М., Прага, 2012.

¹⁴⁵ Вандалковская М.Г. Российские историки-эмигранты в межвоенной Чехословакии // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. Сб. ст. М., 2008. С. 7-25.

¹⁴⁶ Серапионова Е.П. Пражский Земгор и его деятельность // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 2001. Т. XXXI. С. 186-195; Она же. Бюллетени Пражского Земгора как источник о жизни русской эмиграции в ЧСР на рубеже 1920-1930-х гг. // Периодическая печать российской эмиграции, 1920-2000: Сб. ст. М., 2009. С. 182-193.

Земгором. Кроме него, при поддержке чешского правительства были созданы: Комитет помощи крымским беженцам, Комитет по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой республике, Русский комитет и т.д. Как пишет М.В. Ковалев¹⁴⁷, спектр деятельности этих организаций был достаточно широк: юридическая, медицинская социальная помощь и т.д.

Эмигрантам немало помогали и институты, которые должны были заниматься только научными вопросами. Сами ученые создавали организации, призванные решить те или иные проблемы. Например, для решения жилищного вопроса было создано Чешско-русское профессорское строительное и квартирное товарищество, которое должно было строить или покупать квартиры для своих членов¹⁴⁸. В целом, «помощь, оказанная русским эмигрантам, была весьма существенна. В общей сложности, на проведение Русской вспомогательной акции было израсходовано 616 млн. чехословацких крон»¹⁴⁹.

Каких-либо подобных организаций, занимающихся помощью русским эмигрантам, возникших либо стихийно, либо при помощи правительства в США в то время практически не было. Правда, в 1923 году появилась первая «Русская академическая группа в США», которая в том числе должна была помочь адаптироваться русским ученым в новых условиях. Но в силу недостаточного финансирования она быстро прекратила свое существование, не достигнув каких-либо результатов, кроме открытия Русского народного университета просуществовавшего до середины 1920-х годов. В 1927 году М.М. Карпович, бывший ее секретарем, писал, что никаких русских академиче-

---

¹⁴⁷ Ковалев М.В. Указ соч. С. 41.

¹⁴⁸ Там же. С. 41.

¹⁴⁹ Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920-1930-е годы) / Л.С. Кишкин // Славяноведение. 1995. № 4. С. 17-26.

ских организаций за рубежом нет⁵⁵. Гуманитарный фонд¹⁵¹ Б.А. Бахметева появился в 1936 году, а известный «Толстовский фонд»¹⁵² был организован в 1939 году и специализировался главным образом на помощи русским в Европе¹⁵³. Правда, существовал «Американский комитет воспитания русской молодежи в изгнании», который помогал не только русским студентам в Европе, но и в США, однако он не занимался проблемами профессоров¹⁵⁴.

Таким образом, до середины 1930-х годов, обществ помощи русским ученым-эмигрантам, которые могли бы хоть сколько-то помочь им адаптироваться в новой среде - не было. С другой стороны там были целые общины русских эмигрантов, селившихся достаточно компактно либо в городах, либо в сельской местности. Они составляли целые кварталы, в которых были русские магазины, школы с преподаванием на русском языке, рестораны и т.д., как, например, в известном районе Нью-Йорка – Бруклине. Но в основном в этих районах жили рабочие, парикмахеры, официанты и т.д. Многие из них в России были известными людьми: генералами, профессорами, докторами и т.д., которые были вынуждены покинуть родину после революции, заниматься неквалифицированным трудом и сменить свой социальный статус в США. Но с другой стороны, в источниках не сохранилось

---

¹⁵⁰ Цит. по Зацепина О.С., Ручкин А.Б. Русские в США. Общественные организации русской эмиграции в XX-XXI вв. Нью-Йорк, 2011. С. 186. Конечно, он имел ввиду в первую очередь США, т.к. подобные организации в Чехословакии и других странах продолжали действовать.

¹⁵¹ См. Будницкий О.В. Б.А. Бахметев и Гуманитарный фонд // История и историки: историографический вестник. 2010. С. 363-390.

¹⁵² Толстовский фонд - благотворительный фонд в г. Valley Cottage, штат Нью-Йорк, США. Основан в 1939 году младшей дочерью писателя Льва Толстого Александрой Толстой с целью помощи русским эмигрантам. Оказывал помощь беженцам, перемещённым лицам, сиротам, финансировал образовательные программы.

¹⁵³ Там же. С. 144-154.

¹⁵⁴ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). Париж, б.д. С. 113-114.

сведений, которые указывали бы на наличие связей между историками – эмигрантами и этими общинами. Во многом это связано с тем, что профессора стремились селиться недалеко от университета, в котором работали, а также с тем, что их круг общения в Америке составляли в основном либо американские профессора, либо такие же ученые-эмигранты и деятели культуры.

В связи с этим, те ученые, которые перебрались туда раньше других, должны были приспособливаться самостоятельно. Несколько проще было тем, кто ехал следом за уже обосновавшимися в США соотечественниками, например, А.А. Васильеву, Г.В. Вернадскому, которым помогали уже находившиеся в США М.И. Ростовцев и М.М. Карпович.

§ 4. Жилищные условия и уровень материального благосостояния русских историков в новой стране

Весьма важным вопросом, который предстояло решить приехавшим в США русским ученым, был вопрос о месте проживания. Одним из первых туда эмигрировал М.И. Ростовцев. Найти ему квартиру помог его друг, профессор У.Л. Вестерманн и заведующий департаментом истории Ф.Л. Паксон¹⁵⁵. Квартира была снята недалеко от университетского клуба, в котором Ростовцев мог обедать. Многие профессора, особенно те, кто приезжал с семьей жили на съемных квартирах. Так поступал и Ростовцев при переезде сначала в Мэдисон, а потом и в Нью-Хейвен, и Г.В. Вернадский¹⁵⁶, и Н.П. Толль¹⁵⁷.

Был и другой вариант решения жилищного вопроса. Так, для А.А. Васильева М.И. Ростовцев подготовил комнату непосредственно в университетском клубе. Как писал ему Ростовцев: «Тебе лучше жить в клубе, чем на частной квартире: рядом с университетом и, кроме того, возможность постоянно видеться и общаться с коллегами»¹⁵⁸. Это был достаточно распространенный способ решения жилищного вопроса. Васильев писал С.А. Жебелеву: «В клубе живет и столуется, гл[авным] об[разом] професс[орский] и преподавательский персонал; есть англичане, испанцы, итальянцы, аргентинцы, французы, норвежцы и т.д., и т.д.»¹⁵⁹.

Естественно, ученые активно помогали друг другу, особенно первое время по приезде в США. Так, например, Вернадский в сен-

¹⁵⁵ *Бонгард-Левин Г.М.* М.И. Ростовцев в Америке. Висконсин и Йель // Скифский роман... С. 151.

¹⁵⁶ См. письмо Г.В. Вернадского В.И. Вернадскому от 27 августа 1927 года. АРАН. Ф. 518. Оп. 3 Д. 310. Л. 39.

¹⁵⁷ См. письмо Н.В. Вернадской-Толль В.И. Вернадскому от 3 мая 1939 года. АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 300. Л. 24 об.

¹⁵⁸ *Бонгард-Левин Г.М.* М.И. Ростовцев в Америке. Висконсин и Йель // Скифский роман... С. 262.

¹⁵⁹ СПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 18. Л. 88 об.

тябре 1927 г. жил в квартире Ростовцевых, которые уехали на полгода в Европу и к этому времени должны были вернуться. Сам Георгий Вернадский помогал своей сестре Нине Вернадской-Толль с переездом в США, и она с мужем и дочкой жила у Г.В. Вернадского достаточно длительное время с января по июнь 1939 года¹⁶⁰, после чего они также сняли квартиру¹⁶¹. Размер квартиры во многом зависел от размера семьи ученого и финансовых возможностей. Так, например, Карповичи в 1940 году сняли новый дом в три этажа, на первом гостиная, кухня и столовая, на втором две больших спальни и одна маленькая и ванна, то же самое на третьем плюс чердак, в доме четыре настоящих камина. Удобное местоположение. До этого у них был похожий дом, но третий этаж был чердачным. Снимать такой дом стоило 70 долларов в месяц. Правда, это был уже 1940 год – т.е. Карпович занимал тогда достаточно хорошее положение в Гарварде. Первоначально они жили при Финансовом агентстве России в США в Нью-Йорке¹⁶².

Наиболее распространенными были трехкомнатные квартиры. По крайней мере, именно такая была у М.И. Ростовцева в Мэдисоне, у Н.П. Толля в Нью-Хейвене. Г.В. Вернадский с женой первоначально жили в двухкомнатной квартире, потом, когда его финансовое положение улучшилось, переехали в трехкомнатную. Правда, в квартирах что русские, что американские профессора жили не круглый год. На лето они стремились уезжать за город. Русские ученые решали этот вопрос по-разному. Так, например, М.И. Ростовцев старался каждое лето проводить в европейских музеях и библиотеках. Каждый год,

---

¹⁶⁰ Об этом говорится во многих письмах Н.В. Вернадской-Толль в письмах своим родителям В.И. и Н.Е. Вернадским, которые хранятся в Архиве РАН Фонд В.И. Вернадского Ф. 518. Оп. 3. Д. 300.

¹⁶¹ АРАН. Ф. 518. Оп.3. Д. 301. Л. 43.

¹⁶² VAR. George Vernadsky Papers. Box 4.

начиная с 1925 г., летом он ездил в Европу, а с 1928 по 1937 г. возглавлял археологические раскопки сирийской крепости Дура-Европос.

А.А. Васильев также не оставался на лето в Висконсине. Он очень любил путешествовать и также практически каждый год уезжал куда-нибудь из города. Дважды он был на Аляске, несколько раз во Флориде, несколько раз путешествовал по Миссисипи на пароходе, ездил в Европу и т.д. М.М. Карпович и Г.В. Вернадский получали существенно меньше своих коллег и не могли позволить себе такие частые поездки за границу, хотя и они нередко бывали в Европе. Но довольно часто лето они проводили в своих съемных загородных домах, на дачах, как они их называли. Г.В.Вернадский обзавелся земельным участком в 1935 году: «чтобы спастись от городской жары, а также и на week-end'ы ездить»¹⁶³. До этого Вернадские также часто летом уезжали к кому-нибудь из друзей, если Георгия Владимировича не приглашали куда-нибудь на летний семестр. Карпович также уезжал на лето в загородный дом, который он снимал в Вермонте. Что интересно, свой собственный дом он наоборот, сдавал, как правило, до середины сентября – время начала занятий в Гарвардском университете¹⁶⁴. Впрочем, это была распространенная практика среди американцев.

При изучении положения русских ученых–эмигрантов в американском обществе немалое значение имеет анализ финансовой составляющей их быта. Большое значение имело то, что многие ученые переехали в США до начала «великой депрессии», после наступления которой, им было намного труднее получить работу в университете. Экономическая ситуация влияла и на развитие карьеры преподавате-

---

¹⁶³ АРАН. Ф. 518. Оп 3. Д. 318. Л. 7.

¹⁶⁴ BAR. George Vernadsky Papers. Box 4.

лей. Так, например, М.И. Ростовцев переехал в 1920 году, во время бурного роста экономики США. Университеты активно развивались, и его с удовольствием пригласил к себе сначала Висконсинский, а в 1925 г. Йельский университеты. Во многом благодаря благоприятной экономической ситуации он смог устроить на свое место в Висконсинском университете А.А. Васильева, а в 1928 году пристроить Г.В. Вернадского в качестве русиста в Йельском университете. Однако в 1930-е гг., во время кризиса, мы видим, что ни у кого из них нет карьерного роста, а положение Вернадского оказывается настолько неустойчивым, что под вопросом оказывается продление с ним контракта в Йельском университете. Об этом ему написал в письме от 11 декабря 1932 года председатель исторического отделения профессор Габриэль¹⁶⁵. Однако, были и исключения, например, известного япониста С.Г. Елисеева, преподававшего тогда в Париже, пригласили в 1932 году в США, а в 1934 году он становится директором Яньцзинского института при Гарвардском университете и одновременно - руководителем Центра исследований Китая и Японии. В течение почти четверти века С.Г. Елисеев возглавлял там изучение Японии, Китая, Кореи и Монголии.

Уровень материального достатка влиял на положение в обществе. Так, Г.В. Вернадский отказался войти в Совет Института имени Н.П. Кондакова из-за своего невысокого социального статуса. Он писал Н.П. Толлю в 1931 г.: «Мое настоящее положение в Америке совершенно для такой помпезной роли не подходит. Было бы смешно, если бы я начал вместе с Крэйном заседать в нем, ибо я по американским понятиям нищий и мне таких выступлений делать не полагается» и советовал привлечь М.И.Ростовцева, тогда «будет очень удачное с американской точки зрения трио: княгиня, миллионер и ученый с

¹⁶⁵ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 315. Л. 22.

мировым именем»¹⁶⁶. Понятно, что уровень материального благополучия у разных ученых был разным и зависел от многих факторов. Основным источником дохода была заработная плата.

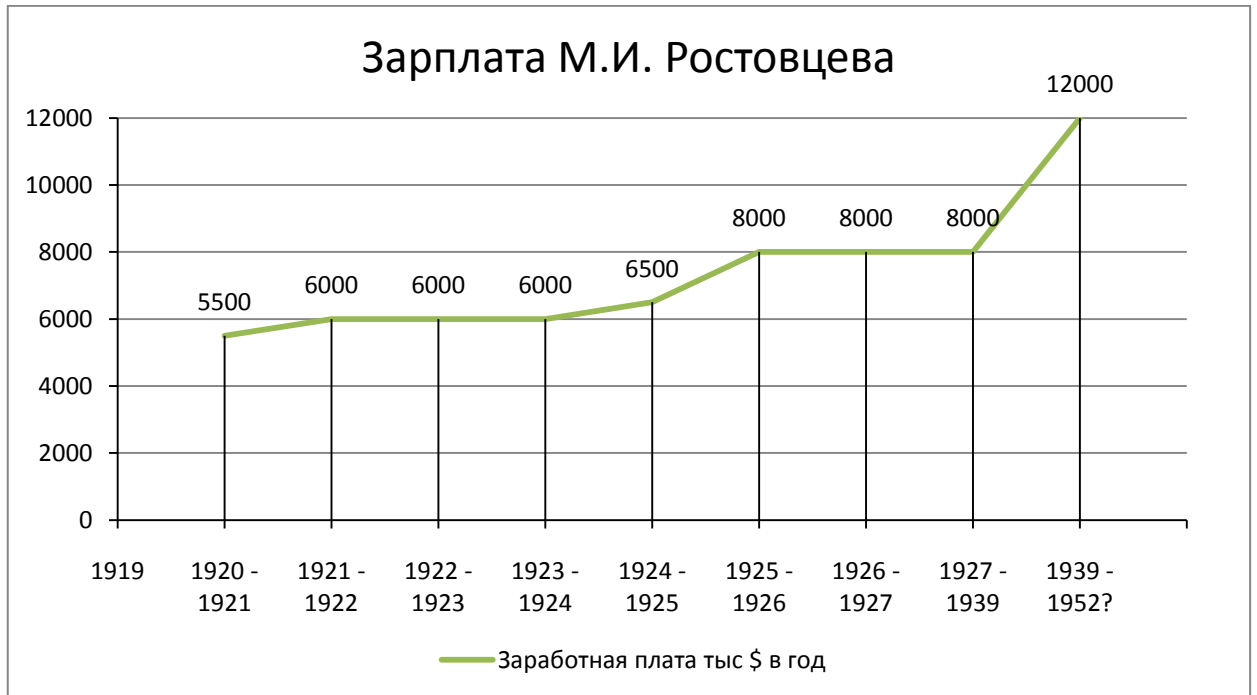
Зарботная плата, которую получали русские ученые в американских университетах, естественно, была различной. В среднем, как пишет М.И. Ростовцев Н.П. Кондакову в письме от 13 ноября 1921 г.: «профессоров держат в черном теле и в основном платят мало 2550, 3000, 4000 долларов»¹⁶⁷. Так, М.И. Ростовцев был приглашен сразу на должность профессора с очень высокой зарплатой. Ему было предложено 5500 долларов год, плюс 500 долларов на переезд. При этом, как следует из письма Президента Висконсинского университета Е.А. Бёрджа председателю университетского Комитета по колледжу литературы и естественных наук госпоже Бакстафф его первоначальная зарплата равнялась зарплате двух преподавателей, ушедших в отставку в том же 1920 году. Зарплата зависела от многих факторов, в первую очередь от той должности, которую занимал ученый. Кроме того, в США было еще множество фондов и других организаций, которые давали университету деньги на приглашение известных ученых.

Динамика заработной платы М.И. Ростовцева¹⁶⁸

¹⁶⁶ Цит по: Пауто В.Т. Указ. соч. С. 35.

¹⁶⁷ Цит. по: Письма М.И. и С.М. Ростовцевых Н.П. и С.Н. Кондаковым / публ. Г.М. Бонгард-Левина, В.Ю. Зуева, И.Л. Кызласовой, И.В. Тункиной // Скифский роман... С. 445.

¹⁶⁸ Таблица составлена на основе данных переписки М.И. Ростовцева с руководством Висконсинского и Йельского университетов. См. Скифский роман...

Для решения денежного вопроса Ростовцев ведет переговоры сразу с несколькими университетами. Он сообщает руководству Висконсинского университета о том, что его хотят пригласить на должность профессора в Корнельский университет, и в результате получает более комфортные условия работы в Висконсине. Его зарплата резко возросла после перехода в Йельский университет, где он занял должность стерлинг-профессора, т.е. профессора по фонду Стерлинга. После своей смерти Джон Уильям Стерлинг завещал все средства, полученные от продажи его имущества Йельскому университету на строительство здания и создание именной профессуры. Звание «Стерлинг Профессор» и сейчас является одним из самых высших званий в Йельском университете. Таким образом, Йель смог предложить Ростовцеву гораздо более выгодные условия, чем Висконсин, т.к. зарплата русского ученого обеспечивалась за счет средств фонда, а не университета. В 1939 году он должен был уйти в отставку, но специально для М.И. Ростовцева была создана должность директора Археологического музея.

логических исследований, которую и было предложено ему занять на бессрочной основе¹⁶⁹ с зарплатой 12 000 долларов в год.

Заработная плата других ученых, приезжавших в США, была значительно меньше. Состояние источников не позволяет нам проследить зарплату других историков-эмигрантов в динамике, мы располагаем лишь сведениями об условиях работы на начальном этапе. Так, А.А. Васильев, приглашенный на место М.И. Ростовцева в Висконсинский университет, получал 4500 долларов в год, но он, в отличие от Ростовцева, не придавал столь большого значения размеру своей заработной платы, она его вполне устраивала, и он не стремился менять место работы.

При этом стоит отметить, что М.М. Карпович, работая в российском Финансовом агентстве в США, до 1 октября 1925 года получал 450 долларов в месяц, но с 1 октября 1925 года его жалование было сокращено до 250 долларов в месяц. С 1927 года М.М. Карпович уже работал в Гарвардском университете, но периодически ему приходилось возвращаться к делам Финансового агентства. Так, в 1929 году, когда он уже был вне штата, М.М. Карповичу пришлось замещать С.А. Угета¹⁷⁰ во время его двухмесячной поездки в Европу. За эту работу ученый получал 150 долларов в месяц¹⁷¹. В связи с тем, что его первоначальная должность в Гарварде была достаточно низкой, его зарплата была небольшой, но все же выше, чем, например, у Г.В. Вернадского. Она составляла 2500 долларов в год¹⁷².

---

¹⁶⁹ См. письма Ч. Сеймура М.И. Ростовцеву от 25 октября и 4 ноября 1938 г. Цит. по: *Бауэрсок Г., Бонгард-Левин Г.М.* М.И. Ростовцев и Гарвард // Скифский роман... С. 197–198.

¹⁷⁰ С 1917 финансовый агент в США.

¹⁷¹ *Будницкий О.В.* Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото... С. 379.

¹⁷² VAR. George Vernadsky Papers. Box 4.

Материальное положение Г.В. Вернадского было достаточно тяжелым. На его примере мне представляется целесообразным проанализировать материальное положение русских историков в США, а также того, как они справлялись с финансовыми трудностями. Выбор этого ученого в качестве примера для подробного анализа связан с тем, что его материальное положение было типичным для ученого, который не успел завоевать мирового признания в своей сфере деятельности, и академическая карьера которого начинается с невысокой должности в американском университете.

Тема материального достатка занимает достаточно важное место в его письмах. Г.В. Вернадский сообщает сведения о своей зарплате в США, которая составляла первоначально 1500 долларов в год, плюс 500 долларов на переезд. При этом он говорит, что деньги выплачиваются 10 месяцев, но по 150 долларов¹⁷³. В летние месяцы зарплата не платится. На второй год ситуация несколько улучшилась, ему стали платить 2000 долларов. Но этого также было недостаточно, причем настолько, что Вернадский вынужден был взять постоянную «secretarial work у одного знакомого профессора». «[С]ейчас главным образом помогаю ему с корректурами его книги. Буду за это получать 500 д[олларов] в год, это именно то, чего нам не хватало, и т.о. надеюсь, что бюджет наш придет в равновесие и можно будет сводить концы с концами»¹⁷⁴ - так он писал в письме В.И. Вернадскому от 10 декабря 1929 года. В целом это была довольно низкая зарплата, хотя исходя из опыта преподавательской деятельности Вернадского, очевидно, что он мог претендовать на более высокую оплату.

---

¹⁷³ АРАН. Ф. 518. Оп. 3 Д. 310. Л. 55 об.

¹⁷⁴ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 312. Л. 38.

Однако, даже вторая работа, не позволяла ему жить в достатке. Об этом постоянно говорится в письмах и за 1927/1928 учебный год. Например, когда заболела Нина Вернадская (жена Георгия), и ее положили в больницу, это было нелегко в материальном положении, хотя «плата довольно умеренная, т[ак] что надеюсь - справимся, в случае же чего мне обещал помочь Г[олдер], которого я видел в Вашингтоне»¹⁷⁵. Также он просит прислать ему книгу Смирнова «Восточное серебро», но для этого нужно было, чтобы В.И. Вернадский смог «откуда-нибудь достать денег и заплатить за издание, а потом я бы прислал»¹⁷⁶.

В 1928/1929 учебном году он пишет, что ему нужен был костюм, и они смогли позволить себе купить только самый дешевый за 16,5 \$, хотя в основном они стоят 40 \$ (письмо от 30 сентября 1928 года). Но в том же году, правда, уже после того как приступил к работе ассистента, в апреле, он смог позволить себе купить старый фورد за 125 \$, 45 из них заплатил сразу, остальное в рассрочку. Но опять же, он объясняет эту покупку тем, что машина должна окупиться за одно лето¹⁷⁷.

В 1929 году, в письме от 27 октября Г.В. Вернадский пишет: «В нашей жизни новость, что мы продали наш автомобиль, т.к. не имело смысла платить зимой за него налоги и плату за помещение, да и вообще содержание автомобиля (гараж, газолин, ремонт) нам, в сущности, не по средствам; если обстоятельства в будущем улучшатся, купим другой». В 1929/1930 учебном году он опять берет уже упоминающуюся «secretarial work». В 1930 году радуется, что ему предложили поехать в Калифорнию «в Stanford University для разборки собран-

¹⁷⁵ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 311. Л. 1 об.

¹⁷⁶ Там же. Л. 3 об.

¹⁷⁷ АРАН. Ф. 518. Оп. 3 Д. 311. Л. 27.

ных там материалов по русской истории»¹⁷⁸ и обещали при этом достойную зарплату, а в 1931 году он едет туда не только для разбора материалов, но и преподавать на летних курсах.

В 1933 году его финансовое положение, судя по всему, несколько улучшилось. Он смог опять купить автомобиль, периодически посылает деньги родителям в Советский Союз через Торгсин¹⁷⁹ и в Чехию своей сестре Нине, чтобы она с ребенком могла летом отдохнуть за городом. Также он уже не пишет о том, что ему приходится брать «secretarial work». С чем это связано, трудно сказать. Так, он не пишет о том, что ему подняли зарплату; да это и было бы маловероятно, учитывая «великую депрессию». Частично необходимые деньги давало преподавание в Гарвардском университете, где он подрабатывал в 1933 году, пока М.М. Карпович там отсутствовал. Можно было бы предположить, что улучшение финансового благополучия связано именно с этим, но в 1934/35 учебном году этот источник дохода исчезает. Однако это не сказывается на финансовом положении Вернадских, наоборот, они покупают себе дачу. Вот что он пишет в письме от 17 февраля 1935 года: «Мы решили купить маленький участок земли в деревне, чтобы спастись от городской жары, а также и на week-end'ы ездить»¹⁸⁰.

Данные писем относительно материальной обеспеченности семьи Вернадских в США использовать достаточно трудно. Так, в письме своей матери, от 30 августа 1939 года сестра Г.В. Вернадского по секрету сообщала, что Георгий уже несколько лет не вылезает из дол-

---

¹⁷⁸ АРАН. Ф. 518. Оп 3. Д. 313. Л. 1 об.

¹⁷⁹ Торгсин (Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами) - советская организация, занимавшаяся обслуживанием иностранцев и своих граждан, продавая продукты питания и другие товары за иностранную валюту.

¹⁸⁰ АРАН. Ф.518. Оп. 3. Д. 318. Л. 7-7 об.

гов¹⁸¹. И это притом, что примерно в середине 1930-х годов жалование Вернадского было увеличено на 1000 долларов и составило 3500 долларов в год. Окончательно же говорить о нормализации его финансового положения можно говорить только после 1946 года, когда ему дали звание профессора¹⁸² русской истории и повысили жалование до 10 000 долларов в год. Правда перед этим, в 1945 году, в связи с чтением лекций о России солдатам и матросам, которых должны были отправить на фронт в Европу, Вернадскому кратковременно повысили жалование до 6000 долларов в год¹⁸³ – еще одно доказательство взаимосвязи между финансовым положением и интересом к каждой конкретной науке в обществе, а также признанием заслуг со стороны руководства университета.

Говоря об уровне материального благополучия, необходимо иметь четкое представление о том, что представляли собой вышеприведенные суммы. Софья Михайловна Ростовцева в письме Н.П. Кондакову приводила основные статьи расходов их семьи.

Таблица 1¹⁸⁴

Наименование	Цена за месяц (\$)	Цена за год (\$)
Услуги домработницы	-	1000 \$
Квартира 5–7 комнат с отоплением, электричеством, телефоном, горячей и холодной водой	80-100	960 – 1200

¹⁸¹ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 300. Л. 29.

¹⁸² Имеется ввиду звание full professor. См. VAR. George Vernadsky Papers. Box 98.

¹⁸³ VAR. George Vernadsky Papers. Box 98.

¹⁸⁴ Цит. По Письма М.И. и С.М. Ростовцевых Н.П. и С.Н. Кондаковым... // Скифский роман... С. 446.

Питание	-	До- машнее пи- тание	Ре- сторон
		600 – 720	1080 – 1620
Итого (максимально)	-	2920	3820

Понятно, что у Вернадских расходы были несколько иными, чем, например, у М.И. Ростовцева. Так, за квартиру у него уходило 45 долларов в месяц, т.е. примерно в два раза меньше, они также не пользовались услугами домработницы, но денег все равно не хватало. Отчасти это связано с тем, что Нина Вернадская сама практически не готовила, а предпочитала заказывать еду, что естественно стоило значительно дороже. По сведениям, которые приводит сестра Г.В. Вернадского Н.В. Вернадская-Толль, семья ее брата не умела экономить. Например, в письме Наталье Егоровне Вернадской, своей матери, она писала, что Георгий купил Нине страшно дорогой рояль и т.д.¹⁸⁵.

¹⁸⁵ АРАН Ф. 518. Оп. 3. Д. 300. Л. 29.

§ 5. Семья, дружеский и профессиональный круг общения русских историков-эмигрантов в США

Поведение людей, особенно представителей такой высокорелексивной группы, как научное сообщество, определяется во многом не материальными факторами, а в большей степени сложившейся картиной мира, системой ценностей и т.д. Об этом, в частности, писал А.А. Васильев в своем письме академику Ф.И. Успенскому: «Многоуважаемый Федор Иванович! Вы пишете, что Америка должна оставлять впечатление и влиять на людей, особенно русских, приехавших сюда. Да, это может быть с людьми молодыми. Но, например, на человека моего возраста со сложившимся укладом мыслей Америка может производить и производит сильное впечатление, но коренным образом повлиять на склад мыслей моих она уже не может»¹⁸⁶. Возможно поэтому, столь жалкими кажутся попытки набоковского Пнина вести себя и выглядеть по-американски. Т.е. ученые во многом ориентировались на привычные для них нормы поведения, которые сложились еще в России.

При этом, одним из самых важных механизмов сохранения привычных ценностей, традиций и т.д. является семья. Семейное положение во многом влияло на психологическое состояние ученого и успешность его адаптации. Приезжая в чужую страну, любой человек нуждается в психологической поддержке. В силу того, что большинство историков, приехавших в Америку после революции 1917 года, было людьми закончившими университет, успевшими чего-то добиться в жизни, многие из них приезжали в США вместе со своей семьей. Исключение составляют А.А. Васильев, а также М.М. Карпович, который приехал в США без жены. Но в конце 1923 года к Карповичу

---

¹⁸⁶ СПФА РАН. Ф. № 116. Оп. 2. Д.61. Л. 5.

смогла приехать его невеста Татьяна Николаевна Потапова (1897 – 1973). Они поженились, и этот брак принес им четверых детей¹⁸⁷.

Говоря о роли семьи в бытовой адаптации эмигрантов, стоит рассмотреть следующие аспекты: роль женщины (матери, жены) в семье, ее род занятий, досуг. Далекое не все эмигранты смогли сохранить семью. В результате революции, гражданской войны и эмиграции многие семьи распались и далеко не все эмигранты сумели вывезти своих родных из России. Кому-то это было проще. Так, например, М.И. Ростовцев, уезжая в командировку в 1918 году, смог добиться приглашения и для своей жены, принимая во внимание развивавшиеся в то время в России события. Вместе с семьей уехал и Г.В. Вернадский. Жизненные линии этих людей выстраивались самым причудливым образом, в силу политических обстоятельств того времени.

Как правило, жены русских профессоров в США вели домашнее хозяйство, занимались детьми, иногда работали. Так, например, жена М.И. Ростовцева в США вынуждена была возложить на себя все заботы о хозяйстве, в то время как в России она этим не занималась. Семья Ростовцевых пыталась найти себе прислугу в США, но это было очень сложно и весьма дорого стоило, порядка 1000\$ в год. Как следует из писем, Софья Михайловна Ростовцева кроме домашнего хозяйства, помогала мужу вычитывать корректуры его работ и составлять библиографию.

Домашним хозяйством занимались и жены других русских ученых в США. Они занимались работой по дому, устраивали званые ужины, поддерживали отношения с другими американками, ходили друг к другу в гости и т.д. Кроме того, жены учёных могли работать.

---

¹⁸⁷ Бирман М.А. М.М. Карпович и «Новый журнал» // Отечественная история. 1999. № 5. С. 126.

Так, например, Н.В. Вернадская-Толль работала врачом. Но эту работу она смогла получить не сразу, поэтому первое время вместе с женой Г.В. Вернадского Ниной подрабатывала, делая переводы¹⁸⁸. Нина же, кроме того, что вела хозяйство, время от времени подрабатывала обучением «пению русских детей в YWCA¹⁸⁹»¹⁹⁰.

В связи с этим, нам кажется важным иметь представление о круге общения русских ученых в США. Понятно, что в Америке, из-за малого количества ученых эмигрантов и их рассеяния по территории США, они долгое время не могли создать сколько-нибудь заметных научных и культурных объединений, как это делали эмигранты в Европе. Но многие русские ученые, осевшие в США, входили в состав европейских организаций или оказывали им всевозможную помощь, поддерживали научные контакты. Так, Г.В. Вернадский, который до своего отъезда был одним из руководителей Кондаковского института, вел активную переписку с Н.П. Толлем, ставшим фактическим директором института после отъезда Вернадского.

Вернадский вел переписку и с другими русскими учеными - эмигрантами. В дневниках его жены сохранились записи о приглашенных на Пасху к Вернадским за разные годы: «1933-ий: ...были Ростовцевы чудесно. Кушали с удовольствием и были веселы и ласковы и разговорчивы. Как нам надо благодарить судьбу, что они у нас есть⁸⁹. Пасху 1934-го встречали в ростовцевской квартире с Сережей Зарудным, 1935-го - с Карповичами. Пасха 1936-го оказалась богатой, т.к. перед ней Георгий получил за Ленина [т.е. за книгу *Lenin, Red Dictator*¹⁹¹ 190

¹⁸⁸ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 300. Л. 21.

¹⁸⁹ YWCA – Young Women’s Christian Association - Женская христианская ассоциация, которая существует до сих пор, ее деятельность охватывает 75 стран. Она осуществляет программу организации досуга, образования и духовного развития.

¹⁹⁰ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 310. Л. 58 об.

¹⁹¹ *Vernadsky G. Lenin. Red Dictator. New Haven, 1931.*

долларов»¹⁹². При этом, как пишет М.Ю. Сорокина, «Ближайший круг общения Вернадских на протяжении всех американских лет оставался русским - прежде всего старые знакомые и родственники - С.В. Панина, Ростовцевы, А.И. Петрункевич, Карповичи, Зарудные, А.Л.Толстая»¹⁹³. Как мы видим американцев среди перечисленных людей нет.

Вообще походы в гости друг к другу были довольно распространены. Когда читаешь письма русских ученых и членов их семей родным и друзьям, очень часто встречаешь упоминания, что он был приглашен к кому-то, или сам устраивал званый ужин. Это было неотъемлемой частью «social life» американского общества того времени. Причем, умение поддерживать хорошие отношения с американцами было важно не только для самих ученых, но и для их жен, т.к. нередко проводились мероприятия, на которые приглашались профессора вместе с женами. Нина Владимировна Вернадская-Толль писала своим родителям, что главной причиной отсутствия друзей у Г.В. Вернадского в США является то, что его жена не умеет ладить с людьми. С одной стороны, такое заявление может быть связано с постоянными конфликтами, которые были между ними, пока их семьи жили в одной квартире. Но с другой стороны важно учитывать и то, что Г.В. Вернадский с женой в итоге рассорились даже с Ростовцевыми, которые активно им помогали, особенно в первое время. По мнению Сорокиной здесь даже имела место некая доля ревности к Н.П. Толлю, которого М.И. Ростовцев очень высоко ценил и которому по-

---

¹⁹² Сорокина М.Ю. Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // Природа. 1999. № 2. С. 101.

¹⁹³ Там же. С. 101.

ручал писать отчеты по раскопкам в Дура Европос, чем раньше занимался Вернадский¹⁹⁴.

Во многом это было связано ещё и с тем, что у Вернадских было очень тяжелое материальное положение. Как пишет М.Ю. Сорокина: «А материальная необеспеченность - постыдная в Америке и тем более в академической среде развивала болезненную замкнутость образа жизни»¹⁹⁵. Во многом с этим был связан и успех как бытовой адаптации, так и научной интеграции. Хотя первоначально Вернадский был дружен с Голдером и Фишером, но они жили и работали в Калифорнии, и контакты с ними были весьма затруднены. В итоге Вернадские так и не стали своими в США.

Практически все ученые – эмигранты имели связи с оставшимися в советской России деятелями науки. Так, А.А. Васильев активно переписывался с С.А. Жебелевым, Ф.И. Успенским, И.Ю. Крачковским и его женой В.А. Крачковской, Н.Я. Марром, С.Ф. Ольденбургом. Сохранились его письма В.Н. Бенешевичу, Н.П. Кондакову, Е.Ч. Скржинской и многим другим. При этом он активно общался со своим близким другом М.И. Ростовцевым в США и другими учеными. Но, кроме того, у него было множество друзей среди американцев. Как писал Ростовцев в письме Васильеву от 5 марта 1935 года: «Впрочем, ты любишь Нью-Йорк, и у тебя там масса друзей, как везде»¹⁹⁶.

Исключение составляет М.И. Ростовцев, который практически не писал в Россию. Это было связано с тем, что после дела С.А. Жебеле-

¹⁹⁴ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 Д. 316. Л. 30, 30 об.

¹⁹⁵ Сорокина М.Ю. Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» / М.Ю. Сорокина. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. - [Б.м., сор. 2015]. URL: <http://www.aran.ru/?q=ru/vernad1>, (дата обращения: 25.10.2015). В печатных версиях статьи этого нет, поэтому привожу ссылку на электронную версию.

¹⁹⁶ Цит. по М.И. Ростовцев и А.А. Васильев: шесть десятилетий дружбы... С.273.

ва¹⁹⁷ он опасался за судьбу своих друзей, но старался всячески поддерживать связь с ними. Так, например, он посылал оттиски своих статей, или просто весточку о себе с помощью А.А. Васильева. Это было связано с тем, что Васильев не боролся с советской властью, и потому, его письма не могли навредить его русским знакомым. Ростовцев был связан со многими русскими эмигрантами. Среди них Н.П. Кондаков и его сын С.Н. Кондаков, А.А. Васильев, Г.В. Вернадский, П.А. Сорокин, А.В. Тыркова-Вильямс, И.А. Бунин, К.А. Сомов, В.В. Набоков и др.

---

¹⁹⁷ Дело С.А. Жебелева было связано с тем, что он участвовал в эмигрантском сборнике «*Seminarium Kondakovianum*», где в статье о Я.И. Смирнове назвал М.И. Ростовцева своим другом. В печати была начата травля Жебелева, в итоге он вынужден был публично отречься от своей дружбы с Ростовцевым, и признать ошибочным свое участие в сборнике. Подробнее см. *Тункина И.В.* М.И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман ... С. 101-109; где большое место было уделено непосредственно делу С.А. Жебелева.

§ 6. Отношение к США и возможности возвращения на родину

Весьма важно проследить, как изменялось отношение к приютившей стране. Понятно, что говорить о каком-то общем восприятии США довольно сложно. Оно было различным в каждом конкретном случае. При этом важно не только узнать, какое отношение было в первые годы после приезда в Америку, но посмотреть и на динамику оценок.

В 1925 году Васильев писал своим коллегам в Ленинград: «Первое впечатление от Америки и американцев недурное»¹⁹⁸. Не изменилась его оценка и на следующий год: «В «сухую»¹⁹⁹ Америку еду не без удовольствия»²⁰⁰. Он также писал, что он благодарен судьбе, которая дала ему «возможность пожить в этой стране, с которой я далеко не всегда схожусь»²⁰¹. В целом оценка Васильева в дальнейшем практически не меняется.

Схожую оценку дает и М.М. Карпович. В письме Г.В. Вернадскому от 3 сентября 1923 года, он пишет: «Здесь [в Америке] обеспечено мое (и моих близких) материальное существование и здесь мне легче выждать возвращения в Россию – и это все»²⁰². В том же письме, есть продолжение этой мысли: «Признаю все достоинства этой страны, но в нее не погружаюсь. Духовно чувствую себя очень одиноким»²⁰³. Т.е., хотя отношение к США было неплохим, но, при этом, ни Васильев, ни Карпович не считали ее страной, в которой хотели бы прожить оставшуюся жизнь. Они принимали культуру и порядки

¹⁹⁸ СПФА РАН. Ф. 116. Оп. 2. Д.61. Л. 5.

¹⁹⁹ В 1920 году в Америке восемнадцатой поправкой к Конституции США был введен «сухой закон». Отменили его в 1933 году двадцать третьей поправкой к Конституции США.

²⁰⁰ СПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 18.

²⁰¹ СПФА РАН. Ф. 116. Оп. 2. Д.61. Л. 5.

²⁰² *Карпович М.М.* Письма М. Карповича Г. Вернадскому... С. 288.

²⁰³ Там же. С. 290.

приютившей страны, т.к. вынуждены были в ней жить, но это было только внешнее принятие.

Нина Вернадская-Толль писала своим родителям, что Америка ей очень нравится. Практически в каждом письме встречаются слова о том, что в США ее саму и ее мужа практически все устраивает. При этом необходимо помнить о том, что хотя с Н.П. Толлем и был подписан fellowship²⁰⁴ на три года для разбора привезенных из Дура-Европос находок²⁰⁵, но их положение в США было чрезвычайно тяжелым. В частности Н.П. Толль получал первые полгода в США всего 75 долларов в месяц. Всю эту сумму они отдавали семье Г.В. Вернадского за дом, который они совместно снимали, и за стол. Позже, когда Николай Петрович с семьей смог снять свою квартиру и стал получать 100 долларов, ситуация несколько улучшилась, но они все равно нуждались в помощи родителей. Тем не менее, в 1942 году, т.е. уже на третий год пребывания в США, Н.В. Вернадская писала отцу: «Здесь мы совсем вошли в жизнь, и в сущности ничем не чувствуем себя иностранцами»²⁰⁶.

На основании писем мы можем выделить и отношение М.И. Ростовцева и его жены к США, американской культуре, студенчеству и университету. В 1920 году в письме Кондакову есть следующая характеристика США: «Что Америка сейчас самая здоровая страна в мире, это несомненно. Американцы не Бог ведь как умны и образованны, но они верят во многое как в аксиому, например в демократию, и с этой веры американского зажиточного фермера не так легко сбить. У них есть еще религия, не ханжеская псевдорелигия англичан, а настоящая, хоть и хиленькая... Есть у них и мораль, тоже довольно

---

²⁰⁴ Fellowship – стипендия, стажировка.

²⁰⁵ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 300. Л. 10 об.

²⁰⁶ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 303. Л. 4.

элементарная, но крепкая и достаточно здоровая... Это все плюсы, но есть и минусы. Демократия здешняя принижает культуру, разбавляет ее и делает внешне образованных людей, интересы которых дальше кинематографа и спорта не идут»²⁰⁷. И в качестве вывода он пишет, что хотел бы остаться в США. Схожую оценку дает и М.М. Карпович, говоря, что американцы подлинно религиозны, но в их религии нет мистицизма²⁰⁸. Но уже в 1921 году жена Ростовцева пишет: «Кинематограф здесь царит повсюду, придушил театр, музыку - все кроме футбола и других подобных развлечений... Университет – это фабрика – штампует инженеров, лесоводов, земледельцев, докторов, учителей, банкиров, страховых агентов, даже кухарок... Средняя школа здесь из рук вон плоха – нет учителей. Утешаемся мыслью, что мы все-таки не в «социалистическом раю»»²⁰⁹. Эти строки, на наш взгляд, органично дополняют мнение самого Ростовцева, который был более лаконичен в письмах. В том же году он сам, в письме А.В. Тырковой пишет, что живет и работает без удовольствия²¹⁰.

Таким образом, в 1920 году, оценка М.И. Ростовцевым Америки весьма оптимистична, но со временем она меняется в худшую сторону. Скорее всего, первая оценка связана отчасти с первым впечатлением, которое было хорошим, а отчасти с хорошим эмоциональным состоянием, т.к. Ростовцев получил научную работу, за которую платили, чего он не мог добиться в Англии. Важно отметить, что отрицательная оценка сохраняется в дальнейшем. В 1926 году он пишет А.В. Тырковой, что Америка ему надоела²¹¹. Примерно то же самое он

²⁰⁷ Цит. по Письма М.И. и С.М. Ростовцевых Н.П. и С.Н. Кондаковым... С. 440.

²⁰⁸ VAR. George Vernadsky Papers. Box 4.

²⁰⁹ Письма М.И. и С.М. Ростовцевых Н.П. и С.Н. Кондаковым... С. 446.

²¹⁰ Цит. по Письма М.И. Ростовцева А.В. Тырковой-Вильямс и Г. Вильямсу / публ. Г.М. Бонгард-Левина, И.В. Тункиной // Скифский роман ... С. 483.

²¹¹ Там же. С. 496.

пишет и А.А. Васильеву в письмах за 1925 – 1934 гг.²¹². Общий смысл этих писем сводится к тому, что М.И. Ростовцев не радуется жизни, и Америка его удручает. В последующих письмах об Америке, как правило, почти ничего не говорится, про свою жизнь он пишет, что не испытывает к ней интереса²¹³ и общий тон писем чаще всего минорный, что косвенным образом свидетельствует о том, что его отношение к Америке осталось прежним. Таким образом, ни о какой культурной ассимиляции говорить здесь не приходится.

На основе всего выше сказанного можно сделать вывод о том, что жизнь в новой стране была Ростовцеву чужда, но он с ней мирился, хотя и не принимал, потому что не видел других вариантов построения своей дальнейшей жизни. Точнее, варианты были: ему, например, предлагали переехать работать в Германию в 1931 году²¹⁴, но он отказался. Сделал он это не из-за того, что ему нравилась Америка, а по причине своего возраста, ему было уже 61 год. Он сам писал, что трудно в его возрасте начинать все сначала и создавать себе имя. Это относится не только к этому конкретному случаю, но и к подобным случаям при смене места работы в США. Он принял одно предложение – Йельского университета, но из-за гораздо лучших условий преподавания и более высокой зарплаты, чем он имел в Висконсине.

Что касается мнения Г.В. Вернадского и его жены, то их оценка ценностей американцев и во многом отношении к США были нега-

---

²¹² М.И. Ростовцев и А.А. Васильев: шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества / публ. Г.М. Бонгард-Левина, И.В. Тункиной // Скифский роман ... С. 259-287.

²¹³ Цит. по Письма М.И. Ростовцева А.В. Тырковой-Вильямс и Г. Вильямсу... С. 499.

²¹⁴ Бауэрсок Г., Бонгард-Левин Г.М. М.И. Ростовцев и Гарвард // Скифский роман... С. 199.

тивными. Н.В. Вернадская, в частности, писала: «Для меня успех у американцев есть признак морального почти падения». Это было связано с тем, как пишет М.Ю. Сорокина, что «идеология обязательного жизненного преуспевания, понимаемая в Америке прежде всего как карьерный = материальный успех и успешность, так и осталась для них чуждой»²¹⁵. То есть ни о каком принятии ценностей американского общества Вернадскими речь не идет.

Как бы возражая против мнения о важности материального благополучия, Карпович пишет Г.В. Вернадскому в 1920 году: «Представление об американцах как о народе, погрязшем в материальных делах – неверно, они сейчас может быть, самый идеалистический народ на земле»²¹⁶.

При этом очень интересно сравнить отношение ученых к США, которое выказывалось в письмах и их поведение, в частности, их попытки стать своими в американском обществе. Довольно показательным в этом плане будет сравнение интеграционной активности Вернадских с семьей Ростовцевых или Толлей. С одной стороны, судя по письмам, ни Ростовцевым, ни Вернадским США в целом и ее культура, в частности, не нравились. Но при этом Михаил Иванович и Софья Михайловна Ростовцевы старались, как выразилась жена Г.В. Вернадского, встречаться с «right people» (буквально – правильными людьми; в данном контексте, очевидно, следует перевести «нужными людьми»). Вообще же стоит отметить, что Вернадские не обзавелись друзьями в США в отличие от Толлей или Васильева. При этом, что Толли, что Ростовцевы очень часто приглашали к себе своих американских коллег, либо ходили к ним в гости. Со многими из них сложи-

²¹⁵ Сорокина М.Ю. Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // Природа. 1999. № 2. С. 101.

²¹⁶ BAR. George Vernadsky Papers. Box 4.

лись дружественные отношения. Вернадские же жили более уединенно и старались поддерживать отношения в основном с русскими эмигрантами. Н.В. Вернадская-Толль говорила в письме от 10 мая: «По моему, Георгий очень повеселел с приездом Н.П. [Толля], ведь он очень одинок здесь»²¹⁷.

При разборе стратегий бытовой адаптации эмигрантов очень важна их оценка возможности вернуться в России. Дело в том, что это, на мой взгляд, напрямую влияло на адаптационную активность ученых в чужой стране. От этого зависела их активность в интеграции в научное сообщество. Если у человека нет путей отступления, то он будет стремиться встроиться в научное сообщество приютившей его страны более активно. Если же он считает свое пребывание за границей временным явлением, его мотивация будет более низкой. Человек, который постоянно оглядывается назад, не сможет достигнуть высот в академической жизни и будет некомфортно ощущать себя в бытовой сфере.

Как известно, первоначально у многих эмигрантов, что в Америке, что в Европе, существовали надежды на скорое падение власти большевиков. Многие ученые, например, в Чехословакии продолжали писать книги и статьи исключительно на русском языке, т.к. считали, что они должны работать только на русскую науку. При этом некоторые из них отрицательно относились к тем своим коллегам, которые начинали писать на других языках. Так, П.Н. Савицкий русских ученых, пишущих на других языках называл «романогерманобесами». Он писал: «Публикация подобной работы²¹⁸ на романо-германском языке

---

²¹⁷ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 300. Л. 25.

²¹⁸ К сожалению, нам не удалось точно установить о какой работе и какого автора идет речь в тексте Савицкого. Есть два наиболее вероятных варианта. Это второе издание книги Г.В. Вернадского «A History of Russia» 1930 года, либо одна из статей А.Н. Грабара 1930 года, какая именно нам установить не удалось.

– один из самых горестных примеров слепого «романогерманобесия»²¹⁹.

Однако со временем, вера эмигрантов в скорое возвращение домой была значительно подорвана ходом истории. В частности, тот факт, что они уезжали из Европы в США, надеясь на более комфортные условия существования, сам по себе говорил в пользу того, что они уже во многом смирились с мыслью, что они не скоро, если вообще смогут вернуться на родину. При этом стоит основное внимание уделить тем, кто приехал в США либо напрямую, не пытаясь найти место в европейских научных заведениях, как, например, М.М. Карпович и А.А. Васильев, либо тем, кто уехал с началом революции и в Европе задержался ненадолго. Многие из них изначально не надеялись на скорое возвращение.

К таким людям, в частности, относится М.И. Ростовцев. Вера в скорое возвращение у него была до 1919 года, после чего она практически исчезла. Это подтверждают следующие данные: в 1918 году 15 августа он пишет А.В. Тырковой, что вернулся бы в Россию, если бы не научная работа в Швеции²²⁰. Также существует текст меморандума от 8 октября 1918 года²²¹, на тему международного научного сотрудничества стран-союзниц в первой мировой войне, который подписан М.И. Ростовцевым как профессором Петроградского университета и членом РАН. Но уже с конца 1919 года, надежда постепенно исчезает, о чем свидетельствуют следующие слова Ростовцева, в письме Н.П. Кондакову от 22 декабря 1919 года: «Самое ужасное то, что вера иссякла. Люблю отвлеченную Россию, а в настоящей – ничего кроме

---

²¹⁹ Цит. по Мир Кондакова... С. 210.

²²⁰ Скифский роман... С. 463-464.

²²¹ Там же. С. 464-465.

ужаса»²²². Однако это еще не окончательное решение, т.к. в следующие годы во многих письмах лейтмотивом данного вопроса звучат примерно следующие слова «в большевистскую Россию я не ездох»²²³, т.е. оно было связано именно с политическими причинами. Перелом произошел в 1922 году, когда он пишет Н.П. Кондакову, что даже если русский мужик свергнет большевиков, то «толку, однако, для русской культуры и для нас с Вами не будет. Мужичу культура и наука не нужны. Он это показал достаточно ясно»²²⁴. Есть слова, еще более четко характеризующие его мнение относительно возможности вернуться «Нашу родину мы потеряли. Россия умерла..., так не увидим мы России»²²⁵.

В этом плане мнение Карповича было более оптимистичным. Как будто отвечая на слова М.И. Ростовцева, 17 июня 1921 года он писал Г.В. Вернадскому: «Поэтому просто не понимаю людей, которые говорят, что все кончено, что мы никогда не вернемся в Россию, что для нас там не будет места, что Россия вообще не возродится и т.п. Без преувеличения могу сказать, что у меня «чемодан всегда наготове, и что я в любую минуту могу сняться с этого своего американского бивуака, как мне не было удобно и приятно в нем жить, и помчаться в Россию с радостным и светлым чувством и с готовностью к творческому и созидательному труду»²²⁶. Также ответом на слова Ростовцева звучит следующая фраза: «К большевикам я тоже не хочу ехать, а в Россию, хотя бы под большевиками находящуюся, поехал бы завтра, если бы только эти негодяи меня туда пустили без всяких условий»²²⁷.

²²² Цит. по Письма М.И. и С.М. Ростовцевых Н.П. и С.Н. Кондаковым... С.434.

²²³ Там же. С. 437.

²²⁴ Там же. С. 454.

²²⁵ Там же. С. 440.

²²⁶ *Карпович М.М.* Письма М. Карповича Г. Вернадскому / Публ., предисл. и комм М. Раева // Новый журнал. 1992. Кн. 188. С. 268-269.

²²⁷ Там же. С. 269.

При этом он был согласен с Ростовцевым в том, что «большевизм в России кончится только тогда, когда он будет изжит русским народом; это единственный путь, хотя бы для него нужны были десятилетия»²²⁸. Но в итоге, по прошествии времени, он пишет: «Того мира, к которому я принадлежал, больше не существует. Что бы ни произошло с Россией в будущем, безусловно, это будет не то, что было прежде, – есть вещи, которые не могут воскреснуть»²²⁹.

При анализе вопроса о возможности возвращения в Россию важную роль играет принятие американского гражданства русскими учеными. Так, М.И. Ростовцев, который приехал в США одним из первых русских историков подал документы в 1927 году, на седьмой год пребывания в Америке²³⁰, хотя достаточно было и пяти. Получил он его в 1929 году.

При этом стоит отметить тот факт, что Толли подали документы на гражданство в первый же год своего пребывания в США (в 1939 г.)²³¹. Во многом это связано с тем, что они скорее хотели стать гражданами этой страны, и рассматривали Америку в качестве страны своего постоянного проживания. Такая поспешность в свою очередь говорит о том, что они уже не питали надежд на возвращение в Россию, и, по-видимому Америка для них была предпочтительнее «ненавист-

---

²²⁸ Цит. по Крейд В. Карпович Михаил Михайлович (1888 – 1959) // Журнал Российского государственного гуманитарного университета. 2003. № 9. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Б.м., сор. 1996-2013]. URL: http://www.nivestnik.ru/2003_1/12.shtml (дата обращения: 25.10.2015).

²²⁹ Леонидов В. М.М. Карпович. Лекции по интеллектуальной истории России // Новый журнал. 2013. Кн. 272. С. 365.

²³⁰ По закону он мог это сделать через пять лет после прибытия в США.

²³¹ По-видимому, здесь опечатка, т.к. сделать это они могли только после пяти лет пребывания в США. Возможно, в данном случае имелось ввиду получение вида на жительство или иного подобного документа.

ной»²³² Европы, в которой к тому же в 1939 году началась Вторая мировая война.

В 1933 году Г.В. Вернадскому и его жене дали американское гражданство. Однако сам по себе этот факт не говорит о том, что Вернадским нравился американский уклад жизни. Гражданство им нужно было для того, чтобы чувствовать себя более уверенными в новой стране.

---

²³² АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 300. Л. 10 об.

§ 7. Особенности проведения досуга русскими историками-эмигрантами в США

Говоря о досуге, практически все русские эмигранты из возможных развлечений отмечают только футбол и хождение друг к другу в гости. Также большое место занимала музыка. Именно эта часть культуры России занимала наибольшее место в досуге русских ученых-эмигрантов в США. С чем это связано – трудно сказать. По всей видимости, музыкальные развлечения были наиболее доступны. Что Мэдисон, что Нью-Хейвен не принадлежали к культурным центрам США. Наиболее часто они ходили на концерты, на которых исполнялись произведения С.В. Рахманинова, П.И. Чайковского и других русских композиторов.

Но, тем не менее, в письмах нередко можно встретить информацию, что кто-либо пойдет или ходил на концерт. Так, Вернадские в 1930 году ходили на концерты семь раз. Кроме того, жена Г.В. Вернадского часто музицировала дома. Она имела музыкальное образование и иногда подрабатывала, давая концерты.

Увлекался музыкой и А.А. Васильев. Как писал о нем Г.В. Вернадский: «Он занимался музыкой очень серьезно и на занятия музыкой посвятил массу времени. По его собственным словам, музыку он, вероятно, любил и любит больше чем науку»²³³. Играть на фортепиано Васильев начал, еще будучи гимназистом. Параллельно с учебой на историко-филологическом факультете он попытался заниматься в консерватории и даже отучился там один семестр, но потом ушел, т.к. совмещать обучение и там и там у него не получилось. По свидетельству современников Васильев был очень хорошим исполнителем и даже сам написал несколько произведений. Некоторые из них были

---

²³³ *Вернадский Г.В.* А.А. Васильев (к семидесятилетию его) // *Анналы Института им. Н.П. Кондакова.* 1938. Т. X. С. 3.

изданы. Он сам давал в Америке концерты, причем не только на каких-либо вечерах, но и как профессиональный музыкант, афиши о его выступлении висели по городу²³⁴.

Вот как Васильев описывал свою занятость на неделе. Кроме работы, там есть место и развлечениям: «в понедельник вечером концерт норвежской певицы, в среду после семинария репетиция французской пьесы, обед у сестер Johnson и Итальянский клуб, в четверг бал в University Club, в пятницу вечером концерт знаменитого скрипача Kreissler'a»²³⁵.

Вообще упоминания о концертах довольно часто встречаются в письмах эмигрантов. Намного реже у них получалось посещать спектакли. В письмах ни разу не упоминается о театре в Мэдисоне или Нью-Хейвене. Непрофессиональные постановки, которые периодически устраивались силами профессорско-преподавательского состава и их семей, естественно, не могли удовлетворить потребности и соответствовать вкусу русских профессоров. Упоминания о походах в театр встречаются, когда русские эмигранты выезжают в какие-либо крупные города: Нью-Йорк, Чикаго и т.д.

Особое место в письмах эмигрантов занимает описание футбола. Никто из них не любил футбол. Но учитывая, что футбол занимал довольно много места в жизни таких городов как Нью-Хейвен или Мэдисон, настолько, что из-за матчей даже отменяли занятия, нет ничего удивительного в том, что практически все они один или два раза присутствовали на этих спортивных состязаниях. Как писал Г.В. Вернадский «Футбол тут самая важная вещь, о предстоящих футбольных состязаниях печатается в офиц[иальном] университетском бюллетене

²³⁴ СПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 18.Л. 105.

²³⁵ Куклина И.В. Указ. соч. С. 325.

(не говоря о студенч[еской] газете)»²³⁶. Но сказать, что они полюбили футбольные матчи было нельзя. Таким образом, мы можем констатировать, что в целом, эмигранты старались устраивать свой досуг так, как привыкли в России. Т.е. основное место занимали музыка и театр.

На основании проведённого анализа, хотелось бы отметить, что проблема бытовой адаптации ученых достаточно сложна для изучения. Во многом это связано с тем, что жизненные траектории русских ученых–эмигрантов в США сильно разнятся. Тем не менее, все же можно выделить некие общие тенденции. Например, это касается решения жилищного вопроса эмигрантами. Так, мы видим, что ученые-эмигранты по большей части жили в двух – трехкомнатных съемных квартирах. На лето они старались уезжать из города либо на дачу, либо в научные или туристические поездки. Что касается вопроса о культуре, то тут стоит отметить, что они сохранили свои культурные пристрастия, которые были свойственны им на родине. Так, наиболее часто они посещали музыкальные концерты и театр. Детям они читали в основном произведения русских классиков.

Но при этом в их положении было и множество различий. Так, финансовое положение у всех эмигрантов разнилось и зависело от многих факторов. Оно же во многом определяло и положение в обществе. Достойную зарплату на первых порах получали далеко не все из историков - эмигрантов. Увеличение оплаты труда происходило чаще всего после того, как изменялись условия преподавания дисциплины.

Возможность возвращения на родину практически все ученые рассматривали как маловероятную, но при этом их отношение к США сильно разнится. Практически всем им пришлось приспособливаться и принимать новые социальные условия, новую организацию обще-

---

²³⁶ АРАН. Ф. 518. Оп. 3 Д. 310. Л. 56.

ства, новые традиции и порядки. Однако следует отметить, что данное «принятие» чаще всего носило сугубо внешний характер. Таким образом, получается, что ученым приходилось встраиваться в американское общество без безусловного его принятия в силу огромной разницы между культурой, образованием и наукой Российской империи и США.

Первоначально многим ученым нравилась Америка. Но со временем их отношение меняется. У одних эмигрантов начинают преобладать негативные оценки, у других либо нейтральные, либо положительные. В некоторой степени это, вероятно, было связано с характером, темпераментом ученых. Конечно, на оценку влияло множество факторов, но хотелось бы отметить, что, например, М.И. Ростовцев, который имел наилучшие условия труда и возможности для самореализации, а также получал самую большую заработную плату из всех русских историков-эмигрантов, был недоволен Америкой.

Но все же, можно отметить, некие общие для большинства ученых качества, которые позволили им несколько проще адаптироваться к новым условиям жизни.

Многим ученым было присуще такое качество, как коммуникабельность, которая позволяла легко сходить с людьми. Благодаря этому они могли находить общий язык со своими коллегами, руководством университета, студентами. При этом очень важно было то, что ученые как особая профессиональная группа российского общества представляли собой интеллектуальную элиту Российской империи. Приехав в США, они, как представители этой элиты смогли легко усвоить реалии жизни в американском обществе, приспособиться к новым правилам «social life». Привычка к напряженному интеллектуальному труду позволила им, активно занимаясь наукой и преподава-

нием, занять подобающее место в американской науке и достойное положение в обществе.

Как люди, приехавшие в новую для них страну, ученые были чрезвычайно мотивированы и изначально настроены на то, что им придется снова создавать себе имя. Это во многом определило то, что они могли трудиться более эффективно. Как ученые, они понимали, что им придется, для успешной интеграции в новую среду, усвоить культурные особенности приютившей их страны и прилагали все усилия, чтобы занять свое место в американском научном сообществе.

Глава II: Профессиональная интеграция русских историков-эмигрантов

§ 1. Особенности развития исторической науки в США в начале-первой половине XX в.

В 1920-1940-е годы в США происходят изменения в системе науки, приведшие к тому, что после Второй мировой войны Америка становится одной из ведущих мировых держав не только в геополитическом плане, но и в научном, каковой остается и сейчас. Немалую роль в этом сыграли эмигранты из разных стран, особенно ученые, уезжавшие из нацистской Германии.

Традиционно, в эмиграции из России выделяют три волны. При этом сюда не входит поток эмигрантов, прибывших в США из Российской империи. По данным, которые приводит О.В. Будницкий, основная масса этих эмигрантов, переехала в США по этноконфессиональным мотивам (например, свыше 1,5 миллиона евреев в период с 1881 по 1914 гг.) или носила трудовой характер (всего на июнь 1917 г. эмигрантов насчитывалось 3 850 000 человек, включая 1 200 000 родившихся уже в Америке). В связи с Первой мировой войной, в США был организован Русский заготовительный комитет²³⁷, численность только служащих которого в конце 1917 г. превышала 1000 человек, не считая сотрудников посольства и консульских служб, представителей военного и некоторых других ведомств, общественных заготовительных организаций. При этом живущих в США на длительной основе, нередко сопровождали их семьи²³⁸. После революции в США

---

²³⁷ Русский заготовительный комитет во время Первой мировой войны осуществлял размещение заказов среди американских предприятий и покупку предметов военного снабжения для Российской империи.

²³⁸ Будницкий О.В. Деньги русской эмиграции... С. 162; *Он же*. Век эмиграции // Еврейская эмиграция из России. 1881-2005. М., 2008. С. 9-17.

приехало еще несколько тысяч русских с Дальнего Востока и из Харбина, а также из Константинополя. Среди них были представители как старой родовой аристократии, так и российской интеллигенции, в том числе студенты, не успевшие закончить свое обучение. Для студентов существовал Русский студенческий фонд, которым «за межвоенный период в виде грантов было выделено \$600 тыс. для 650 студентов, проходивших обучение в 106 учебных центрах»²³⁹. В течение 1920-1930-х гг. русские, в том числе ученые (главным образом те, кто не смог найти достойную работу в Европе) продолжали приезжать в США.

Если говорить о количестве русских ученых в американском научном мире до новой волны эмигрантов в конце 1930-х гг., связанной со Второй мировой войной, их число составляло несколько десятков человек и они были рассеяны по разным университетам. Больше всего русских было в Гарварде, Йеле, Беркли и Принстоне. Одними из первых в американских университетах смогли получить работу М.И. Ростовцев, А.А. Васильев и некоторые другие.

В данной главе мы рассмотрим стратегии интеграции русских ученых в академическое сообщество США. Под стратегиями научной интеграции мы будем понимать такую деятельность ученого-эмигранта, которая помогла ему получить постоянную работу в американских научных институтах и чувствовать себя достаточно комфортно, чтобы плодотворно работать в иной профессиональной, этнической и культурной среде. При этом необходимо отдельно проанализировать социально-экономические условия, с которыми столкнулись

---

²³⁹ Ручкин А.Б. Тернистый путь «американизации»: опыт социокультурной адаптации русской иммиграции первой половины XX века [Электронный ресурс] Электрон. дан. [Б. м., cop 2006]. URL: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/SCIENTIFICARTICLES/2006/Ruchkin/> (дата обращения: 25.10.2015).

эмигранты в США, и непосредственно те шаги, которые предпринимались каждым конкретным ученым для того, чтобы освоиться в американской академической среде.

Среди условий, в которых оказались русские историки, на наш взгляд, необходимо сказать о трех факторах, влиявших на возможность получения ими работы в университете, а также и на их адаптацию в США:

1. Состояние американской исторической науки в 20-х - 30-х годах XX века;
2. Признание академических заслуг ученого на мировом уровне;
3. Специализация ученого-эмигранта в рамках исторической науки.

Говоря о стратегиях интеграции русских ученых в США необходимо, в первую очередь, остановиться на состоянии исторической науки в Америке в целом и на конкретных ее областях в частности. При этом мы постараемся рассмотреть ее сквозь призму взглядов русских историков приехавших в Америку. Это связано с тем, что русские ученые выстраивали свои действия именно исходя из своего восприятия ситуации, а не реального состояния науки. Это поможет нам определить те условия, в которых оказались русские ученые в США. Кроме того, это позволит нам определить не только уровень развития российской исторической науки по сравнению с американской, но и косвенно понять ее место в целом на мировой арене.

Состояние науки в США в начале XX века коренным образом отличалось от ее современного положения. Отдельные направления исторической мысли в США до Второй мировой войны были на более низком уровне, чем эти же направления в Европе. Поэтому американ-

ские университеты с удовольствием приглашали русских ученых, особенно тех, кто сумел завоевать себе авторитет на мировой арене, но в силу различных обстоятельств не нашел себе места в европейских академических центрах. Очевидно, что ученые в первую очередь пытались обустроить свою жизнь в европейских странах, которые были на культурно-ментальном уровне, да и просто в географическом плане ближе к России, чем США.

От соотношения уровня развития американской и российской исторической науки во многом зависел успех интеграции российских историков. При этом необходимо учитывать, что им приходилось конкурировать не только с американскими коллегами, но и с немецкими, французскими, итальянскими и английскими историками. Привлекая материалы и свидетельства разных ученых, мы можем установить те моменты американской академической жизни, которые были отличны от российской университетской действительности. В своих письмах они часто отмечали те или иные явления, которые серьезно отличались от подобных практик, принятых в российских университетах. Тема сравнительного анализа русской и американской исторической науки и академической культуры является темой отдельного большого исследования. Мы затронем только один из аспектов данной проблемы, а именно: какой увидели американскую историческую науку и американский университет русские профессора. В своих письмах многие из них, описывая свои впечатления об Америке, немало места уделяют ее академической культуре, специфике образования, особенностям жизни университетов, условиям работы.

Эмигранты описывают состояние исторической науки в США, находя как положительные, так и отрицательные черты. Оценивая американскую историческую науку, Г.В. Вернадский в 1928 году пи-

сал: «Что касается моих впечатлений о здешней исторической науке, то я не могу отметить каких-либо отдельных американских работ, произведших на меня особенное впечатление, но два т[ак] ск[азать] плана их работ захватывает меня – во-первых то, что так много работ (у англичан кажется еще больше) посвященных биографиям отдельных историч[еских] деятелей, а во-вторых – широкий мировой захват современной истории ... Говорят еще, что заметно развитие америк[анской] историч[еской] мысли еще в двух направлениях 1) по истории искусства (но усиление здесь пока лишь намечается) и 2) в смысле экономико-материалистического понимания истории – в частности американской, тут называют обыкновенно Harvard'ского историка Schlesingera²⁴⁰, но каюсь, я еще не успел познакомиться с его работами»²⁴¹. В письме от 28 марта того же года он отмечает еще один момент: «Очень хорошая сторона Yale'я (и очевидно всех больших американских умственных²⁴² центров), что там часто устраивают доклады приезжих ученых из разных стран (больше конечно – из Англии, Германии и Франции)»²⁴³.

Отдельные положительные моменты отмечал и А.А. Васильев, в частности, уровень развития медиевистики. Он писал Ф.И. Успенскому в 1926 году: «У нас в Америке недавно, в этом году, основана «Средневековая Американская Академия» специально для изучения европейского средневековья. Вышел уже 1-й том ее изданий, очень интересно составленный»²⁴⁴. При этом он отмечает, что по сравнению с учеными, занимающимися историей Греции и Рима и но-

²⁴⁰ Артур Мейер Шлезингер-старший (1888 - 1965). Профессор истории Гарвардского университета с 1924 года. Отец известного американского историка А.М. Шлезингера-младшего.

²⁴¹ АРАН. Ф. 518. Оп. 3 Д. 311. Л. 21 об.

²⁴² Так в тексте письма. Имеются ввиду, конечно, научные центры.

²⁴³ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 312. Л. 5.

²⁴⁴ ПФА РАН. Ф. 116. Оп. 2. Д.61. Л.5 об.

вой европейской историей, медиевистов достаточно много. Также положительно он оценивает условия работы в библиотеке: «Библиотека здесь прекрасная, даже по Византии можно работать, а по древней истории и говорить нечего; благоустроенная; мы - профессора имеем доступ прямо к полкам. Открыта она с 7,45 ч. утра до 10 ч. вечера. Люди здесь – коллеги и библиотечный персонал, очень любезны и обязательны»²⁴⁵. Высока была и оценка организации образовательного процесса. В частности, они отмечают и аккуратность в распределении лекционных часов, и наличие ассистентов, и т.д.

Говоря о конкретных областях исторической науки, в которых специализировались русские ученые, нужно отметить следующее. К моменту приезда Ростовцева антиковедение, как отдельная отрасль исторической науки, уже существовало в США. В американских музеях к этому времени были собраны неплохие коллекции археологических памятников, относящихся к эпохе античности, а также немалый комплекс материалов на папирусе, выходили научные издания «The Classical Journal» (с 1905 г.), «Classical Philology» (с 1906 г.)²⁴⁶, в университетах преподавалась древняя история и классическая филология. Однако существовала проблема нехватки кадров. Приглашенный в Висконсинский университет Васильев пишет в письме от 11 марта 1926 года: «Вопрос о древней истории в Америке – большой вопрос; древних историков нет; такой громадный университет как Stanford University в Калифорнии не имеет древней истории из-за неимения профессора»²⁴⁷. В том же письме, он пишет, что предложил руководству исторического и филологического факультетов объединить усилия в плане подготовки будущих ученых - антиковедов. Руковод-

²⁴⁵ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 18. Л. 87.

²⁴⁶ Историография античной истории / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1980. С. 170.

²⁴⁷ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 18. Л. 102 об.

ство эту идею поддержало, т.к. нехватка подготовленных ученых в этой сфере ощущалась достаточно остро. Одновременно, назвать каких-либо американских историков, которые были бы признанными авторитетами в этой области и известны мировому научному сообществу к началу 20-х годов XX века, за исключением У.Л. Вестерманна, довольно сложно.

Зарождение византиноведения в США во многом было связано с изучением античной истории. Также росту интереса к истории Византии способствовало участие американских ученых в раскопках на Ближнем Востоке с конца XIX — начала XX вв. В это время появляются работы А. Боука²⁴⁸, который стал заниматься византистикой после Первой мировой войны, Д. Манро²⁴⁹, который работал в Висконсинском и Принстонском университетах, а также Р. Блэйка из Гарвардского университета. Однако все они занимались не непосредственно историей Византии, а смежными темами: поздней римской империей, крестовыми походами и т.д.

Одним из первых с историей Византии американцев познакомил Ш. Диль, который был приглашенным лектором. Как писал А.А. Васильев в письме Жебелеву от 11 марта 1926 года: «Правда, несколько лет назад здесь, в Америке, в частности в Мадисоне, был проездом и читал лекции Charle Diehl, звезда первой величины, но он читал по-французски, и, значит, 9/10 аудитории его не понимали»²⁵⁰.

Таким образом, приехав в США, Васильев столкнулся с тем, что византистики, как отдельной отрасли исторической науки в США по сути не было. Но при этом там существовал ряд предпосылок для

²⁴⁸ *Boak A.E.R.* The Master of the Office in the Later Roman and Byzantine Empires. Univ. of Michigan Studies, Human Series, XVI. N.Y., 1919; *Boak A.E.R., Dunlap J.E.* Two Studies in Later Roman and Byzantine Egypt. N.Y., 1936.

²⁴⁹ *Munro D.C.* The Kingdom of the Crusades. N.Y., 1936.

²⁵⁰ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 18. Л. 102.

ее возникновения. К 1920-м годам в США было собрано значительное количество памятников материальной культуры по истории Византии. В частности А.А. Васильев в письмах пишет: «В Филадельфийском музее я нашел дивные вещи для иллюстрации визант[ийской] торговли со Средней Азией»²⁵¹. Так же он ознакомился с коллекцией папирусов в Ann Arbor²⁵², собранных профессором Боуком, которого он охарактеризовал следующим образом: «он теперь тоже византинист и даже разбирает по-русски»²⁵³. Естественным следствием накопления памятников византийской культуры и появлением исследований по истории Византии стало открытие научного центра по изучению истории и культуры Византии. Такой центр был создан только в 1940 г. при Гарвардском университете в Думбартон Оксе. Там были собраны коллекции Принстонского и других университетов, организована библиотека. С 1941 г. при этом центре начинает выходить периодическое издание «Dumbarton Oaks Papers», в котором публикуются статьи по позднеантичной, раннесредневековой и византийской истории и культуре.

Также к 1920-м годам в американских университетах были собраны неплохие библиотеки по истории Византии при университетах. Как пишет А.А. Васильев: «Я прямо временами поражаюсь, какая прекрасная по моему делу здесь библиотека; и ведь никто до меня Византией не занимался. Лишь за несколько лет до моего прибытия проф[ессор] Munro, который теперь работает в Princeton, занимался здесь крестовыми походами. Если не считать папирусов, то большинством изданий я пользуюсь первый. Беда, конечно, с русскими изда-

---

²⁵¹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 18. Л. 86.

²⁵² Город в США, где с 1837 года располагался главный корпус Мичиганского университета.

²⁵³ ПФА РАН. Ф. 116. Оп. 2. Д.61. Л. 4, 4 об.

ниями»²⁵⁴. При этом нельзя забывать, что до революции российское византиноведение было одним из ведущих в мире. Это признавали многие зарубежные ученые и жаловались, что им приходилось учить русский язык, т.к. не считаться с достижениями российских ученых в этой области науки в первой четверти XX века было нельзя.

Если говорить о развитии русистики в США, то видными представителями этой науки в США были такие русские ученые-эмигранты, как Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, Г.В. Ланцев, А.А. Лобанов-Ростовский²⁵⁵, М.Т. Флоринский. Мы в своей диссертации остановимся только на первых двух персонах. Оба они были учениками В.О. Ключевского и других ярких профессоров Московского университета. Г.В. Вернадский, также учился и в Санкт-Петербурге, где защитил магистерскую диссертацию под руководством С.Ф. Платонова.

После войны в США начинается «золотой век» развития русистики. Но в 1920-х - 1930-х гг. становление этого направления еще не завершилось, ею занималось лишь несколько историков в разных университетах. Основателем русистики в США считают А.К. Кулиджа²⁵⁶. «Еще в 1894 г. он включил историю России в свои курсы, хотя никогда не учил русский язык и мало что публиковал об этой стране. Тем не менее, он призывал своих слушателей, американских историков, изучать Россию в контексте истории северо-восточных европейских

²⁵⁴ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 18. Л. 87.

²⁵⁵ Г.В. Ланцев и А.А. Лобанов-Ростовский заканчивали свое обучение и получали научные степени в США, поэтому они не входят в круг рассматриваемых нами персон.

²⁵⁶ Такой точки зрения придерживаются *Burnes R.F. Awakening American Education to the World: The Role of Archibald Cary Coolidge, 1866-1928. Notre Dame, 1982; Idem. A History of Russian and East European Studies in the United States. Selected Essays. N.Y., 1994; Emmons T. Russia Then and Now in the Pages of the American Historical Review and Elsewhere: A Few Centennial Notes // American Historical Review. 1995. Vol. 100. № 4. October. P. 1136-1137.*

стран, вместе с историей Швеции и Польши, и использовать при этом широкий подход, который позднее получил название "междисциплинарного"²⁵⁷. А.К. Кулидж пробудил интерес к развитию этой области исторического знания. Его учениками были такие известные историки как Ф.А. Голдер и Р.Дж. Кернер. Оба они уехали в Калифорнию и занимались исследованием истории русских открытий в Сибири, на Тихом океане, в русской Америке, а также русско-американскими отношениями. Голдер работал в Гуверовском институте в Стэнфорде. Кернер преподавал и занимался наукой в Беркли. Во многом благодаря усилиям двух этих ученых, а также при помощи Р. Фишера и Дж. Ланцеффа (Георгий Вячеславович Ланцев), калифорнийские ученые после Второй мировой войны стали достаточно известны в США, как специалисты по изучению колонизации Сибири и Аляски Россией. Но существует и другая точка зрения, согласно которой основателями русистики в США стали Г.В. Вернадский и М.М. Карпович²⁵⁸. Как пишет М. Дэвид-Фокс: «Дисциплина «русская история» до 1914 года в США фактически не существовала»²⁵⁹. Это дискуссионный вопрос, однако его решение выходит за рамки нашего исследования. На наш взгляд, хотя и существовали предпосылки и отдельные исследования, настоящий «прорыв» в изучении истории России случился именно с приходом Вернадского и Карповича.

В начале XX века в Чикагском университете создается кафедра по истории славян. В поисках лектора, который мог бы читать лекции по истории России, в Санкт-Петербург приехали известный американ-

---

²⁵⁷ *Рибер А.* Изучение истории России в США // Исторические записки 3 (121). М., 2000. С. 65-105.

²⁵⁸ *Болховитинов Н.Н.* Русские ученые-эмигранты...; *Martin M.* The Historiographical Legacy of Terence Emmons // *Russian History/Histoire Russe*. 2005. Vol. 32. № 2. P. 133.

²⁵⁹ *Дэвид-Фокс М.* Указ. соч. С. 7.

ский меценат Ч. Крейн и ректор университета Харпер. Как пишет А. Рибер, целью Крейна, который посещал Россию, было преодоление предубеждения, по отношению к России, которое существовало в США из-за самодержавия, а также в результате «распространения сведений о погромах в 80-х годах XIX века и наплыва еврейских эмигрантов, спасавшихся от преследований царского правительства бегством в Новый Свет»²⁶⁰. По свидетельству П.Н. Милюкова: «Первым его лектором был молодой тогда Масарик, прочитавший курс лекций в 1901 или 1902 г. Вторым должен был быть я»²⁶¹. В 1903 году Милюков выехал в США. Правда, свои первые лекции в этой стране он читал на учительском съезде, а не студентам. В этом же году, осенью, он читал лекции в Lowell Institute. «Это не был университет, а учреждение для чтения публичных лекций»²⁶². Кроме того, по контракту, заключенному с Ч. Крейном, П.Н. Милюков также должен был подготовить книгу по истории России на английском языке, на основе прочитанных лекций. Такая книга была написана и вышла в 1905 году²⁶³. В этом же году П.Н. Милюков приехал в США, в Чикаго, второй раз. Он должен был читать курс лекций об истории славян, но прочитав около четырех - пяти лекций, он получил известие о начале первой российской революции. После этого Милюков оставил преподавание и срочно вернулся в Россию.

Также, одним из первых американцев, кто начал изучать историю России, был Дж.Т. Робинсон. Он посещал Советский Союз в 1920-х годах и занимался исследовательской работой, а также имел возможность ездить по стране. Позже он стал преподавать в Колумбийском университете, но у него было очень мало учеников. Как пишет

---

²⁶⁰ Рибер А. Указ. соч. С. 100.

²⁶¹ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 2001. С. 174.

²⁶² Там же. С. 185.

²⁶³ Miliukov P.N. Russia and Its Crisis: Crane Lectures for 1903. Chicago, 1905.

Н.Н. Болховитинов, во многом это было связано со скверным характером ученого²⁶⁴. По свидетельству А. Рибера: «Небольшой семинар Робинсона по истории России в Колумбийском университете отличали очень высокие требования, и в нём была подготовлена (до его приглашения накануне войны в Вашингтон) только одна докторская диссертация»²⁶⁵.

Кроме того, после февральской революции, в связи с повышением интереса к истории России, был создан Славянский департамент в Стэнфордском университете, благодаря усилиям Фишера. «Преподавание русского языка и русской истории еще до первой мировой войны началось в Колумбийском университете. С 1901 г. русский язык, литература и история стали преподаваться в Калифорнийском университете в Беркли. Хотя постоянных преподавателей не было, курсы каждый год возобновлялись»²⁶⁶. Кроме того, по словам М.Ю. Сорокиной «Йельский университет имел значительную по меркам Америки 1920-х годов традицию исследования России - усилиями Уильяма Фелпса, опубликовавшего в 1911 г. «Essays on Russian Novelists» - первую в США подобную работу - он стал одним из первых американских университетов, включивших в преподавание историю русской литературы. Таким образом, в начале XX века традиции преподавания и исследовательской работы по истории России в большей или меньшей степени имели Чикаго, Гарвард, Беркли и Стэнфорд.

Однако к началу 1920-х годов накопленное было почти полностью утеряно. Преподавание русского языка, начавшееся в Йельском

---

²⁶⁴ Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты... С. 92.

²⁶⁵ Рибер А. Указ. соч. С. 103.

²⁶⁶ Шабасова М.А. Российские и славянские исследования в Соединенных Штатах: история и современность. Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб Вып. 7 / Редкалю: С.М. Ходзин (адк. рэд.). Минск, 2012. С. 128.

университете в 1910 г., было прекращено. Если в 1903 г. в библиотеке Йеля насчитывалось около 6000 книг на славянских языках, и его славянская коллекция была крупнейшей среди университетов, то в дальнейшем усилий для пополнения коллекции не предпринималось, в то время как Гарвард стараниями А.К. Кулиджа создал лучшую славистическую библиотеку в США»²⁶⁷. Сам Г.В. Вернадский в своих письмах отмечает только наличие славистов в Беркли, Стэнфорде и Гарварде, но это люди, которые занимаются в целом Slavic Studies, непосредственно русистов среди них немного. Также он описывает и библиотеки, в которых содержатся книги по истории России. Говоря о музеях, пишет, что русских коллекций практически нет.

Если в целом говорить об общей оценке американской исторической науки, то она звучит отрицательно. Прошедшие блестящую историческую школу, имея представление не только о российской науке, но и о науке ведущих европейских стран, ученые-эмигранты весьма невысоко оценивали американскую школу. Вот что пишет по этому поводу Г.В. Вернадский об устройстве Department of History (факультета истории): «Во-первых, они себе ставят главным образом цели учебные, а не научные. Во-вторых, и учебные цели понимают очень узко. В частности, они совершенно исключают из своей нормальной программы славянство и Россию»²⁶⁸. Исходя только из этого отрывка, можно подумать, что такая негативная оценка вызвана как раз тем, что из образовательной программы исключено славянство и Россия,

---

²⁶⁷ Сорокина М.Ю. Письма Г.В. Вернадского родителям: «Очень горько мне...»: Письма Георгия Вернадского / Публ. и прим. М.Ю.Сорокиной. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. - [Б.м., cop. 2015]. URL: <http://www.arran.ru/?q=ru/vernad2> (дата обращения: 25.10.2015). В печатных версиях статьи этого нет, поэтому привожу ссылку на электронную версию.

²⁶⁸ Вернадский Г.В. Письма Г.В. Вернадского родителям: «Очень горько мне...»: Письма Георгия Вернадского / Публ. и прим. М.Ю.Сорокиной // Источник. 1999. № 1. С. 50.

т.е. области, в которых Вернадский был специалистом. Однако если мы посмотрим на мнение других ученых-эмигрантов, то увидим, что оно во многом совпадает с мнением Вернадского. Вот что пишет Васильев о состоянии науки в США: «В здешних университетах много внешнего порядка, надзора и дисциплины, это в начале производит очень хорошие впечатление; но наука, вообще говоря, здесь стоит ниже нежели в Европе»²⁶⁹. Он же, сообщая С.А. Жебелеву о выходе второго тома «Истории Византии», говорит о том, что использовал материал на 12 языках, что совершенно непонятно для исторической науки США²⁷⁰.

Не сходились и представления о нормах научной жизни вне стен университета. Тот же Вернадский писал: «совершенно не подхожу к ним по интересам, по психологии. У них, например, почти неприлично считается говорить о науке помимо специальных разговоров по специальным appointment'am²⁷¹. Попытки создать тут историческое общество не увенчались успехом. При встречах - на department'ских²⁷² завтраках, например - говорят большей частью или об университетских сплетнях или о футбольных матчах, на которые я не хожу и от безденежья, и от того, что не интересуюсь»²⁷³. Относительно данного факта хочется отметить, что когда встречались только европейские профессора, в том числе и русские, работавшие в Америке, это правило не действовало. Приведенный отрывок ярко иллюстрирует одно из условий успешной интеграции, о которой Вернадского предупреждал Ростовцев в письме от 4 марта 1927 года: «умение приспособиться к

²⁶⁹ ПФА РАН. Ф. № 116. Оп. 2. Д.61. Л. 4.

²⁷⁰ ПФА РАН. Ф. № 726. Оп. 2. Д. 18. Л. 166 об.

²⁷¹ Встреча, прием.

²⁷² Факультетских.

²⁷³ *Вернадский Г.В.* Письма Г.В. Вернадского родителям: «Очень горько мне...»: Письма Георгия Вернадского / Публ. и прим. М.Ю.Сорокиной // Источник. 1999. № 1. С. 50.

своеобразной жизни американского университета с его разнообразными и чуждыми нам традициями»²⁷⁴.

Также важно понимание специфики американских университетов по сравнению с российскими, а для этого важно учитывать историю американских университетов, их генетическую связь с английскими средневековыми колледжами и университетами. И Россия, и Америка создавали свои университеты по образцу европейских, вот только образцы были разные. Для России эталоном были немецкие университеты, в США же наиболее старые университеты были основаны в период английского владычества. К началу XX века они прошли немалый путь самостоятельного развития, но только Россия развивалась в сотрудничестве с западной наукой. Начиная с Петра I, когда была основана Академия Наук и на протяжении дальнейшей истории университетов в Россию нередко приглашали зарубежных профессоров, которые смогли познакомить Россию с основными достижениями европейской науки. Потом, начиная с реформ С.С. Уварова²⁷⁵, Россия стала направлять за границу «оставленных при университете» для продолжения обучения в ведущих европейских учебных заведениях. Со временем, отечественная наука вышла на мировой уровень.

Поэтому вполне естественно, что приехав в США, российские историки были не довольны уровнем развития американской исторической науки (по крайней мере, в их областях). Но низкий уровень византиноведения, антиковедения или русистики в США и потребность в привлечении ведущих ученых не были определяющими факторами при принятии русских ученых на работу. Немаловажное значение

---

²⁷⁴ Письма М.И. Ростовцева Г.В. Вернадскому / публ. Г.М. Бонгард-Левина // Скифский роман... С. 521.

²⁷⁵ С.С. Уваров (1786-1885) – граф, министр народного просвещения, инициатор принятия «Университетского устава» 1835 г.

имела специализация русского историка-эмигранта. Если всеобщая история вызывала определенный интерес у студентов и, соответственно, была востребована руководством университета, то русистика до конца Второй мировой войны не пользовалась популярностью. От этого напрямую зависело положение ученого в университете, и во многом его зарплата.

§ 2. Устройство на работу в американский университет и закрепление в нем

Усилия, которые предпринимались учеными для того, чтобы «вжиться» в американскую академическую среду можно разделить на две группы:

1. Направленные на получение работы в университете.
2. Направленные на укрепление своего положения там.

Таким образом, особое значение для нас приобретают первые несколько лет пребывания ученых в США. Если подробнее рассматривать сам процесс трудоустройства русских ученых эмигрантов, то следует сказать, что для этого требовались в первую очередь рекомендации коллег по цеху. Это была распространенная практика. Рекомендации должны были подтвердить высокую научную квалификацию соискателя и его значимость для конкретного университета. Кроме того, правительство Соединенных Штатов после революции 1917 года в России хотело не допустить в страну большевиков и перед тем, как дать визу, долго проверяло человека на предмет его политических убеждений.

Американские университеты большое внимание уделяли признанию заслуг того или иного ученого, которого они хотели пригласить к себе для чтения курсов, академическим сообществом. Это во многом было важнее наличия у кандидата ученой степени. Вообще вопрос об ученой степени приглашаемого ученого американскими университетами практически не принимался в расчет. Хорошим примером здесь является случай П.А. Сорокина или М.М. Карповича. Они оба закончили в России университеты, но не защитили даже магистерских работ по своим специальностям. М.М. Карпович не успел этого сделать в связи с революцией, а П.А. Сорокин был оставлен при университете

для подготовки к профессорскому званию на кафедре уголовного права. Однако и его получить не успел в связи с начавшейся войной, а потом революцией. Но, тем не менее, они оба стали преподавателями в одном из самых значимых университетов в Америке – Гарвардском университете. Здесь свою роль сыграло то, что они оба были известны как хорошие преподаватели руководству этого университета. В то же время, в приглашении таких ученых, как М.И. Ростовцев и А.А. Васильев, причем сразу на должности профессоров, сказались наличие у них академических званий – члена-корреспондента Российской Академии Наук у А.А.Васильева и члена Российской Академии Наук у М.И. Ростовцева.

Последнего пригласил в Висконсинский университет американский историк Вестерманн в 1919 году, встретившийся с ним на Парижской мирной конференции. Но нельзя сказать, что Вестерманн «устроил» Ростовцева в университет. В списке, который американский ученый подал руководству своего университета, кроме русского ученого было еще пять кандидатов²⁷⁶. Ростовцев долгое время колебался, т.к. он не хотел возвращаться на положение «учителя гимназии», именно так он оценивал предложенную ему должность профессора в Висконсинском университете. Но в итоге, из-за тяжелого материального положения, а также невысоких шансов найти работу в Европе он согласился. Тут надо уточнить, что первоначально он надеялся на получение места в Оксфордском университете, к чему были определенные предпосылки. Так, к тому времени там уже несколько лет (с 1903 года) работал видный российский медиевист П.Г. Виноградов, который к моменту эмиграции М.И. Ростовцева добился признания в Великобритании, и даже получил звание рыцаря. Возможно,

---

²⁷⁶ *Бонгард-Левин Г.М.* М.И. Ростовцев в Америке. Висконсин и Йель // Скифский роман... С. 179.

у него были некоторые планы по устройству М.И. Ростовцева на должность профессора истории античности. Но в результате русский историк получил отказ от руководства Оксфордского университета. Официальной причиной отказа было плохое знание английского языка²⁷⁷.

В Висконсине же после представления Вестерманном кандидатуры Ростовцева рассматривалась департаментом истории, который проголосовал «за» и рекомендовал декану и Президенту университета пригласить русского ученого. Кроме академических заслуг учитывалась и денежная составляющая. Так, в письме от 29 декабря 1919 года Президент Висконсинского университета Е.А. Бёрдж писал председателю университетского Комитета по колледжу литературы и естественных наук госпоже Бакстафф: «Я не думаю, что привлечение профессора Ростовцева в университет приведет к тому, что студенты к нам сразу же повалят, хотя, без сомнения, несколько специализирующихся по древней истории студентов придет, чтобы работать именно с ним. С другой стороны, полагаю, что привлечение сюда на год ученого столь выдающегося, как Ростовцев, будет связано со значительными затратами, но вместе с тем не увеличит бюджет сверх того, каким он мог бы быть, если бы ушедшие в отставку остались»²⁷⁸. Таким образом, мы видим, что кроме признания мировым сообществом достижений ученого, для университета был важен приток студентов, которые пришли бы в университет, чтобы заниматься именно у этого преподавателя. Потом утверждение кандидатуры Ростовцева прошло через Исполнительный комитет университета (Executive Committee)²⁷⁹

---

²⁷⁷ Подробнее об этом см. *Бонгард-Левин Г.М.* Научная командировка или эмиграция? Два года в Англии // *Скифский роман...* С. 137-138.

²⁷⁸ *Он же.* М.И. Ростовцев в Америке. Висконсин и Йель // *Скифский роман...* С. 147.

²⁷⁹ Там же. С. 147.

и Комитет по колледжу литературы и естественных наук. В итоге, в 1920 году М.И. Ростовцев приехал в США в качестве профессора Висконсинского университета. При переходе в Йельский университет, Ростовцев посоветовал назначить вместо себя А.А. Васильева. Причем сам Васильев особо не стремился стать американским историком. Он не пытался эмигрировать из СССР, хотя причины у него были.

Будучи в командировке в Париже, в 1924 году Васильев встретил семью Ростовцевых. Там М.И. Ростовцев убедил его переехать в США. «К новому году, уже в Ленинграде, Васильев получает официальное приглашение от Висконсинского университета»²⁸⁰. В мае 1925 года Васильев поехал в заграничную научную командировку в Берлин и Париж по ходатайству Академии Наук и РАИМК²⁸¹ сроком до 15 сентября, уже имея при себе приглашение из Мэдисона. За пределами СССР Васильев получил телеграмму от временно заведовавшего тогда департаментом истории в Висконсинском университете К.Р. Фиша и встретился с профессором Паксоном – заведующим департаментом, а в августе уехал в США. Чтобы придать своему отъезду легитимный характер ученый пишет письма в РАИМК, Академию Наук, своим друзьям и коллегам с просьбой посодействовать в продлении командировки, т.к. вынужден был уехать до ее получения. Васильев долгое время не хотел порывать с Россией, он каждый год писал письма в Академию с просьбой продлить командировку. Наконец, Академия Наук назначила 15 сентября 1928 года окончательной датой, когда ис-

---

²⁸⁰ *Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В.* М.И. Ростовцев и А.А. Васильев. (Новые архивные материалы) // Вестник Древней истории. 1996. №. 4. С.169.

²⁸¹ РАИМК - Российская Академия истории материальной культуры, В1926 году РАИМК была реорганизована в Государственную академию истории материальной культуры. Сейчас Институт археологии РАН.

торик должен вернуться домой. Васильев не вернулся и был признан эмигрантом, добровольно покинувшим Родину²⁸².

М.М. Карпович был приглашен Гарвардским университетом благодаря А.К. Кулиджу, который взял на себя риск пригласить в ведущий университет США преподавателя, который не имел ни научных трудов, ни даже научной степени. Возможно, это приглашение было связано с тем, что, как пишет С.А. Зеньковский, «еще исполняя свои обязанности в русском посольстве в Вашингтоне, М.М. Карпович принимает все большее участие в американской академической жизни, читает лекции, ездит на научные съезды, делается постоянным сотрудником Политического Института при Вильямс колледже»²⁸³. Кроме этого, он читал лекции в Русском народном университете в Нью-Йорке, который был основан в 1919 году и просуществовал восемь лет. Как пишет И. Клеменс: «За это время преподавателями университета было прочитано перед русской аудиторией в различных городах 1.600 лекций, на которых перебивали до 70.000 человек»²⁸⁴. Хотя в названии этой организации есть слово университет, по сути, он давал программу русских гимназий. Также М.М. Карпович входил в правление «Общества изучения русской эмиграции в Америке», которое было основано в Нью-Йорке в 1924 году и преследовало научные цели. В итоге он получает приглашение на год стать преподавателем в Гарвардском университете. Потом приглашение было продлено²⁸⁵.

Многие приглашенные ученые, которые на родине работали в звании доцента и профессора начинали с низких должностей в амери-

²⁸² Куклина И.В. Указ. соч. С. 318.

²⁸³ Зеньковский С.А. Вдумчивый историк... С. 402.

²⁸⁴ Клеменс И. Русская эмиграция в Америке [Электронный ресурс]. Электрон. дан. - [Б.м., cop. 2015]. URL: http://www.russisch-fuer-kinder.de/pdf/russkaja_emigracija_v_usa.pdf, (дата обращения: 25.10.2015)

²⁸⁵ Бонгард-Левин Г.М. Тункина И.В. М.И. Ростовцев и А.А. Васильев: шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества // Скифский роман... С. 266.

канских университетах. Так, например, Г.В. Вернадский, начинал с должности Research associate professorial rank²⁸⁶ и только через 19 лет получали звание профессора (full professor), хотя в Праге на Русском юридическом факультете он работал в должности профессора. Но при этом не стоит забывать, что на Родине они не успели получить сколько-нибудь значимых званий и должностей в академическом сообществе. Жизнь же за границей не способствовала быстрому карьерному росту. Так, Карпович первоначально служил в дипломатическом ведомстве, Н.П. Толль, хоть и занимался в Праге историческими исследованиями, но не успел написать сколько-то значимых трудов, чтобы получить признание научного сообщества. Историки же, успевшие создать себе имя, такие как М.И. Ростовцев, А.А. Васильев, которые уже стали академиками и в России и за рубежом, были приглашены сразу на должность профессора.

Таким образом, положение многих ученых было неустойчивым. Именно поэтому, а также для укрепления своего материального положения, они постоянно рассматривали различные предложения о работе, которые периодически им поступали. Так, в 1926 году Васильеву поступает престижное и выгодное предложение из Каира – преподавать средневековую историю. В письме декана – Анри Грегуара, говорилось, что сам король Фуад I утвердил кандидатуру Васильева²⁸⁷. Васильев дал согласие, но с переездом медлил и искал другие возможности.

В это же время он пытается получить постоянное место в Лондоне, а Ростовцев обсуждает с Президентом Йельского университета возможность открытия нового места профессора в департаменте по

---

²⁸⁶ Точного соответствия какой-либо российской должности нет. Переводится как научный сотрудник профессорского уровня.

²⁸⁷ Куклина И.В. Указ. соч. С. 316.

истории Восточной Европы, на которое он планировал пригласить Васильева. Но Висконсин выделил некоторую сумму денег на перевод лекций по истории Византии на английский язык в исправленном и дополненном виде, повысил ему жалованье до 5500 долларов в год, и предложил Васильеву работу на постоянной основе. В итоге, он решил остаться, хотя материальные условия в Египте были лучше.

Здесь очень хорошо просматривается одна особенность американских университетов, которой активно пользовался М.И. Ростовцев, добываясь для себя более выгодных условий преподавания. О ней хорошо написал Г.В. Вернадский в письме своему отцу: «Смешно, как здесь все в Америке построено на психологии business. Как-то несколько времени тому назад из Yale Review мне предлагали написать за 10 долларов рецензию на две книжки о Петре Великом... Я отказался, т.к. эта рецензия мне уже была заказана другим журналом (Journal of Modern History), где и напечатана в мартовской книжке. Они очевидно поняли так, что я недоволен гонораром и на этот раз за рецензию такого же размера предложили мне уже 15 долларов, на что я и согласился»²⁸⁸.

Анализируя архивные материалы рассматриваемых ученых-эмигрантов, мы можем говорить, что при адаптации в научной среде во всех случаях имел место быть, так называемый, «вход в научную атмосферу»²⁸⁹. В университетах США был обычай знакомиться не только с новыми коллегами, но и с их женами. Г.В. Вернадский по этому поводу пишет, что в среду была «общая reception newcomer'ov – Faculty Tea»²⁹⁰ – всех newcomer'ov выстроили в ряд с женами... во главе стояли президент и секретарь университета. Мы стояли так почти

²⁸⁸ АРАН. Ф. 518. Оп 3. Д. 313. Л. 21 об.

²⁸⁹ VAR. George Vernadsky Papers. Box 98.

²⁹⁰ Прием для всех новичков – факультетский чай.

два часа и беспрерывно подходили все новые лица и дефилировали мимо нас, говорили свои фамилии, пожимали руку и говорили glad to meet you²⁹¹. Были уже и знакомые, но и с ними ничего не успели сказать. Все-таки странный обычай»²⁹².

Но глубже познакомиться с академической средой, как правило, помогал знакомый русский учёный-эмигрант, уже закрепившийся в американской науке, хотя были и исключения. Так, в случае с Вернадским данную функцию сыграл Гольдер, а также Ростовцев, в случае с Васильевым – Ростовцев. Это и понятно. В чуждой культурной, академической среде, с новым укладом жизни, обычаями, языком просто жизненно необходим «проводник», способствующий более быстрой и легкой адаптации.

Одним из немаловажных факторов было умение наладить хорошие отношения с коллегами. Так, например, мнение коллег о Ростовцеве было очень высоким. Вот что пишет Паксон Вестерманну: «Еще с момента приезда профессора Ростовцева в Мадисон члены департамента установили с ним личные контакты, признав в нем мэтра в области древней истории... Большинство членов департамента посещало лекции Ростовцева: высочайший научный уровень, прекрасная организация лекций и великолепные методы обучения произвели на всех огромное впечатление. Как человек высокой морали и как ученый Ростовцев очень быстро занял достойное место в департаменте»²⁹³. Т.е. Ростовцев создал себе имя именно как высокий профессионал в своем деле, но кроме умения на высоком уровне писать научные труды, очень важны были и неформальные практики.

---

²⁹¹ Glad to meet you (англ.) – рад познакомиться.

²⁹² АРАН. Ф. 518. Оп. 3 Д. 310. Л. 64- 64 об.

²⁹³ *Бонгард-Левин Г.М.* М.И. Ростовцев в Америке. Висконсин и Йель // Скифский роман... С. 158.

Одной из таких практик было участие в конференциях, которые проводились именно в США. Хотя русские ученые активно посещали мировые научные конгрессы, но до середины XX века американцы на них были представлены слабо и каких-то прочных связей с заокеанскими учеными не установилось. Одной из важных конференций, которую Ростовцев советовал посетить и Вернадскому и Васильеву, была конференция в Принстоне, где собирались многие «видные историки East'a»²⁹⁴.

Немало времени русские ученые проводили на различных светских мероприятиях, на званых ужинах, в том числе и в различных университетских клубах (Германский, Итальянский, Французский и т.д.), стремясь завести новые знакомства и упрочить старые. Такие клубы нередко организовывались по национальному признаку и занимались, помимо всего прочего, организацией культурного досуга для преподавателей и студентов определенной национальности. Такие мероприятия ни в коей мере не имели закрытого характера, наоборот, одной из их функций было знакомство американцев с культурой какой-либо конкретной страны. Доклады, которые читались на встречах в клубах, как отмечает Г.В. Вернадский, носили «характер не ученых сообщений, а скорее популярных лекций, с приглашенными гостями. После обсуждения доклада дают чай с сэндвичами. Почти всегда бывает очень оживленно»²⁹⁵.

При решении вопроса о продлении контракта с тем или иным ученым для университета, важно было отношение студентов к преподавателю, т.к. это, кроме всего прочего, влияло и на бюджет универ-

---

²⁹⁴ М.И. Ростовцев и А.А. Васильев: шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества / публ. Г.М. Бонгард-Левина, И.В. Тункиной // Скифский роман ... С 263.

²⁹⁵ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 318. Л. 32 об.

ситета. Но прежде чем переходить к этому вопросу, стоит несколько слов сказать о том, какими увидели американских студентов русские профессора.

С одной стороны Г.В. Вернадский пишет: «Оба мои студента - mr. Pearson и miss Upton представили мне очень хорошие работы. По этим работам я вижу, что научный уровень старших америк[анских] студентов – graduates очень высок. А что большинство младших – undergraduates занимаются больше спортом, чем ученьем»²⁹⁶. И это его замечание во многом соответствует тому, что писали другие эмигранты. По крайней мере, практически все они отмечали высокий интерес к спорту, в частности к футбольным матчам в преподавательской и студенческой среде. В частности, по случаю футбольных матчей даже отменяли лекции²⁹⁷.

Краткий портрет американского студента нарисовал и А.А. Васильев в письме С.Ф. Платонову: «Из 350 студентов около 2/3 третей²⁹⁸ женщины. Внешний облик здешней студентки: стриженные волосы, искусственный румянец и чрезмерно короткое платье. Облик студента: здоровый, румяный молодой человек, увлеченный спортом и не особенно развитый в общем смысле. Общее их достоинство: все хотят быть любезными... Здешние коллеги очень милый и симпатичный народ»²⁹⁹.

А вот что пишет М.И. Ростовцев об американском образовании: «одна из главных задач теперешних демократических университетов с

²⁹⁶ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 311. Л. 15.

²⁹⁷ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 311. Л.34 об.

²⁹⁸ Так в цитате *Вольфун Л.Б.* А.А. Васильев. Начало эмиграции. (По материалам переписки с С.Ф. Платоновым) // Зарубежная Россия. 1917-1939 гг. сб. ст. СПб., 2000. С. 218.

²⁹⁹ Цит. по там же. С. 218.

coeducation³⁰⁰ – это дать молодым людям приятный state³⁰¹, дать и have good time³⁰², а, кстати, и возможность найти good cook wife³⁰³. При этом некоторое количество знаний, нужных для будущей профессии, причем разницы между degree³⁰⁴ в housekeeping³⁰⁵, agriculture³⁰⁶, делом мороженого (и такой департамент у нас есть) и настоящей наукой никакой не делается. Да и по правде сказать настоящая наука – это здесь только слова. Все это сводится к самым элементарным знаниям в области математики, естественных наук, истории и литературы». ³⁰⁷.

Однако, несмотря на высокую оценку подготовленности аспирантов, данную Г.В. Вернадским, и М.И. Ростовцев, и А.А. Васильев, и др., отмечали, в частности, что экзамены на степень PhD, на которых они присутствовали, казался им менее серьезным, чем экзамены в магистратуру в России³⁰⁸. В письме Г.В. Вернадского от 17 мая мы встречаем такие строки: «Вчера утром я присутствовал на докторском экзамене одного молодого историка, специалиста по американской истории. Вопросы ему были довольно элементарные, но отвечал он неважно и медленно... Его все-таки пропустили – условно, в зависимости от диссертации, кот[орую] он предоставит»³⁰⁹. О другом подобном экзамене, только о выпускном, где А.А. Васильев председательствовал и спрашивал 65 минут, он пишет в письме от 3 июня 1933 года, что после него профессор всеобщей истории спросил об истории

³⁰⁰ Совместное обучение лиц обоего пола.

³⁰¹ Положение.

³⁰² Хорошо провести время.

³⁰³ Хорошо готовящую жену.

³⁰⁴ Степень.

³⁰⁵ Домашнее хозяйство.

³⁰⁶ Сельское хозяйство.

³⁰⁷ *Бонгард-Левин Г.М.* М.И. Ростовцев в Америке. Висконсин и Йель // Скифский роман... С. 159.

³⁰⁸ АРАН. Ф. 518. Оп 3. Д. 313. Л. 53 об.

³⁰⁹ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 314. Л. 21 об.

Польши эпохи разделов. «Всего один вопрос! Для Америки и это туговато!»³¹⁰.

При этом в России при кафедре, по университетскому уставу, оставляли только тех студентов, которые получили диплом первой степени. Также для этого требовалась рекомендация профессора, согласного осуществлять научное руководство. Кроме того, нужно было сдать экзамены. «Формально магистерских экзамена было три – один основной и два дополнительных. Но, например, историкам - всеобщникам приходилось сдавать три экзамена по всеобщей истории (отдельно древность, средние века и новое время), русскую историю и политэкономии. Общей программы экзамена не существовало. Для каждого соискателя разрабатывалась им лично индивидуальная программа, после консультации с профессором, принимавшим этот экзамен. Программа состояла из списка вопросов выносимых на экзамен и списка рекомендованной научной литературы, которую должен был проработать соискатель в ходе подготовки к экзамену»³¹¹.

Для сравнения могу привести пример о том, что сдавал Г.В. Вернадский для поступления в магистратуру в России. «С.Ф. Платонов дал Вернадскому тему о Земских соборах XVIII³¹² в., М.И. Ростовцев - о римской финансовой администрации, И.М. Гревс – об аграрном строе раннего Средневековья, Н.И. Кареев – о положении крестьян во Франции в XVIII в. Кроме того, требовалась так называемая «клаузурная работа», тема которой не объявлялась заранее и которую надо было писать без всяких пособий в отдельной комнате, за-

---

³¹⁰ ПФА РАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 207. Л. 97 об.

³¹¹ *Свешников А.В.* История и историки в пространстве национальной и мировой культуры. Челябинск, 2011. С. 167.

³¹² Так в тексте. Видимо это опечатка, скорее всего, имеются ввиду Земские Соборы XVII века.

пиравшейся на ключ»³¹³. Таким образом, мы видим, что образовательные стандарты в США были иные, нежели в России. И требования к будущим аспирантам предъявлялись более низкие.

Если же говорить более конкретно, то отношения М.И. Ростовцева со студентами были неоднозначными. С одной стороны многие студенты были недовольны лекциями Ростовцева, из-за его плохого английского языка. С другой стороны, в журнале выпускников Висконсинского университета есть совершенно иная характеристика: «В профессоре Ростовцеве из исторического департамента мы нашли человека, который добился восхищения своих студентов посредством его манеры читать лекции. Он красноречив, потому что он хорошо владеет языком, и имеет редкое умение в формулировке суждений. Он очень интересен, потому что знает свой предмет и живет им. Он прост и понятен, потому что он готовит свои лекции тщательно, четко представляет предмет разговора, рассматривает его ясно и аналитически, и полностью охватывает его в отведенное время. Он вдохновляет своей научностью и мастерством метода, который он несет в своих работах»³¹⁴.

Тем не менее, Ростовцев не создал в США своей школы антиковедения. У него было немного учеников. Во время его преподавания в Висконсине под его руководством степень PhD получило два человека – R. Johannesen и C. Oldfather³¹⁵. В Йельском университете у него также было немного учеников.

---

³¹³ Вернадский Г.В. Из воспоминаний // Новый журнал. 1970. Кн. 100. С. 209.

³¹⁴ Alumni news// The Wisconsin alumni magazine. 1924. Vol. 25. No. 4.P. 158-159.

³¹⁵ PhD's Awarded Since 1893 // Department of History. University of Wisconsin-Madison. [Электронный ресурс] Электрон. дан. [Б. м., cop 2011]. URL: https://history.wisc.edu/databases/db_asp/phd_search_advisor.asp (дата обращения: 25.10.2015).

Сменив Ростовцева в Висконсине, А.А. Васильев начинает читать его курсы, по древней истории Востока и античности. Также он преподает историю Восточной Европы и Византии. После своей первой лекции Васильев писал Ростовцеву: «Fish говорил мне очень много комплиментов... специально приходил в клуб, чтобы еще раз сказать, что студенты меня прекрасно понимали и были очень довольны». В Висконсинском университете под его руководством степень PhD получили пять человек: К. Argoe, N. Bailkey, P. Charanis, J. Schneider, H. Ramsay³¹⁶. Конечно, количество подготовленных специалистов было невелико, но не надо забывать о том, что история Византии в то время не пользовалась большой популярностью в США и еще только зарождалась. Но оба ученых читали большие курсы по древней истории, и численность студентов на их лекциях достигала 300-400 человек. Это объяснялось тем, что курсы были обязательными для всех студентов. Надо отметить, что такое количество студентов на лекциях было новинкой для этих ученых. Они не привыкли к таким потокам. Тот же Васильев отмечает в письме Крачковскому: «Да, дорогой Игнатий Юлианович, всяко в жизни бывает, и о таких вещах пришлось читать, да еще аудитории в 350 человек, чего, как Вы прекрасно знаете, никогда со мною не случалось. В первые два года моего профессорства в Юрьеве бывало на общем курсе до 100 человек, но потом и это исчезло»³¹⁷.

М.М. Карпович смог создать в Гарварде мощнейшую школу русистики. М. Раев, один из его учеников, позже вспоминал: «В его выступлениях и лекциях не было ни риторики, ни пафоса; зато они были исключительно содержательными, построены ясно, логично и убедительно на основании богатого фактического материала. Они блистали

---

³¹⁶ Там же.

³¹⁷ ПФА РАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 207. Л. 25 об.

элегантным стилем и изысканным словарем, будь то по-русски или по-английски»³¹⁸. Благодаря тому, что М.М. Карпович хорошо знал историю западноевропейских стран, его курс по истории России был основан на компаративистском подходе. Говоря о событиях в России, он отмечал схожие явления в европейских странах.

Та роль, которую Советский Союз сыграл в исходе Второй мировой войны, пробудила интерес к истории России в США. Так, «в 1941 г. появились такие крупные научные периодические издания, как «Russian Review», «Ukrainian Quarterly», «Slavic Year Book» «Slavic Review»³¹⁹.

Именно в это время у Карповича появилось большое количество учеников, желающих изучать историю России. До войны, их было немного, наиболее известный – Ф. Мозли. После войны М.М. Карпович начинает вести специальный семинар по истории России. Наибольшее количество известных ученых прошли семинар Карповича в 1946 и 1947 годах. Кроме этого семинара, М.М. Карпович читал лекции по общей, средневековой и новой истории России для студентов и аспирантов, а также курс по интеллектуальной истории. М. Малиа писал, что Карпович «больше, чем кто-либо другой, снабдил послевоенные занятия русской историей первой парадигмой», и лучшего основателя дисциплины русской истории Америка не могла бы желать³²⁰.

Под влиянием этих лекций, около 18 учеников М.М. Карповича из 30 посвятили свои первые работы именно интеллектуальной истории России. Этот выдающийся преподаватель много времени уделял

---

³¹⁸ Раев М. М.М. Карпович – русский историк в Америке // Новый журнал. 1995. Кн. 200. С. 244.

³¹⁹ Шабасова М.А. Указ. соч. С. 128.

³²⁰ Цит по Зейде А. М. Карпович и русская историография в Америке // Новый журнал. 2008. Кн. 253. С. 136.

своим ученикам. Он не только во время их аспирантуры руководил их исследованиями, но и после того, как они становились самостоятельными учеными не оставлял их без совета, если они в нем нуждались. Карпович также помогал им устроиться в американские университеты. В итоге, его ученики в 1950-1960-е годы заняли ведущие кафедры по истории России в американских университетах. В 1959 году Ф. Каземзаде писал: «Сейчас его ученики преподают более чем в двадцати университетах и колледжах, среди которых такие ведущие учреждения как Гарвардский, Йельский, Калифорнийский и Чикагский университеты»³²¹ и т.д.

В 1957 году, когда Карпович оставил преподавание в Гарварде по причине возраста, 27 его учеников издали сборник трудов в его честь. Среди них такие известные русисты и советологи, как Ф. Баргхорн, Р. Броудер, Р. Даниелс, Ф. Каземзаде, Х. МакЛин, М. Малиа, А. Мендел, Р. Пайпс, С. Пейдж, М. Раев, Г. Роггер, Н. Рязановский, Дж. Смит, Р. Талер, Д. Тредголд, Дж. Фишер, Л. Хеймсон, Д. Хехт и другие.

Условия преподавания очень сильно различались, в зависимости от многих факторов. Например, М.И. Ростовцев в Висконсине преподавал восемь часов в неделю. При переходе в Йель в 1925 году его преподавательская нагрузка снизилась до 6 часов в неделю. В 1939 году Ростовцев занял должность директора Археологических исследований с зарплатой в 12 000 \$. Каждый шестой семестр он получал отпуск на полгода, однако летом приходилось работать, т.к. существовал летний семестр. Таким образом, через каждые три с половиной года он находился в отпуске, который чаще всего проводил в Европе и странах Средиземноморья в библиотеках, музеях и на археологических рас-

---

³²¹ Каземзаде Ф. Указ. соч. С.14.

копках. Поездки эти частично оплачивались, кроме того сохранялся оклад. Преподавать Ростовцеву помогал один или два ассистента, которые осуществляли контроль знаний студентов (проводили опросы, проверяли письменные работы и т.д.).

У остальных профессоров положение было несколько хуже. Они получали меньшую зарплату при том же или большем объеме работы. Однако общей чертой для всех было наличие нескольких ассистентов помогавших работать с курсом и проверять письменные работы студентов. Вот как это описывает А.А. Васильев: «В конце каждой недели все студенты 1-го курса должны иметь устную беседу по прочтенным лекциям с ассистентками. Ассистентки составили диаграмму мест моего первого курса: каждое место имеет номер, и на каждом номере сидит определенное лицо, имя которого и написано. За каждую пропущенную лекцию должно быть принесено письменное извинение (excuse) с объяснением причины пропуска»³²².

Он описывает и процедуру экзамена, которая была общей для всех университетов. «На той неделе был уже часовой письменный экзамен как по древней истории, так и на старшем курсе по истории Византии. У нас здесь столбальная система и такие подразделения: excellent 93-100; good 85-92; fair 77-84; затем плохие отметки: poor 70-76; conditioned 60-69 и failure ниже 60. 350 тетрадей моего первого курса проверили мои ассистентки... а 50 тетр[адей] моего старшего курса по ист[ории] Византии поверял я. Вышло распоряжение, чтобы между каждыми двумя студентами во время экзамена было пустое место, из опасения списывания; и какая дисциплина! Когда я пришел на экзамен в свою группу по Византии, уже все студенты сидели как следует,

---

³²² ПФА. РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 18. Л. 89 об.

и между всеми студентами было по пустому месту»³²³. Такое же описание мы можем встретить и у Ростовцева и у Вернадского. При этом, несмотря на большие курсы, но благодаря дисциплине, а также тому, что каникул мало, и они достаточно короткие, Васильев отмечает, что тот курс, который он в России читал в два года: «Здесь в виду малочисленности праздников и лекции в 50 минут, я уже теперь закончил курс первого года и с будущей недели приступаю ко второй части; а так как лекции продолжаются до начала июня, то я, вероятно, успею прочесть русский двухгодовой курс в один год. Вот что значит точность и аккуратность в распределении и выполнении лекционных часов»³²⁴. Т.е. условия работы были вполне приемлемыми и сравнимыми с Россией.

Немалую роль в получении работы на постоянной основе играла публикация работ на английском языке. Так, например, Ростовцев советовал Вернадскому и Васильеву написать о состоянии русистики и византиноведения в России. Вернадский этому совету не последовал, а Васильев выступил с таким докладом на конференции в Принстоне, а потом опубликовал его в виде статьи³²⁵. Также Ростовцев советовал Васильеву заключить договор с английским издательством «The Clarendon Press» на публикацию социально-экономической истории Византии, перед отъездом в США, т.к. это очень ценилось в Америке. Васильев в 1925 году съездил в Оксфорд и провел переговоры с издательством, но книга эта так и не была написана. Большинство ученых по приезду в США старались выпустить книгу на английском языке по своей тематике. Ростовцев ехал, уже работая над «Социально-

---

³²³ Там же. Л. 90.

³²⁴ Там же. Л. 102 об.

³²⁵ *Vasiliev A. Byzantine Studies in Russia // American Historical Review. 1927. Vol. 32. P. 539-545.*

экономической историей древнего Рима»³²⁶, Васильев сразу приступил к переводу на английский язык своих «Лекций по истории Византии»³²⁷, а Вернадский публикует «Очерк истории России»³²⁸.

Если сравнить публикационную активность данных авторов, то мы увидим, что лидером по количеству статей и монографий является М.И. Ростовцев, писавший до 1939 года в среднем по 15 работ в год. Конечно, количество работ само по себе не является абсолютно объективным показателем, необходимо обращать внимание и на их качество, и на объем публикаций. Мы постарались это учесть при анализе графиков.

³²⁶ *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926.

³²⁷ *Васильев А.А.* Лекции по истории Византии. Время до эпохи Крестовых походов (до 1081 года). Пг., 1917; *Он же.* История Византии. Византия и крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081-1185) и Ангелов (1185-1204). Пг., 1923; *Он же.* История Византии. Латинское владычество на Востоке. Эпоха Никейской и Латинской империй (1204-1261). Пг., 1923; *Он же.* История Византии. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261-1453). Л., 1925; *Idem.* History of the Byzantine Empire. Vol. 1-2. Madison, 1928-1929.

³²⁸ *Vernadsky G.V.* A History of Russia. New Haven, 1929.

График построен на основе библиографии Ростовцева составленной В.Ю. Зуевым и приведенной в книге «Скифский роман»³²⁹.

Количество его публикаций возрастает через каждые три года. На наш взгляд, во многом это связано с тем, что Ростовцев получал отпуск начиная с 1923-1924 учебного года каждый шестой семестр³³⁰, а в непосредственно в 1923 г. получил внеочередной девятимесячный отпуск. Минимальное количество работ в 1921 году связано с тем, что он осваивался на новом месте - в Висконсинском университете, в 1925 – в Йельском университете, в 1938– возможно из-за того, что в 1937 году он путешествовал в Индию и не писал, а также потому, что 1937 год был годом окончания раскопок в Дура Европос, в связи с чем, он мог быть загружен различными отчетами, подведением итогов археологической работы и т.д. К концу жизни, с 1940 года научная активность Ростовцева снижается, что вполне объяснимо, возрастом ученого - к этому времени ему было уже около 70 лет, а также его физическим состоянием: он весьма часто болел. Если же применить другую методику подсчета, которую использовал Б.Д. Шоу в статье «Under Russian Eyes»³³¹, то можно увидеть, что до 1923 года публикации Ростовцева были в основном на русском и немецком языках, после 1923 года немецкий язык исчезает почти полностью, а публикации на русском занимают меньше трети от общего числа работ. Абсолютным лидером с 1923 года и до конца смерти ученого является английский язык. Ради историографической истины стоит упомянуть, что Шоу использовал еще один способ подсчета публикационной активности

---

³²⁹ Зуев В.Ю. Материалы к биобиблиографии М.И. Ростовцева // Скифский роман... С. 200-232.

³³⁰ Minutes of the regular meeting of the Board of Regents of the University of Wisconsin: December 5, 1923. P. 2.

³³¹ Shaw B.D. Under Russian eyes // Journal of the Roman Studies. 1992. No. 82. Pp. 216–228.

М.И. Ростовцева. Он подсчитывал не количество работ, а количество страниц, и чтобы сгладить неточности в расчетах связанные с задержкой выхода книги из печати и т.д., берет в качестве временного отрезка не год, а пятилетний период. Такой подход имеет и недостатки. Так, например, 1918 год, рассматривается как начало пятилетнего периода, но нет 1920 года – когда Ростовцев переехал в США, а, на наш взгляд, такие моменты должны учитываться.

Значительно меньше публиковались остальные ученые. Так, среднее количество работ А.А. Васильева в год составляло около пяти.

График составлен на основе библиографии Васильева в книге

«История Византийской империи»³³².

Малое количество книг в 1926 году связано с тем, что в это время ученый активно готовит к изданию свою «History of the Byzantine Empire»³³³ в двух томах, а также большое количество времени ученого

³³² Грушевой А.Г. Указ. соч. С. 5–28.

³³³ Vasiliev A.A. History of the Byzantine Empire. Vol. 1-2. Madison, 1928-1929.

занимает подготовка к лекциям на английском языке. Резкий всплеск количества работ в 1932 и 1934 годах, на наш взгляд связан с тем, что Васильев уже освоился в США, имеет возможность больше не оглядываться на оценку его работ в СССР, где он стал невозвращенцем. Основная же причина, на мой взгляд связана с тем, что английский язык уже не требует от ученого того напряжения интеллектуальных сил, которое было необходимо ранее. Малое количество работ в 1938-1943 годах обусловлено отставкой русского историка с должности преподавателя Йельского университета в связи с достижением определенного возраста. Краткий всплеск количества работ в 1946-1948 годах обусловлен работой ученого в Думбартон Окс, новом центре при Гарвардском университете, куда он перебрался в 1944 году. Но ученый был уже в весьма преклонном возрасте, что объясняет спад публикационной активности, начиная с 1950 года. В это время ему было уже 83 года.

Г.В. Вернадский в США занимал не такое прочное положение, как Ростовцев или Васильев, поэтому он вынужден был писать труды не только научные, но и научно-популярные, чтобы иметь дополнительный заработок. В связи с этим, а также для укрепления своего статуса в Америке он должен был заниматься делами, которые не относились к сфере его научных интересов, в частности, готовить отчет о раскопках в Дура Европос, писать статью о Троцком и т.д.

График построен на основе библиографии Вернадского составленного и опубликованного Н.Е. Соничевой в ее диссертации «Становление и развитие исторической концепции Г.В.Вернадского»³³⁴.

Исходя из вышеприведенного графика явствует, что наибольший пик работ приходится на 1927 год – время приезда Вернадского в США, но понятно, что все эти работы были написаны не в новой стране, а еще в Праге. Этим же объясняется спад количества работ в 1928 году, но в 1930 появляется сразу несколько монографий и статей, которые были подготовлены в первые годы пребывания Вернадского в США. Следующий спад на наш взгляд объясняется тем, что с 1931 года Вернадский начал читать лекции, а не только проводить консультационные занятия, которые он вел до этого. Подготовка к лекциям отнимала у него много времени, о чем он каждый год жалуется отцу и пишет, что времени на научные занятия практически не остается. Со второй половины 40-х годов Вернадский занимается подготовкой

³³⁴Соничева Н.Е. Указсоч. С. 228-250.

многотомной истории России³³⁵. Учитывая большие затраты сил, который требовал данный проект, нам кажется вполне объяснимым малое количество выходящих трудов, так же необходимо учитывать, что Вернадский был уже пожилым ученым, и не мог так плодотворно трудиться как раньше.

---

³³⁵ Этот проект делался на деньги Гуманитарного фонда, которым в то время руководил Б.А. Бахметев. См. об этом – письма Карповича Вернадскому (BAR. George Vernadsky Papers. Box 4.) и письма Бахметева Карповичу (BAR. Karpovich Papers.Box 3.).

§ 3. Университетская карьера Г.В. Вернадского

Более подробно мы хотели бы остановиться на анализе стратегии интеграции Г.В. Вернадского в американское научное сообщество. Мы хотим рассмотреть подробно его биографию в этом ключе по нескольким причинам. Рассмотрение всех элементов стратегии интеграции на примере одного ученого позволит нам составить целостную картину этого процесса. Кроме того, несмотря на все различия между судьбами русских историков-эмигрантов, судьба Г.В. Вернадского кажется нам наиболее подходящей для данного анализа. Жизнь этого ученого в США представляет собой жизнь обычного ученого-эмигранта. Он приехал в Америку, не имея профессорской степени, не успев создать себе имя в мировой науке. Ростовцев и Васильев приехали в США, будучи крупными учеными, членами нескольких Академий наук; устройство М.М. Карповича в университет можно рассматривать вообще как довольно уникальный случай.

Впервые возможность переезда в Америку у семьи молодого русского историка появилась в 1921 году. После эвакуации из Крыма вместе с частями Врангелевской армии, семья Вернадских оказалась в Константинополе, где они встретились с американским историком Ф. Голдером (профессор истории Стэнфордского университета, занимался изучением истории Сибири). Вернадский познакомился с ним еще во время учебы в Санкт-Петербурге. Однако эта попытка переехать в США не удалась.

В 1922 году русский ученый с семьей перебрался в Прагу благодаря помощи, оказывавшейся Чехословацким правительством русским ученым в рамках «русской акции». Но уже в 1925 году он пишет своему другу М.М. Карповичу, что начинается постепенное сворачивание этой программы и рассчитывать на нее больше чем на год – не

стоит. При этом: «в Европе сейчас даже физическим трудом существовать нельзя. Думаю об Америке или английских колониях. На всякий случай принялся за английский язык»³³⁶. Таким образом, положение русского ученого в Праге было весьма непрочным. Неудивительно, что он активно ищет возможности устроиться в США или найти там спонсора для Института имени Н.П. Кондакова в Праге³³⁷.

В том же 1925 году Ф. Голдер пытался привлечь ученого для работы на факультете истории Калифорнийского университета в Беркли. Декан этого факультета Л. Паэтов был в Европе и летом 1925 года должен был переговорить с Вернадским о его устройстве на работу. Ситуация осложнялась тем, что конкурентом Вернадского был Карпович. Голдер прямо сообщал об этом Вернадскому³³⁸. Другое дело, что сам Карпович, видимо, не очень хотел переезжать из Нью-Йорка в Калифорнию и отказался от этой позиции в пользу Вернадского, и пытался убедить Паэтова взять того на работу. Несмотря на ходатайство Голдера и отказ Карповича, Паэтов очень долго не отвечал на письмо русского ученого. В итоге ни Вернадский, ни Карпович не получили этого места.

Осенью 1926 года Вернадский получает предложение выставить свою кандидатуру, как он пишет на должность «профессора русской истории»³³⁹ в Гарвардском университете. Первоначально его приглашали читать лекции с февраля по май на следующих условиях: «оплачивается проезд из Европы в Америку и обратно, и – эти первые 6 месяцев – жалованье по 150 долл[аров] в месяц. Дальше – уже вольное соглашение – меня могут пригласить или нет, я могу остаться или нет,

---

³³⁶BAR. Karpovich Papers. Box 3.

³³⁷Подробнее об этом смотри: *Сорокина М.Ю.* Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // *Природа*. 1999. № 2. С. 95-96.

³³⁸Цит. по: там же. С. 98.

³³⁹BAR. Karpovich Papers. Box 3.

и жалованье будет уже выше – какое условимся»³⁴⁰. Г.В. Вернадский просил совета у М.М. Карповича относительно того, стоит ли ему ехать в США на эти шесть месяцев с женой или одному, относительно особенностей жизни в Америке и т.д. Также для упрочения своей позиции он получил рекомендации М.И. Ростовцева, но 13 декабря 1926 года профессор Эйзенманн сказал Вернадскому, что шансов на то, что его пригласят крайне мало. В качестве основного конкурента он назвал П.П. Гронского³⁴¹. Но главным соперником Г.В. Вернадского оказался не юрист Гронский, а его друг М.М. Карпович, который в итоге и стал преподавать в Гарвардском университете.

Одновременно с Вернадским ведет переговоры Джон Крейн – сын известного американского миллионера Чарлза Крейна. По-видимому, речь шла о каком-то ином университете, т.к. не совпадал упоминавшийся в письмах срок начала занятий. Вернадский писал в письме Карповичу, что лекции надо будет читать с первого октября. Переговоры Крейн вел не от своего имени, а от имени некоего американского «друга», вполне возможно, что от имени своего отца, который еще до революции организовывал в США лекции, посвященные истории России и славянских стран в целом. Возможно, поэтому не был указан университет, т.к. возможно это были бы лекции не на постоянной основе для студентов, а курс популярного характера для всех интересующихся историей России. К сожалению, у нас нет материалов, которые подтвердили бы или опровергли эту версию.

Устроиться на работу в американский университет Вернадскому помог М.И. Ростовцев. В 1927 году Ростовцевым была предпринята вторая попытка помочь Вернадскому получить работу в американском университете. В марте 1927 г. Ростовцев пишет Вернадскому письмо,

---

³⁴⁰ Там же.

³⁴¹ Там же.

в котором запрашивает следующие данные: «1) Ваш curriculum vitae; 2) насколько хорошо Вы знаете английский язык; согласились бы Вы приехать на год в Америку на очень скромных условиях как instructor³⁴² (инструктор) в Graduate School (аспирантура) нашего университета с жалованием в 1500 долларов и с оплатой переезда и с приглашением на один год, без всяких дальнейших обязательств со стороны университета»³⁴³. А в письме от 9 июня 1927 года, он уже пишет, что вопрос о приглашении русского ученого «был решен в положительном смысле в заседании так называемых Permanent officers, т.е. постоянных членов факультета Graduate School. Оставалось только утверждение Corporation, т.е. комитета, так сказать, владельцев университета»³⁴⁴.

В итоге Г.В. Вернадский был принят в Йельский университет на должность инструктора. Относительно его должности есть и другие сведения, согласно которым начинал он с должности Research Associate³⁴⁵ in History³⁴⁶. В своем письме отцу, В.И. Вернадскому от 27 августа 1933 года он пишет, что у него в Йеле звание профессора «rank of Professor», на самом деле, это не так. Звание профессора он получил уже после окончания Второй мировой войны. Вообще же его письма родителям достаточно ненадежный источник. Видимо из-за любви к ним и нежелания расстраивать, Г.В. Вернадский часто приукрашивал ситуацию в США и свое положение там.

В обязанности нового сотрудника Йельского университета входило помимо преподавания также пополнение русского отдела биб-

---

³⁴² Instructor – преподаватель, ведущий практические или семинарские занятия, первая преподавательская должность в американском университете.

³⁴³ Письма М.И. Ростовцева Г.В. Вернадскому // Скифский роман... С. 520.

³⁴⁴ Там же. С. 521.

³⁴⁵ Научный сотрудник.

³⁴⁶ См. в статье *Козляков В.Н.* Это только персонификация не нашего понимания исторического процесса ... С. 12.

лиотеки. Что касается преподавания, то тут вопрос достаточно сложный. Г.В. Вернадский как преподаватель не пользовался большой популярностью. Согласно данным Н.Н. Болховитинова, «далеко не сразу у Вернадского появилась и возможность читать лекции в самом Йеле (первые пять лет он вообще лекции не читал)»³⁴⁷, т.е. пять лет он занимался исключительно научной работой, не имея возможности преподавать. Сам Г.В. Вернадский пишет в своих воспоминаниях: «Когда мы с Ниной приехали в Америку, chairman History Department³⁴⁸ Charles Seymour³⁴⁹ (по советам Ростовцева) назначил мне только руководство graduateseminar'ом³⁵⁰ два часа в неделю»³⁵¹. В этом отрывке он не уточняет о том, был ли это курс протяженностью на весь учебный год или на семестр.

Однако, на основании других источников мы выяснили, что занятия со студентами начались со второго полугодия 1927/1928 учебного года, правда это были еще не лекции, тип занятий напоминал больше кураторство³⁵². Вот что сообщал об этом сам Г.В. Вернадский родителям, в письме от 22 сентября «У меня ведь будет т[ак] наз[ываемый] reading course (по ист[ории] XIX и XX вв.) т.е. нечто вроде семинария, кроме того характер занятий будет зависеть от того, сколько студентов запишутся: если 2-3, то это скорее informal, то что у нас называлось privatissima, а если человек 5-6, то это уже должно быть скорее вроде курса»³⁵³.

³⁴⁷ Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты в США ... С. 11.

³⁴⁸ Декан факультета истории.

³⁴⁹ Ч. Сеймур – американский историк, в описываемое время декан факультета истории, в 1937-1950 гг. – Президент Йельского университета.

³⁵⁰ Исследовательский семинар для аспирантов.

³⁵¹ VAR. George Vernadsky Papers. Box 98.

³⁵² АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 311. Л. 4.

³⁵³ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 311. Л. 25 об.

В этом году на семинаре, который он вел в Graduate School, аспирантов было немного, всего-навсего 2 человека, которые в конце года «представили мне очень хорошие работы»³⁵⁴. Это были одна женщина библиотекарь, которая вместе с Вернадским занималась вопросами комплектования библиотеки и составляла библиографию, включая русские книги и журналы. Также в первый год работы в Йельском университете Г.В. Вернадского к нему записался Дж. Пирсон, в будущем профессор истории России в Йельском университете. Под руководством русского ученого он занимался разработкой вопроса о русско-английском соглашении о разделе сфер влияния в Персии. На следующий год он вел тот же семинар, но к нему записалось уже 3-4 аспиранта.

В 1930 году, во втором семестре, Вернадский сообщает родителям (в письме от 13 февраля), что у него появился первый ученик, который «собирается писать диссертацию на PhD (т.е. степень «доктора философии») по русской истории»³⁵⁵. Полноценные курсы он начинает читать с 1931 года. У него было не так много студентов, как у Васильева или Ростовцева, группа насчитывала до 14 человек. В дальнейшем ситуация часто складывалась так, что Вернадский должен был отказывать желающим записаться к нему на курс, т.к. количество студентов в курсе было ограничено. Об этом периоде в своих воспоминаниях Вернадский пишет как о кризисном времени. Однако в качестве даты он указывает 1928 - 1929 учебный год³⁵⁶. На самом деле кризис в его положении в университете был в 1931 – 1932 учебном году, т.е. на два года позже. По-видимому, занимаясь написанием воспоминаний в конце своей жизни, он перепутал даты.

---

³⁵⁴ Там же. Л. 15.

³⁵⁵ АРАН. Ф. 518. Оп 3. Д. 313. Л. 7.

³⁵⁶ BAR. George Vernadsky Papers. Box 98.

Что касается роста количества студентов, то здесь следует отметить тот факт, что администрация университета связывала это с недостаточной строгостью Вернадского при проверке работ и при подходе к вопросу о посещаемости занятий студентами. Все это привело к тому, что курс Вернадского в данном семестре был прекращен досрочно, и продление контракта с русским ученым было поставлено под вопрос. Правда вполне возможно, что свою роль в таком решении, как мы писали выше, сыграла начавшаяся в то время в США «великая депрессия». Но при этом его жалование было сохранено. Как пишет Г.В. Вернадский: «Мне недостаточно объяснили психологию американских студентов. Freshmen³⁵⁷ и sophomores³⁵⁸ – по русским понятиям гимназисты VII и VIII класса гимназии. В России и Чехословакии студенты жадно тянулись к знаниям и заниматься с ними было вдохновительно. Не было никаких формальностей, о каких-нибудь мерах поддержки дисциплины – не было и речи. И не было в этом ни малейшей надобности.

В Yale оказалось совершенно иное положение и другая атмосфера, которую я сначала не понял и к которой не смог приспособиться»³⁵⁹. В результате смены руководства факультета Дж. Эллисон, который стал деканом, понял, в чем заключалась проблема русского преподавателя, и назначил ему помощника Дж. Росса, который объяснил все промахи Вернадского. В итоге Вернадский даже получил приглашение работать в Йеле на постоянной основе, вместо планировавшегося изначально продления контракта всего лишь на очередные три года.

---

³⁵⁷Первокурсники

³⁵⁸Второкурсники

³⁵⁹BAR. George Vernadsky Papers. Box 98.

В 1931 году его приглашают в Стэнфордский университет, прочесть курс лекций по истории России в летнем семестре. В 1932 году его приглашают уже в Гарвард на целый год заменить М.М. Карповича. О том, как относились студенты к Вернадскому, говорить сложно. Сам он в своих письмах часто писал, что по его мнению занятия со студентами идут вполне благополучно, но у нас нет воспоминаний студентов, которые учились у него. Доверять же тем воспоминаниям, которые отразились в некрологах в полной мере не стоит, в силу особенностей данного жанра. У него было немного учеников, получивших под его руководством степень PhD. Тем не менее, ими в 1964 году был издан сборник статей в честь Г.В. Вернадского (Festschrift). Кроме того, к Вернадскому часто обращались за советом не только его собственные ученики, но и ученики М.М. Карповича (после его смерти): Н. Рязановский, Р. Пайпс, о чем свидетельствуют записи в дневниках Вернадского³⁶⁰.

В письме от 15 июля 1928 года мы можем встретить весьма интересную заметку: «Зато за этот год мне кажется, я совсем освоился с психологией и интересами американского студента и теперь представляю в каком стиле надо читать лекции, чтоб заинтересовать и ответить на запросы студентов»³⁶¹. Если бы не последовавший за этим кризис 1931-1932 годов, можно было бы предположить, что он приспособился к американской образовательной системе, но на самом деле это не так. Мы можем попытаться реконструировать значение этой фразы, если учесть характеристику лекций М.И. Ростовцева в журнале выпускников Висконсинского университета, которую я приводил выше и на основе характеристик лекций М.М. Карповича³⁶², который

³⁶⁰ BAR. George Vernadsky Papers. Boxes 103, 104.

³⁶¹ АРАН. Ф. 518. Оп 3. Д. 313. Л. 19 об.

³⁶² Раев М. М.М. Карпович: русский историк в Америке... С. 244-247.

считался превосходным лектором. Одним из самых важных достоинств лектора в США и в то время, и сейчас считается умение наиболее структурировано и четко, сжато подать материал. В то время как, например, в Российской империи большее внимание обращалось на ораторское искусство. Активно пытался помочь Г.В. Вернадскому в этих вопросах М.М. Карпович. Он давал ему полезные рекомендации и в плане написания научных работ и плане подготовки к занятиям. Вот что он пишет: «Очень хорошо, что у тебя наладилось и со студентами и с книгой (о последней поговорим при свидании – думаю, что я могу быть тебе полезен указаниями относительно того, что нужно американцам). Конечно, естественным результатом всего этого было бы твое упрочение в Йеле. Будем надеяться, что так оно и случится. Только при этом они должны дать тебе больше денег – по крайней мере, те же 2500 дол., что я получаю здесь»³⁶³.

Как я уже писал выше, для интеграции в научное сообщество любой страны необходимо умение наладить отношения с коллегами. Одной из форм такого взаимодействия является участие в конференциях. В США в то время очень важна была конференция в Брэнфорде³⁶⁴. Здесь я хочу привести воспоминание Г.В. Вернадского об этой конференции и других похожих мероприятиях. Привожу его полностью, т.к. это воспоминание дает много материала для понимания целей таких съездов (включавших не только обмен научными достижениями), а также их роли в интеграции иностранного ученого в академическое сообщество принимающей страны. «Вскоре по приезде я получил, через Гольдера, приглашение на Convivium Historicum³⁶⁵ в Бранфорде

---

³⁶³ BAR. George Vernadsky Papers. Box 4.

³⁶⁴ Городок, находящийся недалеко от Нью-Хейвена, там проходил Ежегодный съезд Американской исторической ассоциации

³⁶⁵ В переводе с латыни пиршество историков. Ежегодные встречи историков, которые проводились в Брэнфорде, штат Коннектикут с 1918 года. Начало этому

(вторая половина сентября). Гольдер меня познакомил с другими американскими профессорами (участниками Convivium) и, так сказать, ввел меня в американскую академическую атмосферу.

В конце декабря 1927 года я, по настоянию и совету Гольдера, поехал в Вашингтон на съезд American Historical Association. Там Гольдер так сказать руководил мной – какие доклады слушать. Главное там были не доклады, а разговоры с группами участников между докладами. На эти съезды ездило всегда много молодых или почему-либо не имевших постоянного места историков в чаянии нахождения места (шутили, что эти съезды - рабовладельческий рынок).

Для меня этот съезд практического значения не имел, но дал много знакомств с американскими историками, со многими из которых я позже подружился»³⁶⁶. Похожего мнения о таких мероприятиях был и М.М. Карпович. Вот что он писал Вернадскому в ответ на его письмо: «Очень интересно было читать про твои вашингтонские впечатления. Ощущение полной ненужности и у меня осталось от таких съездов, на которых я в свое время присутствовал. Но ведь люди знающие говорят, что там надо бывать – может быть, они и правы»³⁶⁷.

Но этот съезд был важен для русского ученого именно в плане поиска альтернативного места работы. Если, например, А.А. Васильев рассматривал предложения других научных центров об устройстве на работу из-за непрочного положения в Висконсинском университете (его первоначально пригласили только на один год), то Вернадский руководствовался еще одной причиной: недостаточным уровнем заработной платы. Именно поэтому он принял два предложения от Стэн-

---

положил недельный выезд историков Пенсильванского университета в Брэнфорде.

³⁶⁶ BAR. George Vernadsky Papers. Box 98.

³⁶⁷ BAR. George Vernadsky Papers. Box 4.

фордского университета, который пригласил его «для разборки собранных там материалов по русской истории» летом 1930 и 1931 годов³⁶⁸. Также он всерьез рассматривал предложение из Скопле³⁶⁹ (в Сербии), где в 1929 году планировалось открыть кафедру истории Византии³⁷⁰. В том же году он пытался устроиться на должность specialist for historical research в Вашингтоне³⁷¹, однако это у него не получилось, т.к. на нее могли претендовать только американские граждане. Вернадские же получили гражданство позже, в 1933 году.

Голдер прилагал немало усилий для того, чтобы помочь своему другу интегрироваться в американское сообщество историков. В 1930 году Г.В. Вернадский получает приглашение от профессора Стэнфордского университета Гарольда Фишера приехать в качестве научного ассистента «Гуверовской военной библиотеки»³⁷², в которой было большое количество книг на русском языке. В своих воспоминаниях Вернадский пишет, что его друг профессор Голдер перед своей смертью говорил с Фишером о нем, и, возможно, благодаря ему Вернадский получил это приглашение.

Переписка с родными и друзьями имеет особое значение для эмигрантов. Близким другом Вернадского в США был Карпович, который оказал важную поддержку в один из непростых жизненных периодов для Вернадского в 1932-1933 гг., когда его карьера ученого в США могла закончиться. В это время продление контракта с русским ученым со стороны Йельского университета, как я уже писал выше, стояло под вопросом. Он попытался получить место в Стэнфордском университете, о чем написал Фишеру, но последний отвечал весьма

---

³⁶⁸ АРАН. Ф. 518. Оп 3. Д. 313. Л. 1 об.

³⁶⁹ Сейчас город Скопье – столица Македонии.

³⁷⁰ АРАН. Ф. Оп. 3. Д. 312. Л. 22 об.

³⁷¹ Там же. Л. 41 об.

³⁷² Сейчас это Гуверовский институт войны, революции и мира.

уклончиво. По его словам, в Стэнфордском университете вакансии нет, а в Гуверовской библиотеке нет постоянного фонда, другими словами нет денег для приглашения ученого на более-менее постоянной основе³⁷³.

Кроме того, Вернадский отмечает: «вернувшись в New Haven, я был на заседании Americ[an] Assoc[iation] of University Professors, где читался доклад Вашего Harvard'ского профессора Slichter'a о положении дел в университетах – вижу, что дело дрянь, масса народу уже потеряло места»³⁷⁴. Все это постепенно подводило мысли Вернадского к тому, что надежды на продление курса по русской истории практически нет. Положение дел его было настолько удручающим, что он, в свои 45 лет задумывается о смене специальности или получении дополнительной специализации. Вернадский серьезно размышлял о получении в Гарвардском университете степени PhD по политическим наукам.

В этом он обращался за содействием к Карповичу, просил все разузнать как можно скорее и подготовить для этого почву, причем не откладывая. Диссертацию он планировал писать у Ч.Х. Макилвана³⁷⁵ на тему о древнерусских политических учениях. Важно отметить, что в случае необходимости студенческого обучения, он был к этому абсолютно готов. Вернадский действительно был полон решимости совершить столь серьезный поворот в своей карьере.

На это указывают его вопросы Карповичу относительно наличия каких-либо инструкций для подготовки к экзаменам, а также когда необходимо подавать прошение, когда нужно платить 400 долларов за

---

³⁷³BAR. Karpovich papers. Box 3.

³⁷⁴Там же.

³⁷⁵Профессор в Гарвардском университете.

право обучения на будущий год и т.д. Т.е. взрослый, вполне состоявшийся ученый был готов стать студентом, дабы вновь попасть в нормальное профессиональное русло и быть востребованным. Это говорит о том, с какой серьезностью воспринял Вернадский угрозу оказаться без работы. Он считал себя достаточно подготовленным к вступительным испытаниям и обучению по данной специальности благодаря преподаванию ранее в Праге на юридическом факультете.

Но в итоге, по совету Карповича и Макилвана Вернадский решил отказаться от этой идеи. Вместо этого он занялся написанием книги по истории средневековых русских политических идей. Вернадский надеялся, что эта книга будет полезна ему еще и в практическом смысле. Пока он решил оставаться в Йеле, если ничего более интересного не предвиделось. Макилван посоветовал Вернадскому в будущем называть себя PhD, и Вернадский последовал этому совету, хотя в 1932-1933 учебном году в каталогах курсов в Йеле и Гарварде уже ничего нельзя было изменить.

Для подстраховки на случай увольнения Карпович советовал своему другу получить грант, после завершения контракта с Йелем. Но это было проблематично, во-первых, по возрастным причинам. В фондах «Social Science» и «Gugenheim» гранты давали молодым ученым. Во-вторых, в условиях ярко выраженной безработицы, конкуренция возрастала в разы. Но, в результате смены руководства факультета и изменения отношения русского историка к студентам в сторону ужесточения требований, Вернадскому не только продлили контракт, но сделали его постоянным, что значительно упрочило его позиции в Йельском университете. Но наиболее значительно его положение укрепилось после начала Второй мировой войны, когда в Америке в целом и в Йельском университете в частности стали вво-

даться курсы, по изучению японского, немецкого и русского языков, а также военного дела этих стран.

В 1944 году Вернадский получает приглашение занять должность профессора в Лондонском университете в школе Славянских исследований. Два года он вел переговоры с этим университетом. Ситуация осложнялась тем, что Вернадскому было 58 лет, а в 60 лет, по британским правилам он должен был бы выйти в отставку, менять на закате своей жизни место проживания и весь быт, ради возможности поработать всего два года не имело смысла. В результате, Лондонский университет специально для русского ученого предложил отодвинуть срок отставки до 65-летнего возраста.

Тогда Вернадский известил об этом Президента Йельского университета, и тот созвал комиссию, которая присвоила русскому ученому звание профессора в Йельском университете в 1946 году (в это время Г.В. Вернадский все еще был инструктором), минуя звания ассистента (*assistant professor*³⁷⁶) и доцента (*associate professor*)³⁷⁷. Т.к. Вернадский «не имел американской ученой степени, Йельский университет сделал его также своим почетным магистром гуманитарных наук»³⁷⁸. Также серьезно было увеличено жалование – до 10 000 долларов в год. Это было минимальное жалование полного профессора в США, но для Вернадского это было весьма существенно. Это была обычная практика для американских университетов. Возможно, если бы Г.В. Вернадский раньше поставил в известность руководство своего университета о том, что его приглашают в другое место на более

---

³⁷⁶ Если судить по российским меркам, то это нечто среднее между старшим преподавателем и доцентом.

³⁷⁷ В российской системе образования соответствует доценту.

³⁷⁸ Соничева Н.Е. Указ соч. С. 73.

высокую позицию с большей зарплатой (тем более, что такие приглашения были) то его могли бы гораздо раньше повысить в должности.

Таким образом, только в 59 лет русский историк получил признание в США, причем связано это было только с тем, что Йельский университет увидел опасность потерять первоклассного специалиста по русской истории. Т.е. на карьерный рост Вернадского сильное влияние оказали не его профессиональные навыки (если основываться только на них, то он должен был бы получить звание полного профессора раньше), а популярность его специальности на образовательном рынке США и Европы.

Таким образом, на основании проведенного анализа мы можем выделить основные инструменты научной интеграции ученых эмигрантов. Для того чтобы получить работу в университете, русским историкам требовались рекомендации известных ученых, одобрение кандидатуры не только руководством университета, как это было в России, но и советом попечителей. Также на решение о приглашении во многом влияла специализация ученого, что имело прямое отношение к тому, будет ли среди студентов интерес к тем курсам, которые сможет читать ученый. Это отражалось на их популярности, популярности самого ученого и, в конечном счете, на рейтинге университета.

Для того чтобы закрепиться в университете, требовалось наладить хорошие отношения с коллегами и студентами. Для профессионального развития необходимо было активно писать научные труды, принимать участие в научных мероприятиях других университетов, читать там лекции в качестве приглашенного преподавателя и в целом укреплять связи в академическом сообществе. Русские историки-эмигранты смогли найти в себе силы остаться в профессии, бороться за улучшение своего положения в Америке, повысить уровень амери-

канской науки в своих областях и добиться признания своей деятельности на мировом уровне.

§ 4. Профессиональные достижения русских историков в США

Будучи в США, М.И. Ростовцев написал очень большое количество работ. Отметим наиболее важные и оказавшие заметное влияние на развитие антиковедения в США. Двумя основными работами Ростовцева являются его «Социально-экономическая история эллинистического мира»³⁷⁹ и «Социально-экономическая история Древнего Рима»³⁸⁰. Эти две книги во многом связаны с отечественной традицией написания больших нарративов, которая была очень популярна в России в конце XIX - начале XX вв. Именно в это время пишутся тома по истории Византии Ф.И. Успенским, А.А. Васильевым, Ю.А. Кулаковским, по истории России В.О. Ключевским и т.д.

«Социально-экономическая история Древнего Рима» получила неоднозначную оценку исследователей. Отзывы варьировались от крайне негативных до положительных. Основную критику вызывала терминология М.И. Ростовцева и его теоретические построения. История эллинистического мира нашла, наоборот, тёплый приём со стороны научного сообщества, даже в лице тех историков, которые довольно скептически восприняли его книгу о социально-экономической истории Древнего Рима. Во многом это было связано с тем, что в «Социально-экономической истории эллинистического мира» Ростовцев одним из первых активно привлекал археологические материалы в качестве исторических источников. Естественно, данные археологии применялись и раньше, но Ростовцев привлекал их не только для иллюстрации тех или иных событий и явлений, но использовал их наравне с другими источниками. Это придало его моногра-

---

³⁷⁹ *Rostovtseff M. Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1941.*

³⁸⁰ *Idem. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926; рус. пер.: Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи. Т. I–II. СПб., 2000–2001.*

фии большую убедительность, а также стало для многих ученых образцом в применении археологических данных.

Основной методологической особенностью М.И. Ростовцева в обеих работах является некое модернизаторство истории, т.к. ученый «полагал, что человечество в своём социально-экономическом развитии прошло два совершенно равнозначных цикла. Первый из них представлен античностью. Второй цикл начинается в средние века и продолжается вплоть до современности. Соответственно, древний мир пережил все этапы становления капиталистического уклада экономики, достигнув его наивысшего пика»³⁸¹.

С именем М.И. Ростовцева также было связано осуществление такого масштабного проекта Йельского университета, как раскопки сирийской крепости Дура-Европос. В течение многих лет он участвовал, а затем и возглавлял археологические исследования этого памятника (1928–1937 гг.). В результате работ было опровергнуто мнение о зарождении христианского искусства в одном центре – Риме и возторжествовала концепция М.И. Ростовцева о его возникновении параллельно на Западе и Востоке³⁸².

Грандиозный проект Йельского университета по раскопкам Дура-Европос стал последним большим делом в жизни русского учёного. Чтобы его достойно завершить, он отказался даже перейти в Гарвард, куда его настойчиво приглашали в 1938 г.³⁸³. При этом до конца своих дней он оставался бессменным редактором издававшихся ежегодно материалов раскопок в Дура-Европос.

---

³⁸¹ *Алипов П.А.* М.И. Ростовцев – историк древнего Рима: доэмигрантский этап научного творчества: автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2010.

³⁸² *Rostovtseff M.* Dura-Europos and its Art. Oxford, 1938.

³⁸³ Подробнее см.: *Бауэрсок Г., Бонгард-Левин Г.М.* М.И. Ростовцев и Гарвард // Скифский роман... С. 192–199.

А.А. Васильев после приезда в США активно занимается написанием и изданием учебной литературы. В частности, в первый же год своего пребывания он делает перевод своей «Истории Византии»³⁸⁴, которая только в Америке выдержала два издания, а кроме того, была переведена на французский, испанский, греческий и турецкий языки. Именно это сочинение русского византиниста долгое время использовалось в США в качестве учебника. По свидетельству Г.А. Острогорского: «Эта общепризнанная и значимая работа стала ясным и надежным руководством к изучению Византии»³⁸⁵. Благодаря тому, что этот учебник был написан одним из ведущих специалистов своего времени, он во многом определял уровень развития данной дисциплины.

Кроме этого основными трудами Васильева можно назвать его диссертации³⁸⁶, а также работу «Готы в Крыму»³⁸⁷. Все эти монографии были написаны еще в России, но потом несколько раз переиздавались и были значительно дополнены и переработаны уже в США. Из важных работ, написанных в США, кроме этих переводов

---

³⁸⁴ *Васильев А.А.* Лекции по истории Византии. 1. Время до эпохи Крестовых походов (до 1081 года). Пг., 1917; *Он же.* История Византии. Византия и крестоносцы; *Он же.* История Византии. Латинское владычество на Востоке; *Он же.* История Византии. Падение Византии; *Он же.* История Византийской империи. 324-1453, т. 1-2. СПб., 1998; *Vasiliev A.A.* History of the Byzantine Empire. Vol. 1-2. Madison, 1928-1929; *Idem.* History of the Byzantine Empire, 324-1453 .2nd. English edition, revised. Madison, 1952.

³⁸⁵ *Острогорский Г.А.* История византийских исследований // Христианское чтение. 2010. № 1(32). С. 122–132; *Он же.* История византийских исследований // Христианское чтение. 2012. № 2. С. 149; *Ostrogorsky G.* History of The Byzantine State. New Jersey, 1969. P. 12–21.

³⁸⁶ *Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. СПб., 1900; *Он же.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. СПб., 1902.

³⁸⁷ *Он же.* Готы в Крыму // Известия Российской Академии истории материальной культуры. Т. 1. М. 1921. С. 247-344; *Он же.* Готы в Крыму // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Т. V. 1927. С. 179-282; *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936.

можно назвать также «Историю Трапезундской империи»³⁸⁸, две статьи, посвященных нападениям русов на Константинополь³⁸⁹, а также работу, касающуюся взаимоотношений Древней Руси и Византии³⁹⁰.

На основе архива, сохранившегося в США, можно сделать вывод о том, какие из начатых в России дел, Васильев планировал закончить в Америке. В частности, имеются материалы к готовящейся книге «Портреты византийских императоров и императриц», материалы по византийскому театру, а также по истории Крыма. Довольно много материалов по истории Таны-Азова, Тмутаракани, Саркела³⁹¹. Часть из них потом была переработана и опубликована, часть была использована для подготовки к лекциям.

А.А. Васильев ввел в научный оборот большое количество источников, в том числе и на арабском языке, которые до этого мало привлекались для исследования истории Византии. Он первый начал осваивать новый, большой комплекс источников - на папирусах по истории Византии, хранившихся в США. Он одним из первых высказал предположение, что «Записка готского топарха» является подделкой. Позже это было доказано другим американским ученым И.И. Шевченко³⁹². Васильев также сумел распространить в американской и западноевропейской историографии представление о развитии феода-

---

³⁸⁸ *Vasiliev A.A.* The Foundation of the Empire of Trebizond (1204 - 1222). // *Speculum*. Vol. XI. 1936. P. 3-37.

³⁸⁹ *Idem.* The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge, Mass., 1946; *Idem.* The Second Russian Attack on Constantinople // *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 6. 1951. P. 161-225.

³⁹⁰ *Idem.* Was Old Russia a Vassal State of Byzantium? // *Speculum*. Vol. VII. 1932. P. 350-360.

³⁹¹ *Карнов С.П.* Архив А.А. Васильева в DumbartonOaks (Вашингтон) // Васильев А.А. История Византийской империи: от начала крестовых походов до падения Константинополя. 2-е изд., испр. СПб., 1998. С. 549.

³⁹² И.И. Шевченко (1922-2009) – историк, византинист. Работал в Мичиганском, Колумбийском и Гарвардском университетах.

лизма в Византии³⁹³, что до него отрицалось многими западными учеными. После своей отставки из Висконсинского университета А.А. Васильев не оставил занятия византийской историей и превратился в одну из крупнейших фигур в мировой византистике. Он продолжал заниматься исследованиями в новом центре византиноведения в Думбартон Оксе³⁹⁴ сначала в качестве старшего исследователя (senior scholar, 1944 - 1948), а затем и почетного исследователя (scholar emeritus, 1949 - 1953). Кроме того, он периодически читал лекции по истории Византии в летнем семестре в качестве приглашенного профессора в других университетах США.

Кроме преподавания истории Византии студентам, Васильев иногда читал и публичные лекции. В письме С.А. Жебелеву от 11 марта 1926 года он описывает свои впечатления от первой прочитанной лекции: «с 4,30 по 5,20 моя публичная лекция от факультета о средневековом Константинополе... Должен Вам сказать не для самовосхваления, но совершенно объективно, что моя публичная лекция собрала очень много публики и имела очень большой успех. Ведь эти темы для американцев откровение; они никогда ничего об этом не слышали»³⁹⁵.

А.А. Васильев был председателем комитета по изучению Византии при Американском Совете Ученых Обществ в Вашингтоне, о чем он писал в письме И.Ю. Крачковскому³⁹⁶. Но при этом он не участвовал, ни в организации Думбартон Окса как византиноведческого центра, ни Byzantine Institute of America, который был основан в 1930 го-

---

³⁹³ Курбатов Г.Л. Указ. соч. С. 166.

³⁹⁴ Карпов С.П. Архив А.А. Васильева в DumbartonOaks (Вашингтон)... С. 549.

³⁹⁵ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 18. Л. 102.

³⁹⁶ ПФА РАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 207. Л. 60.

ду Т. Виттемором. Тем не менее, это не умаляет вклада А.А. Васильева в организацию византиноведения в США.

Развитию этой области исторической науки в США способствовал переезд в Америку в период войны одного из ведущих европейских журналов в области византиноведения – «Byzantion». Вот как русского историка характеризует А. Грегуар, редактор этого журнала, известный бельгийский византинист: «Что касается А.А. Васильева, по-прежнему неутомимого, несмотря на свои более чем 70 лет, то он продолжает с поразительной регулярностью выпускать все новые работы. Его последняя книга о нападении русских на Византию ставит наново и наново разрешает проблемы, связанные с историей первого века русского государства. Благодаря ему великая русская школа продолжается и влияние ее на мировое византиноведение все растет, ибо А.А. Васильев, во всех своих книгах и статьях, не перестает напоминать об изысканиях, открытиях, заслугах своих предшественников, коллег и современников ныне уже исчезнувших»³⁹⁷. Также необходимо отметить и большое количество научных трудов А.А. Васильева: не менее пятидесяти различных монографий, статей на английском языке, вышедших в США, всего же он написал около ста пятидесяти работ³⁹⁸. Они подготовили необходимую базу для изучения истории этой империи в Америке.

Этот выдающийся ученый был по достоинству оценен в США. Его ценили не только в Америке, Васильева знали все византинисты того времени. В 1931 году, его избрали почетным членом Института им. Н.П. Кондакова в Праге. В 1934 году Васильев становится членом Югославской Академии наук, тогда же он выступает в Софии с до-

---

³⁹⁷ Грегуар А. Византиноведение в советской России // Новый журнал. 1946. Кн. 12. С. 292-293.

³⁹⁸ Грушевой А.Г. К переизданию цикла общих работ А.А. Васильева... С. 5 – 28.

кладом по истории Трапезундской империи. Во время этой конференции болгарский царь наградил Васильева орденом. В 1935 году А.А. Васильев был избран в Американскую Академию Средневековья и стал президентом Института им. Н.П. Кондакова, которым руководил до его закрытия в 1951 году³⁹⁹. В 1952 году он был приглашен на Византийский конгресс в Салониках, где был избран почетным президентом конгресса, и весь конгресс прошел под знаком чествования А.А. Васильева. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Васильев, как представитель передового на то время российского византиноведения, в результате своей эмиграции смог «пересадить на новую почву новую науку», стать ее основателем.

Говоря о работах Г.В. Вернадского, необходимо упомянуть, что основной идеей его видения истории России является теория евразийства, которая сформировалась во время его преподавательской и научной деятельности в Праге. Наиболее полное развитие эта тема получила в книге Вернадского «Начертание русской истории»⁴⁰⁰, написанной еще в Праге в 1927 г.

За переработку этой книги для американского читателя он сел сразу по прибытии в США. Ее перевод делал другой русский эмигрант Г.А. Небольсин⁴⁰¹, которого к Вернадскому направил М.И. Ростовцев для занятий русским государственным правом⁴⁰². Инициатива того, чтобы перевод делал Г.А. Небольсин, исходила от издательства Йель-

---

³⁹⁹ Однако это руководство было номинальным. Непосредственное управление осуществлял сначала Н.П. Толль, а после его переезда в США в 1939 году - Н.Е. Андреев.

⁴⁰⁰ *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. Ч. 1. Евразийское книгоиздательство. [Прага], 1927.

⁴⁰¹ Русский эмигрант из Принстона, прибыл в Йельский университет в качестве инструктора по международному праву.

⁴⁰² АРАН. Ф. 518. Оп. 3 Д. 310. Л. 5 об.

ского университета⁴⁰³, т.к. его руководство опасалось, что если перевод будет делать сам Г.В. Вернадский, он может затянуться или будет плохого качества.

Получившаяся книга получила новое название «История России»⁴⁰⁴. Это было сделано по настоянию издательства. Предваряло ее предисловие М.И. Ростовцева⁴⁰⁵, который к тому времени уже успел завоевать авторитет в американских научных кругах. Предисловие это было весьма благожелательным: оно указывало на ценность подхода Вернадского к изучению истории России, т.к. учитывает вклад многих азиатских племен в развитие истории России. О важности работы Г.В. Вернадского «A History of Russia» говорит и тот факт, что в 1930 году, т.е. после первого года продаж издательство планировало ее допечатку и предоставило Вернадскому список мест, где его книгу используют как учебник. Она была встречена весьма благожелательной рецензией Р. Кернера из Калифорнийского университета⁴⁰⁶, который отметил ее высокий научный уровень и объективность Вернадского при освещении советского периода истории. В итоге в 1930 году вышло второе издание книги, исправленное и дополненное. Позже она переиздавалась в США шесть раз⁴⁰⁷, а также была опубликована в Голландии и Аргентине в 1947 году, и в Японии в 1954. В 30-е годы выходят работы Г.В. Вернадского и на русском языке, в которых также продолжает разрабатываться идея взаимодействия природных и социальных факторов в русской истории. В частности, это «Опыт Ис-

---

⁴⁰³ АРАН. Ф. 518. Оп. 3 Д. 311. Л. 4.

⁴⁰⁴ Vernadsky G.V. A History of Russia. New Haven, 1929.

⁴⁰⁵ Preface by M.I. Rostovtzeff // Vernadsky G.V. A History of Russia. New Haven, 1929. P. X-XI.

⁴⁰⁶ Kerner R.J. Review of Vernadsky G. A History of Russia // Slavonic and East European Review. Vol. 8. No. 1930. P. 724-726.

⁴⁰⁷ Vernadsky G.V. A History of Russia. 6th rev. ed. New Haven, 1969.

тории Евразии с VI в. до настоящего времени»⁴⁰⁸ и «Звенья русской культуры»⁴⁰⁹.

Многотомная «История России» Вернадского вызвала оживленную дискуссию. Особенное сопротивление вызвал первый том «Древняя Русь»⁴¹⁰. Так, даже самые благожелательные рецензенты не удержались от того, чтобы отметить ряд серьезных недостатков относительно некоторых выводов автора, отметив, что они требуют «дальнейшего исследования» для их принятия в научном сообществе, т.е. другими словами доказательная база их была очень слаба. Как пишет Н.Н. Болховитинов⁴¹¹, в некоторых даже ставилась под сомнение компетентность автора в области археологии и лингвистики.

Вторая книга, посвященная Киевской Руси⁴¹², была встречена более благосклонно. В частности, А.А. Лобанов-Ростовский в «American Historical Review»⁴¹³ в 1948 году пишет, что в этот раз автор более строго подходил к доказательной базе своих теоретических построений. Одобрительно отнеслись к этому труду Вернадского и другие американские русисты. В частности положительный отзыв дал Ф. Мозли⁴¹⁴, Н. Вакар⁴¹⁵, и др. Важность этой книги заключается в

⁴⁰⁸ *Вернадский Г.В.* Опыт Истории Евразии с VI в. до настоящего времени. Берлин, 1934.

⁴⁰⁹ *Вернадский Г.В.* Звенья русской культуры. Берлин, 1938. В России они также были изданы. См. Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. М., 2005.

⁴¹⁰ *Vernadsky G.V.* Ancient Russia. Vol. 1. New Haven, 1943

⁴¹¹ *Болховитинов Н.Н.* Теория евразийства и многотомная история России Г.В.Вернадского // Scripta Gregoriana. Сборник в честь семидесятилетия академика Г.М. Бонгард-Левина / отв. ред. акад. С.Л. Тихвинский. М., 2003. С. 374-383.

⁴¹² *Vernadsky G.V.* Kievan Russia. Vol. 2. New Haven, 1948.

⁴¹³ *Lobanov-Rostovsky A.* Review of Vernadsky G. Kievan Russia // American Historical Review. 1948. Vol. 54. No. 1. P. 137 – 138.

⁴¹⁴ *Mosely Ph.E.* Review. The Mongols and Russia // American Slavic and East European Review. 1948. Vol. 7. P. 374 - 375.

⁴¹⁵ *Vakar N.P.* Review. The Mongols and Russia // Russian Review. 1949. Vol. 8. P. 168-170.

том, что если не считать вышедшего практически через десять лет после нее перевода на английский язык монографии Б.Д. Грекова «Киевская Русь»⁴¹⁶ это была единственная англоязычная обобщающая монография по данному периоду.

Следующая книга Г.В. Вернадского «Монголы и Русь»⁴¹⁷ вызвала бурю возмущения среди советских историков, что было во многом связано с переоценкой роли монголов в усилении власти Москвы, а также установлении самодержавия и крепостного права на Руси. В то же время на Западе не существовало такой однозначной оценки влияния монголов на развитие истории Руси. Оно колебалось от положительного до отрицательного. Положительные отзывы на новый том написали Г. Фишер⁴¹⁸, Н. Андреев⁴¹⁹ и др. Они отмечали широту охвата источников и оригинальность выводов автора. Тем не менее, рецензенты сделали и немало замечаний, в частности автор не привлек к изложению материалы из новых источников по истории России. Также рецензенты отмечали недостаточное знание автором восточных языков. Но в целом впечатление от книги было хорошее. Свообразным поощрением русскому историку, правда не за эту конкретную книгу, а в целом за его долгую и плодотворную работу в США, стало решение «Американского совета ученых обществ» выделить Вернадскому специальную премию в размере 10 000 долларов. Это было признанием заслуг русского ученого в США. Вполне веро-

---

⁴¹⁶ Греков Б.Д. Киевская Русь. М.-Л., 1939.

⁴¹⁷ Vernadsky G.V. The Mongols and Russia Vol. 3. New Haven, 1953.

⁴¹⁸ Fisher H. Review. G. Vernadsky. The Mongols and Russia // American Slavic and East European Review. 1954. Vol. 59. No. 2. P. 606-608.

⁴¹⁹ Андреев Н. G. Vernadsky. The Mongols and Russia // Новый журнал. 1954. Кн. 36. С. 304-307.

ятно, что эта премия помогла автору закончить работу над следующим томом *Истории России* – «Россия в средневековье»⁴²⁰.

Завершающим томом этой работы стал книга «Московское царство (1547-1682)»⁴²¹, которая вышла в двух томах. Все эти книги Вернадского были написаны в евразийской традиции. Как известно, вторую половину этого многотомника должен был написать М.М. Карпович, но он, однако, так этого и не сделал. С чем это связано – трудно сказать. На наш взгляд, этому есть две причины. Одна из них вполне убедительно изложена Н.Н. Болховитиновым в его трудах о Г.В. Вернадском. Она заключается в том, что М.М. Карповичу, как и С. Блэку, который взялся за эту работу, после смерти своего учителя в 1959 году сложно было выдержать евразийскую концепцию истории России Вернадского, чтобы не нарушить единства изложения. Это связано не только с трудностями изложения фактического материала в таком ключе, но и с неприятием евразийской концепции этими авторами. Есть и вторая причина, почему М.М. Карпович так и не приступил к этой работе. Она связана с исключительной занятостью русского историка. Как писал сам М.М. Карпович, он бы настолько загружен работой со студентами и в «Новом журнале», (в котором он стал редактором с 1943, а после смерти М.О. Цетлина и ухода М.А. Алданова (с 1946), был его единственным руководителем), что у него практически не оставалось времени на собственные научные изыскания. Учитывая этот фактор, мне кажется вполне вероятным, что Карпович так и не приступил к своей части многотомной истории России в связи с этой причиной.

---

⁴²⁰ *Vernadsky G.V. Russia at the Dawn of the Modern Age. Vol. 4. New Haven, 1959.*

⁴²¹ *Vernadsky G.V. The Tsardom of Moscow, 1547 - 1682. Vol. 5. Pt. 1-2. New Haven, 1969.*

После окончания работы над последней книгой своей части многолетней «Истории России» Г.В. Вернадский, который был уже в весьма почтенном возрасте, после перенесенного им инфаркта миокарда (в 1950 г.), занялся подведением итогов своей жизни. Он подготовил к публикации и издал частично свои воспоминания о годах жизни в России и в эмиграции до своего переезда в США. Также им была подготовлена «Русская историография»⁴²², которая частью была опубликована самим автором в «Записках русской академической группы в США»⁴²³ с 1971 по 1975 гг. В виде отдельного издания, уже после смерти автора она была подготовлена и опубликована С.Г. Пушкаревым⁴²⁴. Также совместно с С.Г. Пушкаревым Г.В. Вернадский опубликовал корпус русских исторических источников на английском языке⁴²⁵. Эта книга была весьма полезна для американских студентов.

При этом, говоря о Г.В. Вернадском как о русисте, часто забывают другую сторону его деятельности. Кроме занятий русистикой, он написал несколько работ и по истории Византии. Такое невнимание к этой стороне его деятельности, на наш взгляд, отчасти связано с тем, что он не преподавал эту дисциплину в университете, а отчасти с тем, что уделял ей гораздо меньше времени, и, соответственно, добился меньшего успеха. Но, несмотря на это, нельзя не сказать о его дея-

---

⁴²² *Вернадский Г.В.* Русская историография...

⁴²³ *Вернадский Г.В.* Очерки по истории науки в России. 1725 – 1920, часть 1. Восемнадцатый век // Записки русской академической группы в США. 1971. Т. 5. С. 195 – 233; *Он же.* Очерки по истории науки в России. Первый отдел. Историческая наука // Там же. 1972. Т. 6. С. 160 – 225; *Он же.* Очерки по истории науки в России, часть 3 // Там же. 1973. Т. 7. С. 17 - 112; *Он же.* Очерки по истории науки в России, часть 4 // Там же. 1974. Т. 8. С. 97 - 212; *Он же.* Очерки по истории науки в России. Ч. 5. // Там же. 1975. Т. 9. С. 133 - 164.

⁴²⁴ *Vernadsky G.V.* Russian Historiography – A History / Tr. N. Lupinin, ed. S. Pushkarev. Belmont, Mass., 1978.

⁴²⁵ A Source book for Russian History from Early Times to 1917 / Senior ed. G. Vernadsky. New Haven and London, 1972. Vol. 1.

тельности в этой области. Тем более что это увлечение не выглядит чем-то неорганичным для Г.В. Вернадского и с психологической точки зрения, если учесть, что, начиная с 1920-х годов, еще в Крыму, он стал активно интересоваться православием, которое пришло на Русь как раз из Византии. Этот интерес после эмиграции не только сохранился, но и усилился.

Как пишет Вернадский в письме А.Ф. Родичевой от 1 мая 1922 года: «Я душою от политики и политических вопросов очень отошел, меня сейчас с головою увлекают вопросы религиозные и истории церкви, я читаю сейчас по-гречески отцов церкви⁴²⁶. Кроме того, невозможно писать древнюю историю славян и средневековую историю Киевской Руси не обращаясь к византийским источникам и византийской истории. Его интерес к истории Византии проявился в Праге. Это не случайно, именно в это время Вернадский близко познакомился с одним из крупнейших византинистов дореволюционной, а потом и эмигрантской России Н.П. Кондаковым. Неудивительно, что фигура такого масштаба произвела сильное впечатление на молодого ученого. Как пишет Б. Николаев: «Вернадский считал себя учеником и продолжателем научной школы Кондакова; вскоре после смерти ученого (1925) он принял участие в создании постоянно действующего семинара его памяти — “Seminarium Kondakovianum”, впоследствии преобразованный в Институт имени Н. Кондакова в Праге, возглавленный Вернадским»⁴²⁷. В это время выходят такие его работы, как «За-

---

⁴²⁶ Цит. по *Сорокина М.Ю.* Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» / М.Ю. Сорокина. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. - [Б.м., cop. 2015]. URL: <http://www.aggan.ru/?q=ru/vernad1> (дата обращения: 25.10.2015). В печатных версиях статьи этого нет, поэтому привожу ссылку на электронную версию.

⁴²⁷ *Николаев Б.А.* Указ. соч. С. 7.

метки о крестьянской общине в Византии»⁴²⁸ и «Sur les origins de la loi agraire byzantine»⁴²⁹.

В 1927 году он выступает в Белграде, на конгрессе по истории Византии. Известный французский византист А. Грегуар в 1929 году, когда Вернадский будет уже в США, попросит Вернадского прислать его доклад с этого конгресса для публикации.

В США Вернадский продолжал свои византиноведческие исследования. Он писал М.М. Карповичу в 1928 году: «Византией я много занимаюсь все эти годы и чувствую, что овладеваю ею»⁴³⁰. Так, на 1928-1929 учебный год в Йельском университете планировалось, что Г.В. Вернадский будет читать курс «Источники по византийской и русской истории»⁴³¹ и «Некоторые проблемы русской и византийской истории» один час в неделю⁴³². Правда, сам Г.В. Вернадский пишет своему отцу В.И. Вернадскому, что это какое-то недоразумение, на самом деле он должен был читать «Введение в русскую историю»⁴³³. В итоге на этот курс не записалось ни одного студента. Как пишет М.И. Ростовцев: «С Вернадским тоже не все идет так, как я бы хотел. Как раз к его переезду наш Chairman⁴³⁴ заболел, и в хаосе его болезни его преемники всё повели так, что у Вернадского в этом семестре не оказалось слушателей»⁴³⁵. Само по себе упоминание в названии курса

⁴²⁸ Вернадский Г.В. Заметки о крестьянской общине в Византии // Ученые записки, основанные русской учебной коллегией в Праге. Прага, 1924. Т. 2. С. 81-97.

⁴²⁹ Vernadsky G. Sur les origins de la loi agraire byzantine // Byzantion. 1925. № 2. P. 169-180.

⁴³⁰ ВАР. Карпович Papers. Box 3.

⁴³¹ АРАН. Ф. 518. Оп. 3 Д. 310. Л. 40.

⁴³² АРАН. Ф. 518. Оп. 3 Д. 310. Л. 53-53 об.

⁴³³ АРАН. Ф. 518. Оп. 3 Д. 310. Л. 40.

⁴³⁴ В данном случае декан.

⁴³⁵ М.И. Ростовцев и А.А. Васильев: шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества... С. 269.

источников по истории Византии указывает на то, что о работах Вернадского в этой области в университете знали.

В 1929 году, в письме от 10 января, Вернадский пишет: «Кроме того, был у меня прив[ат]-доцент классик Bellinger и просил меня во втором семестре с ним заниматься (род интимного семинария) по истории Византии...». Т.е. первое время его в США знали в том числе и как византиниста, и, вероятно, история Византии в исполнении Г.В. Вернадского, по крайней мере, первое время для университета была более привлекательна, чем история России. Тот факт, что заниматься историей Византии попросил приват-доцент, а не студент, указывает на признание авторитета Вернадского в этой области исторического знания. Эти занятия потом продолжались не один год. В частности ученые занимались переводом и подготовкой к изданию такого важного источника по истории Византии, как «Эклога»⁴³⁶ (сборник византийского права). Если не брать во внимание «Эклогу», то автор пишет в основном на смежные русско-византийские темы: «Византия и юг России; две заметки: Готская епархия; Дата обращения хазар в иудаизм»⁴³⁷ и «Русь в Крыму и русско-византийский договор 945 года»⁴³⁸.

Также Вернадский активно переписывался с А.А. Васильевым и Ф.И. Успенским. В ходе этой переписки обсуждались, в том числе, и научные проблемы в области византиноведения. Отдельные работы

---

⁴³⁶ Эклогу Вернадскому прислал Карпович в феврале 1928 года. См. BAR. George Vernadsky Papers. Box. 4.

⁴³⁷ Vernadsky G. Byzantium and Southern Russia; two notes: The Eparchy of Gothia; The date of the conversion of the Khazars to Judaism» // Byzantion. 1940. № 15. P. 67-86.

⁴³⁸ Vernadsky G. The Rus' in the Crimea and the Russo-Byzantine treaty of 945 // Byzantine Metabyzantina. 1946. № 1. P. 143-167.

Вернадского использовались А.А. Васильевым при подготовке английского издания его «Истории Византии».

Если говорить о признании заслуг этого ученого, то стоит упомянуть, что когда в 1938 году, на конференции американской исторической ассоциации в Чикаго было принято решение о создании известного журнала «*Slavic Review*». Вернадский был одним из тех, кому было поручено издание журнала. Как пишет В.Н. Козляков, это решение было принято путем письменного опроса 300 членов ассоциации, профессионально занимавшихся славистикой⁴³⁹. Также он был пожизненным почетным председателем «*American Association for Advancement Slavic Studies*».

Совершенно иную картину представляет публикационная активность М.М. Карповича. За свою долгую работу в университете он опубликовал всего лишь несколько трудов из которых наиболее известны три: «Императорская Россия»⁴⁴⁰, ставшая учебником по истории России XIX - начала XX века, статья о двух направлениях русского либерализма, где особое внимание уделяется В.А. Маклакову и П.Н. Милюкову⁴⁴¹ и «Предшественники Ленина: П.Н. Ткачев»⁴⁴². Также он написал главу о России в коллективном сборнике «Экономическая история Европы»⁴⁴³.

---

⁴³⁹ Козляков В.Н. Это только персонификация не нашего понимания исторического процесса... С. 14.

⁴⁴⁰ Karpovich M. Imperial Russia, 1801-1917. N.Y., 1960.

⁴⁴¹ *Idem*. Two Types of Russian Liberalism: Maklakov and Miliukov // Continuity and Change in Russian and Soviet Thought / Ed. by E.J. Simmons. Cambridge, MA, 1955. P. 142.

⁴⁴² *Idem*. Forerunners of Lenin: P.N. Tkachev // Review of Politics. 1944. № 6. P. 336-350.

⁴⁴³ Bowden W., Karpovich M., Usher A.P. An Economic History of Europe. Since 1750. N.Y., 1937.

В статье о русском либерализме, он рассматривает взгляды П.Н. Милюкова и В.А. Маклакова, этих двух видных деятелей русской истории, но при этом он не противопоставляет их друг другу. Что касается вопроса о неизбежности революции, он считал, что ее можно было избежать, при условии уступок со стороны царского правительства, которых не было сделано. Первая мировая война обострила все противоречия, которые были в русском обществе, и ускорила начало революции. Книга «Императорская Россия» представляет собой небольшой очерк по истории России XIX века от Александра I до Николая II. Она, как и «История России» Вернадского, использовалась в качестве учебника.

М.М. Карпович также планировал издать «Лекции по интеллектуальной истории России...» в США, была сделана их расшифровка, с которой он ознакомился и определил, что следует исправить, однако издать их не успел. По просьбе семьи Карповича, за это дело принялся один из его учеников, М. Малиа, но, сделав расшифровку первых пяти лекций, он это дело оставил. В итоге, по инициативе семьи М.М. Карповича, а также И.А. Иловойской-Альберти, и при помощи М.Ю. Сорокиной и П.А. Трибунского издание лекций было подготовлено на русском языке в Доме русского зарубежья в 2012 году⁴⁴⁴. На английском языке они еще не были изданы, была опубликована только часть его курса⁴⁴⁵.

Причиной небольшого количества работ является загруженность историка другими видами работы. Как пишет Н.С. Тимашев, говоря о подготовке к печати лекций М.М. Карповича: «М.М. не раз принимался за подготовку своих записей к печати; но всегда что-то мешало, бо-

---

⁴⁴⁴ *Карпович М.М.* Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века). М., 2012.

⁴⁴⁵ *Karpovich M.M.* A Lecture on Russian History. The Hague, 1958.

лее всего его отзывчивость на личные и общественные затруднения близких ему лиц и организаций – а таковых было немало»⁴⁴⁶. Он активно помогал своим друзьям и коллегам. Так, например, М.М. Карпович инициировал издание на английском языке «Очерков по истории русской культуры»⁴⁴⁷ П.Н. Милюкова. Он оставил множество комментариев в «Новом журнале», в том числе и на политические темы. Помимо преподавания Карпович в течение пяти лет был председателем «Славянского департамента» Гарвардского университета. Он принимал активное участие в создании и редактировании «Russian Review». В частности, он общался с авторами журнала, благодаря его усилиям с первых лет существования журнала (основан в 1941 году), в нем появился раздел, посвященный русско-американским отношениям. Карпович также часто помогал исполнительному редактору.

Но при этом, как пишет С.А. Зеньковский в одной из статей в «Slavic Review» за 1987 год Г. Лант⁴⁴⁸, разбирая новые работы в области славяноведения в США отмечает, что ни одна из них не упоминает имени М.М. Карповича⁴⁴⁹. С чем это связано – трудно сказать. Возможно, в силу того, что основная заслуга Карповича, как я уже говорил, заключается не в этом.

Немалую роль в развитии американской науки в межвоенный период сыграли ученые-эмигранты из разных стран, особенно эмигрировавшие из Германии. Однако одними из первых работать в США приехали российские ученые, вторая значительная волна ученых-эмигрантов пришлась на 1930-е годы.

---

⁴⁴⁶ *Тимашев Н.С.* М.М. Карпович... С. 193.

⁴⁴⁷ *Miliukov P.N.* Outlines of Russian Culture. Parts I-III / Ed. by M. Karpovich. Translated by V. Ughet and E. Davis. Philadelphia, 1942.

⁴⁴⁸ Г. Лант – гарвардский историк.

⁴⁴⁹ *Зеньковский С.А.* Вдумчивый историк... С. 399.

Приглашение русских ученых в США обогатило американскую историческую науку. Они смогли ускорить, происходившие в США процессы в данной области знания. Благодаря русским историкам в США появилось византиноведение, значительно продвинулись изучение античности и русистики. Нельзя сказать, что если бы не русские историки, то этого бы не произошло. Появление русистики требовала политическая ситуация середины XX века, да и в области византиноведения было сделано немало без участия Васильева, но приезд русских историков ускорил развитие этих отраслей истории.

Русские историки смогли найти в себе силы остаться в профессии, бороться за улучшение своего положения в Америке, повысить уровень американской науки в своих областях и добиться признания своей деятельности на мировом уровне.

Глава III: Политические взгляды и общественная деятельность русских историков-эмигрантов в США

§ 1. Политические взгляды и деятельность русских историков-эмигрантов во время революций 1917 года и Гражданской войны в России

Говоря о русских историках-эмигрантах в США, невозможно не затронуть тему их общественно-политических взглядов, ибо главной причиной отъезда большинства из них за границу было неприятие советской власти. На эту тему можно написать отдельную монографию, мы коснемся ее лишь кратко, т.к. это важно для понимания причин их эмиграции, невозможности вернуться на родину и особенностей их деятельности за рубежом.

Идейно-политические течения русского зарубежья были весьма многочисленны. После революции и гражданской войны за рубежом оказались и монархисты, и кадеты, и октябристы, и эсеры и даже большевики, разошедшиеся с партийной линией. Такое многообразие было связано с особенностями установившегося в России политического режима, провозгласившего диктатуру пролетариата, вылившуюся в диктатуру партии большевиков. Представители всех партий, оказавшись в эмиграции, не смогли объединиться на платформе борьбы с общим врагом, а продолжали политическую борьбу между собой уже за пределами России.

Если говорить о политической позиции М.И. Ростовцева - он был членом партии кадетов с 1905 года. После революции партия кадетов разделилась на несколько течений. Правые все больше начинали склоняться к идее восстановления монархии, как наиболее приемлемом варианте государственного устройства для России. Идею консти-

туционной монархии английского типа поддерживали и некоторые центристы. К ним относятся такие кадеты, как Н.В. Тесленко⁴⁵⁰ и Ф.И. Ростовцев⁴⁵¹. Другим вариантом будущего государственного устройства виделась демократическая федеративная республика. Этой идеи придерживались В.А. Оболенский⁴⁵², П.П. Юренев⁴⁵³. Часть кадетов считало решение этого вопроса преждевременным, и оставляло его решение на будущее. И правые кадеты и центристы считали, что первоначально, после свержения большевиков, власть должна перейти к Директории, которая будет обладать диктаторскими полномочиями.

Представители левого крыла кадетской партии формой государственного устройства России видели федеративную республику. Они рьяно возражали против восстановления демократии, считая ее изжившим себя явлением. Однако они были и против идеи антибольшевистской диктатуры. При этом существовала точка зрения о том, что ради союза антибольшевистских сил, до времени можно завуалировать республиканские программные положения. Для первоначального управления Россией они планировали опереться на систему Советов, но, естественно, без большевиков. Одним из основных вопросов, который было необходимо решить до возвращения в Россию, был аг-

---

⁴⁵⁰ Н.В. Тесленко (1870-1942) -адвокат, политический деятель, депутат Государственной Думы II и III созывов.

⁴⁵¹ Ф.И. Ростовцев (1878-1933) – генерал-майор, военный историк, преподаватель, общественный деятель. Брат М.И. Ростовцева.

⁴⁵² В.А. Оболенский (1869—1950) – общественный деятель, кадет, депутат Государственной думы I созыва.

⁴⁵³ П.П. Юренев (1874-1943)- российский политический деятель, инженер. Член II Государственной думы. В июле - августе 1917 - министр путей сообщения во Временном правительстве. Кадет с 1906 года.

рарный. Основными представителями левого крыла кадетов были П.Н. Милюков и А.И. Коновалов⁴⁵⁴.

В качестве своей социальной базы они видели крестьянство. Вообще вопрос о том, на какие слои населения стоит ориентироваться после поражения Белого движения в кадетской партии стоял довольно остро. Понятно, что надежды на старую социальную платформу для борьбы с большевиками нет, т.к. эта платформа фактически оказалась разрушенной в ходе революции. Часть членов Партии народной свободы настаивали на сохранении надклассового характера партии, такой позиции в частности придерживался Н.В. Тесленко. Однако другие, в том числе и П.Н. Милюков, считали, что партия в своей дальнейшей борьбе должна ориентироваться на широкий слой российского крестьянства. Должен напомнить, что в начале 1920-х годов, когда появлялись все эти течения, среди русской эмиграции господствовали представления о временном характере власти большевиков. Считалось, что довольно скоро они потеряют власть и тогда эмигранты смогут вернуться и взяться за восстановление России⁴⁵⁵.

М.И. Ростовцев был ярким противником советской власти. Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать его политические статьи или письма, адресованные друзьям. Приведем несколько примеров: «Забавное совпадение: как раз в момент прибытия Ленина у меня украли

---

⁴⁵⁴ А.И. Коновалов (1875—1949) - крупный российский предприниматель, общественный и политический деятель. Член IV Государственной думы (1912—1917). Министр торговли и промышленности Временного правительства.

⁴⁵⁵ См. Подробнее о партии кадетов в период революции и Гражданской войны: *Rosenberg W.G. Liberals in The Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917-1921, Princeton, N.J., 1974; Budnitskii O. Russian Liberalism in War and Revolution // Kritika: Exploration in Russian and Eurasian History. 2004. Vol. 5, No. 1. P.149-168. О дискуссиях по программным вопросам в эмигрантский период см. Антоненко Н.В. Программное творчество кадетов в эмиграции // Новый исторический вестник. 2010. №. 25 (3). С. 49-56.*

бумажник и паспорт»⁴⁵⁶; «Получаю время от времени письма от бежавших из большевистского рая, где так цветут науки и искусство, учителей моих, коллег и учеников, - с горечью писал М.И. Ростовцев в статье «Поминки», – и каждое письмо содержит, прежде всего «синодик» - сухие списки погибших с однообразными приписками: умер от голода, расстрелян, покончил самоубийством... Никогда не ломали школу так нагло, невежественно и варварски, как в эпоху просвещенного диктаторства Луначарского. Никогда не издевались так цинично и над свободой научного изыскания и научного преподавания, как в эпоху новых большевистских Медичи»⁴⁵⁷. В письме А.А. Васильеву от 22 ноября 1926 г. Ростовцев следующим образом отзывался о большевистской России: «Не «верю уверениям» Ольденбурга⁴⁵⁸ и ки⁴⁵⁹ (передали через Pelliot⁴⁶⁰), что Россия цивилизованная страна и что я могу писать туда кому угодно и о чем угодно. Думаю, что осторожнее не писать»⁴⁶¹.

---

⁴⁵⁶ *Rostovtzeff M. Adventures of a College Professor // The Yale Daily News. 1926. Цит. по: Скифский роман... С. 83.*

⁴⁵⁷ *Тункина И.В. М.И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман... С. 93.*

⁴⁵⁸ С.Ф. Ольденбург (1863-1934) - востоковед, академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук с 1903 г., с 1917 – РАН, с 1925 – Академия наук СССР министр просвещения Временного правительства. В описываемое время был непременным секретарем Академии наук, фактически ее руководитель до 1929 года. Придерживался политики компромиссов с Советской властью, в результате чего Академия имела некоторую степень автономии до так называемого, «академического дела» или «дела Платонова».

⁴⁵⁹ Г.И. Боровка (1894-1941) – археолог, историк античного и скифского искусства. См. *Зуев В.Ю. Материалы к биографии Григория Иосифовича Боровки (1894-1941) // Санкт-Петербург и отечественная археология: историографические очерки. Труды семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки» / Отв. ред. И.Л. Тихонов. СПб., 1995. Вып. 1. С. 145-156.*

⁴⁶⁰ Р. Pelliot (1878-1945) – французский востоковед-китаист, был избран членом-корреспондентом РАН в 1922 году.

⁴⁶¹ М.И. Ростовцев и А.А. Васильев: шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества... С. 267.

Основная деятельность ученого в качестве политика пришлась на время его заграничной командировки в Англии. До своей эмиграции им опубликовано только три непосредственно политические статьи: «Профессора и Государственная Дума»⁴⁶², «Наука и революция»⁴⁶³ и «Фасад России»⁴⁶⁴. Хотя были и работы, связанные с другой общественной деятельностью, например, газетная заметка «Помогите Сербии!»⁴⁶⁵. Однако, в архиве Йельского университета хранятся еще восемь его политических статей, которые не были опубликованы. Большинство из них не имеет даты написания, и установить ее весьма проблематично. Судя по всему, они были написаны в 1918 году и, возможно, часть из них была подготовлена в России.

По приезду в Англию, Ростовцев совместно с А.В. Тырковой-Вильямс в 1919 году создает «Комитет освобождения России». Он же стал и его председателем. Деятельность этого Комитета носила пропагандистский антибольшевистский характер и должна была поддерживать положительный образ белой России. С весны 1919 года между комитетом и правительством Колчака была установлена связь, и Комитет стал получать субсидии и от него. До этого деятельность учреждения финансировалась известным предпринимателем Н.Х. Денисовым⁴⁶⁶. «В комитет входили М.И. Ростовцев (председатель), П.Н. Милуков, П.Б. Струве, Г.В. Вильямс⁴⁶⁷, А.А. Борман⁴⁶⁸, В.Д. Набоков⁴⁶⁹,

⁴⁶² *Ростовцев М.И.* Профессора и Государственная Дума // Ростовцев М.И. Избранные публицистические статьи. 1906-1923 годы. / Подгот. текста, предисл., коммент. и биограф. словарь И.В. Тункиной. М., 2002. С. 17-20.

⁴⁶³ *Он же.* Наука и революция // Русская мысль. 1917. Сентябрь - октябрь. С. 1-16.

⁴⁶⁴ *Он же.* Фасад России // Скифский роман... С. 75-76.

⁴⁶⁵ *Он же.* Помогите Сербии! // Речь. Пг., 1916. 28 февраля (12 марта). № 57 (3440). С. 3.

⁴⁶⁶ Н.Х. Денисов (? - 1970) – русский предприниматель, финансист, благотворитель. Оказывал финансовую поддержку различным эмигрантским организациям. Непосредственно «Комитету...» он выделил 10 000 фунтов стерлингов.

⁴⁶⁷ Г.В. Вильямс (1876-1928) – английский журналист, сотрудничал с П.Б. Струве в издании журнала «Освобождение». Во время Первой мировой войны был пред-

К.Д. Набоков⁴⁷⁰, И.В. Шкловский⁴⁷¹, С.В. Денисова (жена финансиста Н.Х. Денисова), А.В. Тыркова⁴⁷² (секретарь)⁴⁷³.

Печатным органом этого учреждения являлся еженедельник «Новая Россия», редактировали который П.Н. Милюков и В.Д. Набоков⁴⁷⁴. Статьи М.И. Ростовцева в этом печатном органе появляются только в 1920 году. Но активно печатался в других изданиях, в частности, в газете «Таймс». В 1918 году им был написан меморандум, посвященный вопросу русско-английского и русско-французского научного сотрудничества. Так же им была написана статья «Мировой большевизм»⁴⁷⁵, в 1919 году выходит его статья в «The Times»⁴⁷⁶. Для еженедельника «Новая Россия» им было написано порядка шести статей. Основная деятельность Ростовцева как политика приходится как раз на время его пребывания в Лондоне. Точнее сказать, именно в это время он издает наибольшее количество своих политических статей. Пик статей приходится на 1920 год – время его приезда в США. Большая часть из них была написана еще до прибытия в эту страну, а те немногие, что

ставителем британской газеты «Daily Chronicle», был тесно связан с лидерами кадетской партии.

⁴⁶⁸ А.А. Борман (1891-1974) – журналист, сын А.В. Тырковой от первого брака, кадет.

⁴⁶⁹ В.Д. Набоков (1869-1922) - юрист, общественный и научный деятель, один из организаторов кадетской партии.

⁴⁷⁰ К.Д. Набоков (1872-1927) – дипломат, родной брат В.Д. Набокова. В настоящее время был поверенным в делах русского посольства в Лондоне.

⁴⁷¹ И.В. Шкловский (1864-1935) – политический деятель, народник, публицист.

⁴⁷² А.В. Тыркова (1869 - 1962) – писательница, публицист, секретарь Комитета освобождения России. В середине лета 1919 года вернулась в Россию и возглавила Отдел пропаганды за рубежом Осведомительного агентства при Особом совещании главнокомандующего Вооруженными силами юга России А.И. Деникина.

⁴⁷³ Письма М.И. Ростовцева А.В. Тырковой-Вильямс и Г. Вильямсу // Скифский роман... С. 461.

⁴⁷⁴ Будницкий О.В. Деньги русской эмиграции... С. 142.

⁴⁷⁵ Rostovtzeff M. World Bolshevism // The New Europe. 1918. Vol. 9. № 112. P. 169-173.

⁴⁷⁶ Ibid. Bolshevik Rule, What it Means to Culture. Campaign of Destruction // The Times. 1919. 10 January. P. 7-8.

были опубликованы непосредственно в США, были написаны во время нахождения Ростовцева в Нью-Йорке. Если суммировать суть политических статей Ростовцева – это предупреждение о мировой опасности большевизма и призывы к борьбе с ним.

В своих статьях он разоблачает преступления большевиков, пытается донести до своих читателей мысли об опасности распространения большевизма и побудить правительства других стран оказать поддержку белому движению.

Ростовцев активно участвует в совещаниях «Комитета освобождения...», проводит переговоры с видными политическими деятелями русской эмиграции. В частности он активно общался с Г.Е. Львовым⁴⁷⁷, М.М. Винавером⁴⁷⁸ и другими. Он пытался заручиться поддержкой В.А. Маклакова, который в это время был послом во Франции, но это не удалось: «Вряд ли мы можем рассчитывать на дружбу Васюльки»⁴⁷⁹. Также во время своей поездки во Францию Ростовцев активно контактировал с представителями Русского политического совещания, чтобы координировать действия. Также общался с представителями делегации Деникина: Н.И. Астровым⁴⁸⁰, К.Н. Соколовым⁴⁸¹, С.В. Паниной⁴⁸².

---

⁴⁷⁷ Г.Е. Львов (1861-1925) – князь, министр-председатель и министр внутренних дел Временного правительства, председатель Русского политического совещания в Париже в 1919 году.

⁴⁷⁸ М.М. Винавер (1863-1926) – юрист, один из лидеров кадетской партии, министр внутренних дел в Крымском краевом правительстве.

⁴⁷⁹ Письмо А.В. Тырковой от 16 июня 1919 года. Цит. по Письма М.И. Ростовцева А.В. Тырковой-Вильямс и Г. Вильямсу // Скифский роман... С. 470.

⁴⁸⁰ Н.И. Астров (1868-1934) – юрист, общественный деятель, один из организаторов «Правого центра», входил руководство «Союза возрождения России».

⁴⁸¹ К.Н. Соколов (1882-1927) - юрист, общественный деятель, Возглавлял отдел пропаганды при Особом совещании главнокомандующего Вооруженными силами юга России А.И. Деникина.

⁴⁸² С.В. Панина (1871-1926) – графиня, общественный деятель, член ЦК кадетской партии.

В Америке его политическая активность заметно снижается. Первое время, Ростовцев еще надеялся на возможность политической работы. В первую же неделю по приезду в США он поехал в Вашингтон, где встречался с Б.А. Бахметевым - послом Временного правительства России в США и с Государственным секретарем США Б. Колби⁴⁸³. Ростовцев пытался убедить его в бессмысленности попыток мирного разрешения конфликта и необходимости поддержки врангелевского правительства, в первую очередь, поставками вооружения и боеприпасов⁴⁸⁴. Также он пытался организовать новый журнал, вместо почти прекратившего свою деятельность «Struggling Russia»⁴⁸⁵. Проблема заключалась в подборе редактора. Сам Ростовцев не мог этим заниматься, т.к. руководить деятельностью журнала из Мэдисона было бы весьма проблематично. И вообще в Мэдисоне он был фактически лишен возможности принимать активное участие в политике, т.к. это был провинциальный город, расположенный достаточно далеко от основных политических центров. Прекращению политической деятельности Ростовцева способствовало поражение белой армии в Крыму и прекращение Гражданской войны.

К тому же, в 1920-х годах политическая ситуация менялась довольно быстро, а информация передавалась медленно, письма до Европы и обратно шли не меньше недели, а то и больше. Понятно, что в таких условиях заниматься политической деятельностью обычному эмигранту было бы весьма проблематично. Своеобразным индикато-

---

⁴⁸³ *Бонгард-Левин Г.М.* М.И. Ростовцев в Америке. Висконсин и Йель // Скифский роман... С. 155.

⁴⁸⁴ Письма М.И. Ростовцева А.В. Тырковой-Вильямс и Г. Вильямсу // Скифский роман... С. 481.

⁴⁸⁵ «Сражающаяся Россия» - Нью-Йоркский еженедельник «Struggling Russia: A Weekly Magazine Devoted to Russian problems». Издавался Русским информационным бюро в США в 1919 – 1920 гг. Русское информационное бюро, в свою очередь, спонсировалось российским посольством в Вашингтоне.

ром политической активности Ростовцева может служить тематика его переписки с А.В. Тырковой-Вильямс, секретарем «Комитета освобождения России». Пока Ростовцев не переехал в Мэдисон, он регулярно общался с ней на политические темы, рассказывал, что именно он сделал в США на этом поприще. Пока он был в Вашингтоне и Нью-Йорке, у него была такая возможность. С переездом в Мэдисон тематика кардинально меняется. Он полностью перестает писать о политике, в 1930-м году по поводу пропаганды большевизма в США пишет: «Если американцы желают завести у себя большевистский рай, я им мешать не стану»⁴⁸⁶, - и переключается на описание своего быта в США, лекций, и прочих вопросов повседневной жизни.

В целом вполне можно согласить с С.Б. Крихом, который характеризует политические взгляды Ростовцева как либеральные, «но именно в российском контексте, который принципиально отличался (и отличается теперь) от западного»⁴⁸⁷.

Политическая биография Г.В. Вернадского началась довольно рано. Так, с 1906 по 1908 годы он входил в студенческую секцию кадетской партии⁴⁸⁸. «С 1911 по 1914 гг. Г.В. Вернадский был гласным Моршанского уездного земства Тамбовской губернии, а в 1915-1916 гг. служил в департаменте помощи беженцам Петроградского Совета городов (на фронт он не попал из-за слабого зрения и как единственный кормилец). Неудивительно поэтому, что после Февральской революции он стал редактором «Сельского вестника» - официального органа Министерства Внутренних Дел Временного правительства и помощником А.А. Корнилова, который был в это время секретарем

⁴⁸⁶ М.И. Ростовцев и А.А. Васильев: шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества // Скифский роман ... С. 271.

⁴⁸⁷ Крих С.Б. М.И. Ростовцев: быть в образе и быть образом // НЛО. 2009. № 95. С. 146-162.

⁴⁸⁸ Антощенко А.В. Указ. соч. С. 181.

ЦК кадетской партии. В пропагандистских целях Г.В. Вернадский написал биографию П.Н. Милюкова и брошюру против левого радикализма. Однако после выступления генерала Л.Г. Корнилова Г.В. Вернадский ушел из политики»⁴⁸⁹. Это его решение было практически окончательным. В частности, это повторяется и в его «Воспоминаниях», где, говоря о 1918 годе и своем пребывании в Киеве, он пишет: «Я в политике тогда уже никакого участия не принимал»⁴⁹⁰. Правда, к этим словам Вернадского надо относиться осторожно, ибо в 1920 году он занял более чем политический пост - начальника отдела печати при генерале П.Н. Врангеле⁴⁹¹. В середине сентября 1920 года в правительстве Врангеля освободилась должность начальника отдела печати (был уволен Г.В. Немирович-Данченко⁴⁹²). Вернадский на эту должность был предложен главой врангелевского правительства А.В. Кривошеиным⁴⁹³, после консультации с начальником управления внешних сношений того же правительства П.Б. Струве⁴⁹⁴. При этом Вернадский сохранил за собой должность преподавателя в Таврическом университете, на которую был избран в 1918 году. Никаких подробностей о своей деятельности в качестве начальника отдела печати Вернадский в воспоминаниях не сообщает. Пишет, что принимал представителей печати, но те сами понимали трудность положения и ограничивали свои запросы. Присутствовал на приемах у Врангеля, но

---

⁴⁸⁹ Там же. С. 182.

⁴⁹⁰ *Вернадский Г.В.* Пермь-Москва-Киев (Воспоминания) // Новый журнал. 1971. Кн. 104. С. 186.

⁴⁹¹ См. *Вернадский Г.В.* Крым (Воспоминания) // Новый журнал. 1971. Кн. 105. С. 203-224.

⁴⁹² Г.В. Немирович-Данченко (1889-1939) – белоэмигрантский журналист и публицист, участник Белого и раннего нацистского движений.

⁴⁹³ А.В. Кривошеин (1857-1921) - российский государственный деятель. Главноуправляющий землеустройством и земледелием (1908—1915). Председатель правительства Юга России.

⁴⁹⁴ П.Б. Струве (1870-1944) - русский общественный и политический деятель, экономист, публицист, историк, философ. Входил в состав правительства генерала П.Н. Врангеля (начальник управления иностранных дел).

«острых политических и военных вопросов избегали»⁴⁹⁵. Канцелярией его занимался отдельный человек – петербургский чиновник. После эвакуации, уже в Константинополе, в русском посольстве доложил Врангелю о ликвидации отдела печати, получил расчет – 100 американских долларов и на том окончил службу⁴⁹⁶.

Принимая во внимание службу в правительстве генерала Врангеля, можно было бы ожидать, что после окончания Гражданской войны, Вернадский в какой-то форме будет принимать участие в политической деятельности. Однако Вернадский решает уйти от политики. Он пишет своему другу М.М. Карповичу: «Я занимаюсь наукою и уклоняюсь от всяческих общественных и политических дел, за что на меня многие сердятся»⁴⁹⁷.

Однако не думать о путях борьбы с большевизмом и дальнейшей судьбе России он не мог. Свои мысли он высказывает в письмах к М.М. Карповичу, с которым его связывали дружеские отношения с дореволюционных времен. Найти эти письма нам, к сожалению, не удалось. Однако некоторые их положения можно восстановить на основе ответных писем М.М. Карповича. Мы отдаем себе отчет в том, что пересказанные положения Вернадского могут быть не тождественны их изначальным формулировкам по смыслу, пройдя через призму сознания их адресата. Однако за неимением оригинала, а также принимая во внимание, что у Карповича не было намерения исказить их идейное содержание и, пытаясь восстановить сами положения, отсеивая их интерпретацию, с некоторыми оговорками мы можем провести реконструкцию взглядов Вернадского на их основе. В письме Карповича от 17 июня 1921 года пересказываются следующие

---

⁴⁹⁵ *Вернадский Г.В.* Крым (Воспоминания) // Новый журнал. 1971. Кн. 105. С. 221.

⁴⁹⁶ Там же. С. 224.

⁴⁹⁷ VAR. Karpovich papers. Box 3.

мысли Вернадского об основе внутреннего (духовного) возрождения России:

1. В основании человеческого общества должна быть вера в Бога;
2. Ценности духа важнее, чем ценности материальные;
3. Не нужно стремиться к механическому, внешнему неравенству идей.

Несомненно, что эти идеи Вернадского проистекали из его обострившегося в годы эмиграции религиозного чувства, которое, было весьма точно охарактеризовано Карповичем: «в твоём религиозном сознании не может быть догматизма и фанатической непримиримости»⁴⁹⁸.

Даже его евразийство не имело политической подоплеки, хотя его нередко пытались в этом обвинить в эмигрантских кругах. Евразийство возникает в 1921 году. Его появление связывается с изданием сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев»⁴⁹⁹. В нем авторами впервые была сформулировано само понятие евразийства, новые подходы к рассмотрению истории России, к ее политическому преобразованию. Основными разработчиками течения были П.Н. Савицкий, кем и было предложено название, и князь Н.С. Трубецкой. В число евразийцев входило большое количество блестящих ученых и общественных деятелей: Л.П. Карсавин⁵⁰⁰, В.Н. Ильин⁵⁰¹, А.В. Карташев⁵⁰², В.П. Никитин⁵⁰³,

⁴⁹⁸ Письма М. Карповича Г. Вернадскому... С. 270.

⁴⁹⁹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. Кн. 1.

⁵⁰⁰ Л.П. Карсавин (1882-1952) - русский религиозный философ, историк-медиевист, поэт.

⁵⁰¹ В.Н. Ильин (1891-1974) – русский философ, богослов, литературный и музыкальный критик, композитор.

В.Н. Иванов, Э. Хара-Даван⁵⁰⁴, Н.Н. Алексеев⁵⁰⁵, Я.А. Бромберг, Н.П. Толль и др. Взгляды и состав евразийцев с течением времени существенно менялись. Впервые основные идеи этого движения были зафиксированы в их программе, изданной в 1927 году⁵⁰⁶. Согласно их идеям у России есть свой, самобытный путь развития, отличный и от Запада и от Востока.

Идеологическую основу партии евразийцев, как и всего евразийского общества, должна составить вера в Бога, что, в частности, привлекало Г.В. Вернадского. Наиболее полное развитие историческая составляющая евразийства получила в книге Вернадского «Начертание русской истории»⁵⁰⁷, написанной еще в Праге в 1927 г. Основные его идеи заключаются в периодизации русской истории на основе борьбы «леса» и «степи», т.е. борьбы русских княжеств с кочевниками. В результате нашествия монголов победила «степь». С 1238 по 1452 годы продолжается господство степи над лесом, которое сменяется в связи с укреплением Московского государства господством «леса» (примерно с 1452 по 1596 годы). В ходе расширения границ сначала Московского царства, а потом Российской империи, в связи с «неустранимой внутренней логикой “месторазвития”»⁵⁰⁸, происходит

---

⁵⁰² А.В. Карташев (1875-1960) - российский государственный деятель, последний обер-прокурор Священного синода; министр исповеданий Временного правительства, богослов, историк русской церкви, церковный и общественный деятель. В эмиграции - идеолог непримиримости. Как последний обер-прокурор подготовил самоликвидацию института обер-прокуратуры и передачу полноты церковной власти Поместному собору Православной российской церкви 1917—1918 годов.

⁵⁰³ В.П. Никитин - российский дипломат и учёный-востоковед.

⁵⁰⁴ Э. Хара-Даван (1883-1941) – калмыцкий медик, историк, политический публицист, общественный деятель.

⁵⁰⁵ Н.Н. Алексеев (1879-1964) – русский философ, правовед.

⁵⁰⁶ Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн [Антология]. М., 1993. С. 217-229.

⁵⁰⁷ *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. Ч. 1. Евразийское книгоиздательство. [Прага], 1927.

⁵⁰⁸ Там же. С. 12.

«объединение леса и степи»⁵⁰⁹. При этом, Г.В. Вернадский вовсе не стремится оправдывать внешнюю политику России. Он не выходит за рамки своей научной концепции. Так, например, по его мнению политика Российской империи на дальнем Востоке в начале XX века не находит у него поддержки, т.к. она противоречила «внутренней логике месторазвития».

Вернадский писал М.М. Карповичу в 1925 году: «Евразийцы меня привлекают тем, что соединяют православие (для меня «столп и утверждение истины») с живым чувством действительности, с тем, что видят живую Россию под советской оболочкой. За это «Возрождение»⁵¹⁰ и др[угие] обвиняют их в «сменовеховстве», что конечно чепуха. Я тебе писал как-то года два тому назад о «белой России». Мои чувства к «белой России» в прошлом, конечно не изменились. Но идея, как и все остальное», должна жить, чтобы не умереть. Основная идея «белой России» для меня - православие - «святая Русь». В этом смысле «белую Россию» нельзя отрывать от России вообще. То, что делает «Возрождение» - стремление гальванизировать только форму «белой России», вынимая жизнь и живое содержание, - для меня совершенно неприемлемо. Как внешняя организация, белое движение, в тех формах, как оно шло, конечно, умерло. Оно не умерло, как идея, но для этой идеи надо искать новые формы, т.к. жизнь не ждет, а развивается, и, конечно, каждый год фактически все больше создает там, в России, - живую Россию, хотя внешние формы коммунизма там делаются подчас все более уродливы и становятся все более фальшивы, именно потому, что должны тоже приспособливаться к новой жизни.

---

⁵⁰⁹ Там же. С. 22.

⁵¹⁰ «Возрождение» - русская эмигрантская газета, выходившая в Париже в 1925 – 1940. Умеренно консервативный монархический орган. Издатель А.О. Гукасов, редактор П.Б. Струве. С 1949 года – журнал.

Но ты прав – лично нам России долго не видать, а когда и увидим, м.б. будем уже совсем чужие и мало что поймем»⁵¹¹.

Мы привели этот довольно большой отрывок из письма в силу его высокой информативности. Он не только объясняет позицию Вернадского относительно евразийства, но содержит также сведения, которые можно неверно истолковать относительно его концепции истории России и его невмешательство в политические дискуссии и политическую борьбу.

Несмотря на то, что Вернадский говорит о евразийстве в политическом ключе, как о форме для старого содержания идеи «белой» России, белого движения, это не значит, что он что-либо делал в этом направлении. Весь его вклад в евразийство заключается исключительно в разработке исторической части этого идейного направления. Г.В. Вернадский не был сменовеховцем. Он нигде не высказывал мысли о том, что стоит примириться с результатами революции в России. Он не думал о переезде в СССР ни в 1920-е годы, ни позднее. Хотя к 1940-м годам политические взгляды Вернадского несколько изменились, но не в сторону сменовеховства, которое, к тому же, в это время потеряло свою актуальность, а в веру в возможность эволюции сталинского режима от тоталитаризма в сторону демократии.

Слова же о том, что православие для него - «столп и утверждение истины» не нужно понимать так, что его исторические идеи носили некий оттенок провиденциализма или как-то еще перекликались с основными постулатами православия. Просто религия была очень важна для него и его жены, она, по-видимому, помогала им сохранить душевный покой и равновесие. Уже в 1922 году Вернадский пишет

---

⁵¹¹BAR. Karpovich papers.Box 3.

А.Ф. Родичевой: «... я душою от политики и политических вопросов очень отошел, меня сейчас с головою увлекают вопросы религиозные и истории церкви, я читаю сейчас по-гречески отцов церкви»⁵¹². Первоначально же, поворот к православной церкви у Вернадского и его жены произошел под влиянием священника М.В. Шика⁵¹³.

М.М. Карпович - один из немногих историков-эмигрантов, кому удавалось совместить активную академическую и общественно-политическую деятельность, чередовать публикации научных и публицистических статей. Причем последние явно преобладали. Карпович уехал в США в мае 1917 года и должен был вернуться в Москву к декабрю того же года. Однако получилось так, что до 1922 года он продолжал работать в посольстве. Поскольку Карпович был секретарем Б.А. Бахметева, то неудивительно, что его деятельность проходила в тени самого посла, но при этом была неразрывно с ним связана. Я думаю, без преувеличения можно сказать, что будущий известный историк принимал участие практически во всех делах Бахметева, был его ближайшим сотрудником. Письма Карповича своему патрону могли бы пролить свет на деятельность непосредственно начинающего дипломата, но в Бахметевском архиве первые из них датируются 1923 годом, когда посольство было уже закрыто. Это вполне объяснимо тем, что работая вместе, они не имели необходимости писать друг другу письма.

Если же говорить о деятельности Бахметева, в которой, несомненно, принимал участие и Карпович, то необходимо отметить сле-

---

⁵¹² Цит. по *Сорокина М.Ю.* Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» / М.Ю. Сорокина. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. - [Б.м., cop. 2015]. URL: <http://www.arran.ru/?q=ru/vernad1>, (дата обращения: 25.10.2015). В печатных версиях статьи этого нет, поэтому привожу ссылку на электронную версию.

⁵¹³ М.В. Шик – православный священник. Принял православие в 1918 году. Репрессирован в 1937.

дующее. Основная задача посольства в США до Октябрьской революции – заверение руководства США в том, что Россия продолжит войну против Германии, а также формирование доверия к Временному правительству. С этой задачей Бахметев прекрасно справился. По приезду в США он выступил в Конгрессе США, а также предпринял турне по разным городам этой страны, где говорил перед народом. Благодаря созданию благоприятного впечатления о Временном правительстве, посольство смогло приступить к получению кредитов и размещению заказов на производство вооружения для российской армии. Сначала оно предоставлялось для войны против Германии, но после Октябрьской революции, поставлялось правительству А.В. Колчака. «Также по инициативе Бахметева в декабре 1918 г. для возможного представительства России на Парижской мирной конференции было образовано Русское политическое совещание в составе не признавших советскую власть российских послов и некоторых видных политических деятелей»⁵¹⁴. В этом совещании работал и Карпович⁵¹⁵. Сам Бахметев возглавил Политическую комиссию, которая занималась вопросом будущих государственных границ.

После эвакуации армии генерала Врангеля Бахметев помогал расселению армии на Балканах и финансировал различные эмигрантские организации⁵¹⁶. Несомненно, что во всем этом активное участие принимал и Карпович. После ликвидации посольства в 1922 году Карпович переезжает жить в Нью-Йорк, где перебивается различными за-

---

⁵¹⁴ Будницкий О.В. Б.А. Бахметев и Гуманитарный фонд // История и историки: историографический вестник. Тула, 2010. С. 365.

⁵¹⁵ Карпович М.М. Письма М. Карповича Г. Вернадскому... С. 268, 270.

⁵¹⁶ Информация взята из: Будницкий О.В. Б.А. Бахметев – посол в США несуществующего правительства России // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 134-166.

работками, а также принимает участие в работе Финансового агентства в Нью-Йорке по политической части.

Хотя Октябрьскую революцию он наблюдал со стороны, но не мог не размышлять о ее причинах и дальнейшей судьбе России, как историк, как сотрудник посольства, как человек, на жизнь которого, в числе миллионов других людей, революция оказала огромное влияние, полностью изменив его судьбу.

Во время первой русской революции М.М. Карпович был эсером, даже был арестован и сидел в Мцхетской крепости. После окончания революции довольно быстро отошел от эсеровской идеологии и позже называл это ошибкой молодости. Как пишет М. Раев «Опыт дипломатической работы в США и Европе завершился формированием его взглядов как последовательного и убежденного либерала и демократа, о чем можно судить и по обширному архиву, и по опубликованным материалам, в частности по письмам Г.В. Вернадскому 1919-1925 гг.»⁵¹⁷.

Если говорить о взглядах Карповича на Октябрьскую революцию, то он не считал ее неизбежной. По его мнению, тот факт, что власть в России взяли большевики, связан со многими факторами, и одну из наиболее важных ролей сыграла Первая мировая война и неразумная политика властей. Но если бы после Февральской революции все демократические партии сплотились вокруг Временного правительства для борьбы с радикализмом, то можно было бы предотвратить Октябрьскую революцию и приход к власти большевиков.

Также он считал, что дальнейшая борьба с большевизмом военным путем – переброской армии в Россию или иностранной интер-

---

⁵¹⁷ *Карпович М.М. Письма М. Карповича Г. Вернадскому...* С. 274.

венцией не принесет результата и будет даже вредна, способствуя укреплению позиций большевиков. В письме от 17 июня 1921 года он писал Г.В. Вернадскому, что антибольшевистское движение было обречено на поражение. Это обусловлено несколькими причинами. Одна из них заключалась в том, что руководство этого движения и интеллигенция жили в мире ими же созданных фантомов и иллюзий. Ненависть к большевикам привела к тому, что реальная картина мира была искажена и не позволяла принимать адекватные решения.

Также, по мнению Карповича, негативное влияние оказала интервенция, т.к. исправить сложившуюся ситуацию при помощи внешних сил было невозможно. Несмотря на то, что приход к власти большевиков не был неизбежен, у большевизма в России был ряд внутренних предпосылок. Многие из эмигрантов, не только Карпович, по прошествии ряда лет после революции склонялись к мнению, что большевизма в России не будет только тогда, когда он будет изжит самим русским народом⁵¹⁸. Кроме того, он защищает союзников России от обвинений в том, что они не оказали большей помощи белому движению во время Гражданской войны тем, что после войны многие из них были вынуждены решать проблемы, возникшие в их собственных странах⁵¹⁹.

В связи с уже упоминавшимся письмом Вернадского⁵²⁰, в котором тот излагает три положения, на основе которых должно произойти возрождение духовной жизни России, в ответном письме Карпович высказывает свои мысли. Причем должен отметить, что делает это он чрезвычайно аккуратно. Хотя некоторые из них имеют полемический характер, но Карпович изо всех сил стремится это нивелировать, что-

---

⁵¹⁸ Карпович М.М. Письма М. Карповича Г. Вернадскому... С. 275.

⁵¹⁹ Там же. С. 263.

⁵²⁰ Там же. С. 270.

бы не задеть собеседника своими замечаниями, уважая его право на собственное мнение.

В частности, он говорит, что этих трех принципов не хватит для возрождения России, но делает это в форме вопроса, а не возражения. Кроме того, он обращает внимание на то, что Вернадский недостаточно четко указал на связь между внешним и внутренним освобождением России от власти большевиков. Сам Карпович считает, что внешнее возрождение необходимо строить на внутреннем, как «стены на фундаменте»⁵²¹.

Положение о приоритете духовного над материальным он признает, но с оговоркой, что материальное также очень важно. Причем аргументирует это он с точки зрения православия, если этот мир, данный Богом, «религиозно освящен – тогда законно и обязательно заботиться о внешнем его благообразии, что если не равнозначно, то сродни материальному благополучию»⁵²². Карпович считает, что эта связь – материалистического и духовного очень важна, т.к. в России всегда материалистическое начало было на втором плане, но именно это, по мнению Карповича, привело к тому, что достаточно религиозный русский народ пришел к большевизму, а материалистически ориентированные европейские народы и США от него «спаслись».

Карпович касается положения Вернадского о ненужности внешнего равенства. Он согласен с ним, но дополняет его необходимостью обеспечения равенства возможностей⁵²³, которое должно гарантировать государство. Оно также должно гарантировать права на жизнь, свободу и стремление к благосостоянию. Кроме этих принципов Вер-

---

⁵²¹ Карпович М.М. Письма М. Карповича Г. Вернадскому... С. 270.

⁵²² Там же. С. 271.

⁵²³ Там же. С. 273.

надского, есть еще одно важное условие: новую Россию надо строить на началах гражданственности. Это понятие он считает более точным, чем демократия, т.к. оно подразумевает не только внешнюю форму государственности, но и включает в себя воспитание человека⁵²⁴. Однако, в более поздних работах, в частности, в «Комментариях» в «Новом журнале» Карпович к этому термину больше не возвращается, используя понятие демократии и гражданских свобод. Таким образом, М.М. Карпович лишь частично соглашается с предложениями Г.В. Вернадского, во многом дополняя и перерабатывая их.

В письме от 28 мая 1922 года он напоминает, что эмигранты должны перестроить свое внутреннее мироощущение, что они увезли Россию у себя в голове, но на самом деле Россия там, где и была всегда. Они должны подготовиться к служению России, той, которая возрождается под большевиками. Именно в этом направлении должны быть сосредоточены усилия эмигрантов⁵²⁵. Они должны отказаться от идеологии гражданской войны, только так можно будет помочь возрождению России⁵²⁶. В итоге он пишет, что верит, что над большевизмом будет одержан верх, и Россия своими силами выберется из хаоса⁵²⁷.

Из всех изучаемых мною ученых, только А.А. Васильев не участвовал в политической деятельности ни до эмиграции, ни после его отъезда из СССР. Он не был членом ни партии кадетов, к которой до революции принадлежали многие ученые, ни какой-либо другой. Он не выступал в печати по общественным или политическим вопросам, а после октябрьской - не состоял в антисоветских организациях и т.д.

---

⁵²⁴ Карпович М.М. Письма М. Карповича Г. Вернадскому... С. 274.

⁵²⁵ Там же. С. 282-283.

⁵²⁶ Там же. С. 277.

⁵²⁷ Там же. С. 264.

Васильев в этом плане являет собой тот тип историка, который оставался верен принципу: не вмешиваться в политику и не вмешивать политику в свои научные изыскания. Неизвестно, как бы сложилась его судьба, останься он в СССР. Вполне возможно, что стал бы одним из фигурантов «академического дела», ведь занятия даже далекими от современности сюжетами не предохраняли от ареста, а иногда и от гибели. Так, большевиками был расстрелян византист В.Н. Бенешевич. В ходе разгрома Академии наук и подчинения его партийному контролю под арестом оказались многие видные ученые, в том числе С.Ф. Платонов⁵²⁸, Е.В. Тарле⁵²⁹, Н.П. Лихачёв⁵³⁰, М.К. Любавский⁵³¹, Ю.В. Готьё⁵³² и многие другие.

После революции А.А. Васильев остался в России, и, судя по всему, смирился с новой властью, хотя отнюдь не симпатизировал ей. Он продолжал свою деятельность в Петроградском университете, в должности профессора, и в Педагогическом институте, в должности декана Словесно-исторического факультета. С 1918 года А.А. Васильев участвует в работе академической комиссии «Константин Багрянородный» вплоть до своего отъезда. С 1919 г. Васильев работал в Академии истории материальной культуры в должности Заведующего разрядом археологии древнехристианской и византийской⁵³³. В 1920-е гг. он, как и до революции, часто выезжает за границу в командиров-

---

⁵²⁸ С.Ф. Платонов (1860-1933) – русский историк. Действительный член Российской академии наук.

⁵²⁹ Е.В. Тарле (1874-1955) - российский и советский историк, академик Академии наук СССР.

⁵³⁰ Н.П. Лихачёв (1862-1936) - русский историк, член Императорского Православного Палестинского Общества.

⁵³¹ М.К. Любавский (1860-1936) - российский историк. Ректор Московского университета, академик Академии наук СССР.

⁵³² Ю.В. Готьё (1873-1943) - российский и советский историк, академик Академии наук СССР.

⁵³³ Васильев А.А. Личное дело // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Л. 1.

ки. В 1923 г. он был в Италии, в 1924 г. посетил Париж. В 1925 г. Васильев в очередной раз поехал в командировку, которая превратилась в эмиграцию.

Будучи в США, он не стал писать политических статей, как делали многие эмигранты. Даже в его письмах, которые он писал своим друзьям и знакомым в США и Европе, не говоря уже об оставшихся в СССР, он не критикует действия советского правительства, точнее вообще не затрагивает эту тему. В письме М.И. Ростовцева к А.А. Васильеву можно встретить даже такие строки: «Ты не читаешь эмигрантских газет, и потому прилагаю две вырезки»⁵³⁴. Это утверждение конечно не точно, возможно оно касается только времени написания письма. Васильев читал газеты, в том числе и эмигрантские: в его архиве в Мэдисоне имеются некоторые газеты, наиболее полно представлены издававшиеся П.Н. Милюковым в Париже «Последние новости». Однако если он и интересовался политическими проблемами, обсуждавшимися на их страницах, то в переписке этого не обнаруживал.

---

⁵³⁴ *Бонгард–Левин Г.М.* М.И. Ростовцев и Э.Х. Миннз: от Скифии до Китая и Японии // *Скифский роман...* С. 306.

§ 2. Отношение русских историков-эмигрантов ко Второй мировой войне и деятельность в различных организациях помощи Красной армии

Вторая мировая война и в особенности период после нападения Германии на СССР привели к очередному расколу российской эмиграции. В большей степени это коснулось российских эмигрантов в Европе. Часть из них заняла оборонческую позицию, полагая, что власть приходит и уходит, а Россия остается, и поэтому нужно временно забыть разногласия с советской властью перед лицом внешней угрозы. Другие связывали надежды на «освобождение» России от большевиков с нацистами и вступили на путь коллаборационизма⁵³⁵. В среде русской эмиграции в США противоречия в связи с начавшейся войной были выражены не столь резко, да и условия жизни в стране далекой от театра боевых действий радикально отличались. Тем не менее в отношении к развернувшейся войне и к Советскому Союзу, ставшему теперь союзником США, полного единства не наблюдалось.

Г.В. Вернадский во время войны ведет активную общественную деятельность, участвуя в работе организаций, занимающихся помощью Красной армии. Как пишет М. Раев, «в годы Второй мировой войны Карпович и Вернадский как бы поменялись своими позициями по отношению к Советской России. Они оба поддерживали борьбу против гитлеровской Германии, но, в то время, как Вернадский верил в эволюцию сталинского режима в демократическом направлении после войны, Карпович оставался настороженно-скептическим в отношении перспектив внутреннего преобразования сталинской диктату-

---

⁵³⁵ Будницкий О.В. Попытка примирения // Диаспора: Новые материалы. Вып. I. Париж; СПб, 2001. С.179-240; Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001.

ры. Вернадский часто некритически и неразборчиво соглашался поддерживать организации и мероприятия для укрепления «русско-американского сотрудничества», тогда как Карпович категорически отказывался от каких-либо публичных выступлений в пользу советского правительства»⁵³⁶.

На мнение Вернадского в большой степени влияли письма отца. Он видел, что, несмотря на членство Владимира Ивановича Вернадского в ЦК кадетской партии, ему удалось избежать ареста в Советской России. Более того, В.И. Вернадский продолжал плодотворно трудиться над своими научными работами и занимал видное место в академической сфере. Он мог достаточно часто выезжать за границу, писал сыну письма из Советского Союза, сотрудничал с западными учеными, т.е. вел нормальную жизнь академического работника. В результате всего этого, отношение Г.В. Вернадского к СССР и его политике смягчалось с течением времени.

Причины, по которым изменилось мнение Карповича, на наш взгляд, связаны с преступлениями сталинского режима, подавлением человеческих свобод, в итоге, его негативное отношение к СССР с течением времени только усиливалось. Окончательный поворот произошел после победы СССР в Великой Отечественной войне и установлении коммунистических режимов в странах Восточной Европы, и арестов русских эмигрантов, проживавших в Чехословакии.

Но, тем не менее, в годы войны ученые участвуют в различных организациях помощи Красной армии. В 1942 году Г.В. Вернадский в письме спрашивает у Карповича не слышал ли тот об «American

---

⁵³⁶ Карпович М.М. Письма М. Карповича Г. Вернадскому... С. 260.

Council on Soviet Relation»⁵³⁷. Карпович советует Вернадскому воздержаться от вступления в этот Совет, т.к. может оказаться, что это организация, созданная с целью коммунистической пропаганды в США. Но при этом от выступлений в ней отказываться не стоит. Также Вернадский предлагает идею создания общества американо-русского сближения, сначала хотя бы в форме академического кружка, Карпович не возражает, но спрашивает, а кто же будет его организовывать? Сам он пишет про себя, что он плохой организатор. Но основной мотив, на мой взгляд, это загруженность Карповича работой, создание им нового курса по европейской истории⁵³⁸. Таким образом, мы видим, что Вернадский активно искал пути помощи Красной армии в войне с фашистской Германией, не считаясь с политическими воззрениями руководства той или иной организации.

Вернадский читал лекции по истории России, как обычным американцам, так и солдатам, которые отправлялись на фронт, будучи членом Russian War Relief (Общество помощи России в войне). Но его деятельность не ограничивалась только лекциями. Он активно участвовал и в организаторской деятельности и привлекал новых членов, а также выступал на радио и в газетах с обзором положения дел в СССР и на фронте.

Карпович с 1942 года участвует в работе Russian War Relief, о чем сообщает в письме от 26 сентября Г.В. Вернадскому. В годы Второй мировой войны в США создавалось довольно много организаций, которые собирали средства и различные необходимые предметы для помощи Красной армии. Одно из них – Russian War Relief или, как оно еще называлось Комитет помощи России. Оно было создано в Нью-

---

⁵³⁷ Американский совет по отношениям с СССР. Основан в 1938 году. Филиал Национального совета американо-советской дружбы.

⁵³⁸ BAR. George Vernadsky Papers. Box 4.

Йорке в июле 1941 года. Первым директором стал Э. Картер⁵³⁹. Это общество объединяло всех, кто хотел как-либо помочь России в ее борьбе с фашизмом. В ней принимали участие, как простые американцы, так и представители культуры и известные политики. В него входили такие известные люди как Ч. Чаплин, А. Эйнштейн, С.В. Рахманинов и многие другие. Виды деятельности этого общества были различны. Оно принимало пожертвования, как деньгами, так и вещами и медикаментами, продуктами питания. Оно организовывало митинги, концерты, базары, выручка от которых шла в помощь Красной армии. Подобной деятельностью занималось и Русско-Американское общество, основанное в Сан-Франциско и многие другие.

В рамках деятельности общества М.М. Карпович читал лекции об истории России, как обычным обывателям, так и солдатам. В письмах Г.В. Вернадскому он сообщает, что будет читать лекции в Доме друзей русской культуры в Нью-Йорке или о том, что ездил в Айову, читал лекции по истории России и вел круглый стол в местном колледже⁵⁴⁰.

Но, должен отметить, что Карпович соглашался участвовать не во всех организациях помощи Красной армии. Так, например, он отказался войти в уже упоминавшийся American Council on Soviet Relation в силу того, что он возглавлялся просоветски настроенными американцами⁵⁴¹.

А.А. Васильев, как и многие другие ученые, в годы войны выступал с публичными лекциями по истории России. В архиве ученого в

---

⁵³⁹ Э. Картер (1878-1954) – известный общественный деятель, директор Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке по международным исследованиям

⁵⁴⁰ BAR. George Vernadsky Papers. Box 4.

⁵⁴¹ Там же.

Dumbarton Oaks в Вашингтоне сохранился текст его выступления по радио в 1942 году, посвященного истории Крыма, которое состоялась в ноябре 1942 года. «Это популярный обзор истории полуострова с особым вниманием к периоду раннего средневековья»⁵⁴². Возможно, это было связано с оккупацией Крыма фашистскими войсками⁵⁴³.

---

⁵⁴² Карпов С.П. Архив А.А. Васильева в DumbartonOaks... С.552.

⁵⁴³ 30 июня 1942 года был сдан Севастополь, и эта дата считается началом оккупация полуострова.

§ 3. «Комментарии» М.М. Карповича в «Новом журнале»

Активность М.М. Карповича как автора политических статей связана с его деятельностью на посту редактора «Нового журнала»⁵⁴⁴. Не случайно в журнале почти сразу после вступления на пост главного редактора появляется рубрика «Комментарии». Публикаций Карповича до этого в журнале немного, если не считать рецензий. Как пишет А. Зейде, «статья – жанр четкий и обязывает к соблюдению определенных условий. Комментарии же – вольный отклик автора на что угодно или по поводу чего угодно – от конкретного исторического, политического или идеологического характера события до выходящих книг. Над идеей комментариев Карповича действительно витает тень Достоевского, но назвать свою рубрику «Дневник редактора» Карпович не рискнул: «Смахивает, – написал он, – на ‘Дневник писателя’ – дерзко». После некоторых колебаний и подсказки Р.Б. Гуля, тогда – секретаря журнала, он остановился на заголовке «Комментарии»⁵⁴⁵. Карпович придавал журналу большое значение. Он рассматривал его не только как место, где могут печататься литературные произведения эмигрантов. Не меньшую роль «Новый журнал», по мнению Карповича, должен был играть и играл в качестве политического органа. Для Карповича он был важен как голос свободной России, где свободно могут высказываться мысли относительно природы сталинского режима, где может вестись пропаганда против большевистской агрессии, идеологии, которая, по мнению многих русских эмигрантов и за-

⁵⁴⁴ О М.М. Карповиче как редакторе «Нового журнала», см: *Бирман М.А.* М.М. Карпович и «Новый журнал» // Отечественная история. 1999. № 5. С. 124-134. № 6. С. 112-116; *Он же.* Создатели «Нового журнала» // Евреи в культуре русского зарубежья. Т. 5. Иерусалим, 1996. С. 153-161; *Гуль Р.Б.* «Новому журналу» 45 лет // Новый журнал. 1986. Кн. 162. С. 100-105; *Иоффе Г.* М.М. Карпович как историк в «Новом журнале» // Творчество диаспоры и «Новый журнал». N.Y., 2003. P. 60-67.

⁵⁴⁵ *Зейде А.М.* Карпович и русская историография в Америке // Новый журнал. 2008. Кн. 253. С. 128.

падных политиков, стала особенно опасной после завершения Второй мировой войны⁵⁴⁶.

Внешнюю политику Советского Союза в послевоенное время Карпович оценивал крайне негативно. Во многом его позиция определялась двумя следующими принципами: ненавистью к советскому тоталитарному режиму и оценкой себя как «бойца»⁵⁴⁷ Холодной войны, в которой «борьба идет за души народов»⁵⁴⁸. Так, на основе некоторых «Комментариев»⁵⁴⁹ Карповича в «Новом журнале» можно сделать вывод о том, что их автор не видел принципиальной разницы во внешней политике Советского Союза и нацистской Германии.

Карпович, подобно его наставнику Б.А. Бахметеву, стремился защищать интересы России, проводя границу между интересами партии и народов СССР. С середины 1940-х годов М.М. Карпович строит свою деятельность по принципу необходимости отделения образа России от советской власти. Это просматривается как в его лекциях⁵⁵⁰, так и в различных выступлениях в печати.

В частности, он возвращается к вопросу о причинах революции. Не отрицая важного значения Первой мировой войны, он приходит к выводу и о том, что в 1917 году победила не идеология большевиков. По мнению Карповича, в большевистской пропаганде от февраля до октября 1917 года «марксизм, коммунизм, социализм в сущности от-

---

⁵⁴⁶ Там же. С. 128.

⁵⁴⁷ Карпович М.М. Комментарии: Наши задачи // Новый журнал. 1949. Кн. 21. С. 263.

⁵⁴⁸ Там же.

⁵⁴⁹ Он же. Комментарии: О смысле международного кризиса // Новый журнал. 1946. Кн. 14. С. 196.

⁵⁵⁰ ВАР. Карпович papers. Boxes 19, 20, 21. – Лекции о русских революциях и о советском периоде российской истории.

существовали»⁵⁵¹. Победила «беззастенчивая демагогия»⁵⁵². Я сознательно не употребил здесь термин марксистская идеология, т.к. Карпович писал в своей статье «Комментарии. Споры о народничестве и марксизме»: «По моей формуле, для своей амальгамы, которая потом получила название большевизма, Ленин взял то худшее, что было в раннем революционном марксизме, и соединил его с тем худшим, что было в русской революционной домарксистской традиции»⁵⁵³. Классический марксизм был серьезно переработан и видоизменен Лениным. Если говорить о термине коммунизм, то он также не использовался Карповичем, т.к., по его мнению, этот термин больше подходит для характеристики идейного течения, кроме того, большевизм «существует в определенной среде, в определенном месте, тогда как коммунизм может и не быть русским»⁵⁵⁴. В рецензии на книгу Д.Н. Шуба о Ленине он пишет, что согласен с выводом автора о неизбежности трансформации «ленинской политической стратегии и тактики, всего его революционного замысла – в ту систему тоталитарной террористической диктатуры, которая получила такое законченное выражение в руках его ученика и преемника Сталина»⁵⁵⁵.

В конце войны в «Новом журнале» Карпович публикует несколько своих статей, посвященных вопросам послевоенного урегулирования и взаимоотношениям США и ее союзников с СССР. В него входят три работы: «Россия и ее западные союзники», «Заключительный период войны» и «Послевоенные проблемы». Все они появились в 1944 году. Здесь я привел дополнительные названия этих работ, т.к. основ-

---

⁵⁵¹ Карпович М.М. Комментарии: споры о народничестве и марксизме // Новый журнал. 1951. Кн. 27. С. 311.

⁵⁵² Там же. С. 311.

⁵⁵³ Там же. С. 305.

⁵⁵⁴ Он же. Лекции по интеллектуальной истории России... С. 279.

⁵⁵⁵ Он же. Shub D. Lenin. // Новый журнал. 1948. Кн. 19. С. 290-292.

ное у всех одинаковое – «Комментарии». Чтобы не запутаться в большом количестве работ под одним и тем же названием, я в тексте диссертации для удобства буду пользоваться дополнительными названиями, а в справочно-библиографическом аппарате приводить полное название статей.

В этих работах Карпович пишет о послевоенной взаимозависимости союзников и необходимости урегулирования всех разногласий еще до окончания войны. В первых двух статьях основным лейтмотивом служит мысль о том, что послевоенное восстановление Европы и всего мира возможно только при условии самоограничения национальных интересов победивших государств. Непосредственное же восстановление Европы должно происходить за счет самих освобожденных народов, исключая внешнее вмешательство. В качестве положительного примера он приводит Францию, а в качестве негативного Польшу. Впоследствии он полностью поддержал план Маршалла, причем не только с точки зрения экономического восстановления Европы, но и в плане защиты от внешней и внутренней агрессии – имелась ввиду агрессия Советского Союза.

Во всех статьях Карпович пишет и о будущем восстановлении и освобождении России. Это освобождение должно произойти благодаря народу, которому принадлежит главная заслуга в победе над фашизмом, и который сможет освободиться и от диктатуры. При этом Карпович делает оговорку, что это произойдет не скоро, т.к. власть коммунистической партии в России очень сильна после победы над фашизмом.

Во второй статье он также пишет о необходимости самоограничения интересов стран-победительниц. При этом он проводит различия между интересами России и партии. «Мы убеждены, что высшая,

покрывающая все остальные, цель России сейчас – может заключаться только в одном – в обеспечении прочного международного мира, и это же одно только и может быть высшей целью всех других «объединенных наций», больших и малых одинаково», - пишет М.М. Карпович⁵⁵⁶. Расширение территории или сферы влияния СССР, неважно под каким предлогом: преследование национальных интересов России или мировая революция; не может пойти на пользу России. Таким образом, Карпович проводит здесь разграничение интересов своей родины и советского правительства. Естественно отказ от таких целей должен быть со стороны всех трех основных государств-союзников.

Карпович пишет, что в демократических странах у сил, которые поддерживают отказ от узких интересов отдельного государства в пользу общего мира, есть возможность открыто высказываться и оказывать влияние на свое правительство. В России это невозможно, и это должен компенсировать независимый русский журнал.

Статья «После победы» тематически связана с предыдущими. Карпович рассуждает об установлении мира в Европе. Он пишет, что победа над гитлеровской Германией и еще не разбитой к тому времени Японией не обеспечит безопасность демократии⁵⁵⁷. Угроза существует со стороны других тоталитарных режимов в Европе. Автор говорит об ответственности каждой из трех великих держав за обеспечение мира в Европе и торжество демократии. При этом борьба за мир и демократию только начинается. Очевидно, что основную роль в этом он отводит США и Великобритании при помощи других стран Европы. Он прямо пишет, что ждать со стороны России обеспечения демократии в Европе не стоит, пока она сама находится под властью

---

⁵⁵⁶ Карпович М.М. Комментарии: Россия и ее западные союзники // Новый журнал. 1944. Кн. 8. С. 365.

⁵⁵⁷ Он же. Комментарии: Послевоенные проблемы // Новый журнал. 1944. Кн. 9. С. 363.

тоталитарного режима. При этом усиление России, хотя само по себе и положительное явление, в той международной политической ситуации несло негативный характер, так как означало усиление позиций большевизма. Весь положительный эффект при этом полностью пропадает, т.к. «дух, задачи и методы теперешней русской власти искажают по существу и затмевают в сознании внешнего мира подлинные и законные национальные интересы русского народа»⁵⁵⁸.

В нем все больше нарастает страх перед возможной советской агрессией. Он пока не пишет об этом прямо, но это уже можно прочитывать между строк. Страх перед будущим привел даже к тому, что он пишет бывшему послу Временного правительства в США Бахметеву в письме от 9 мая 1945 года: «Не знаю поздравлять или не поздравлять Вас с окончанием войны. Как-то я не чувствую той радости и того облегчения, которые должен был бы чувствовать. Но, конечно, слава Богу, что война в Европе кончилась»⁵⁵⁹. Хотя Г.В. Вернадского он поздравлял еще 7 мая⁵⁶⁰, причем в его письме не было никаких оговорок. Возможно, это было вызвано уважением к чувствам Вернадского, который не проявлял столь негативных эмоций по отношению к Советскому Союзу и не разделял опасений М.М. Карповича.

Уже в «Комментариях» от 1946 года «О смысле международного кризиса»⁵⁶¹ он прямо пишет о советской агрессии и советском империализме. При этом он говорит о качественном отличии советского империализма от империализма любого другого государства. Также

⁵⁵⁸ *Он же*. Комментарии: После победы // Новый журнал. 1945. Кн. 10. С. 372.

⁵⁵⁹ VAR. Karovich papers. Box 3.

⁵⁶⁰ Первый раз капитуляция Германии была подписана в Реймсе 7 мая 1945 года. От СССР ее подписал советский представитель при командовании союзников генерал-майор И.А. Сулопаров. По требованию И.В. Сталина акт о безоговорочной капитуляции Германии был подписан повторно в Берлине (Карлсхорсте) 8 мая (9-го по московскому времени).

⁵⁶¹ *Карпович М.М.* Комментарии: О смысле международного кризиса // Новый журнал. 1946. Кн. 14. С. 186 – 198.

он отвергает произрастание советского империализма из внешней политики Российской империи. Карпович проводит анализ той точки зрения, которая утверждает, что внешняя политика СССР была обусловлена исключительно требованиями обеспечения безопасности. По мнению Карповича безопасность советских границ в послевоенные годы была обеспечена как никогда ранее. Действия Советского Союза в то время обеспечивали не безопасность его границ, а безопасность тоталитарного режима, этим же объясняется и активное вмешательство во внутреннюю политику соседних государств⁵⁶².

Эту тему он продолжает в статье «Русский империализм или коммунистическая агрессия?», где автор сравнивает империализм Российской империи и Советского Союза⁵⁶³ и приходит к выводу, что это империализм разного типа. У Российской империи не было цели покорения всего мира, Карпович доказывает это, разбирая все государственные идеологии, причем начинает с идеи о Москве – третьем Риме. В итоге он приходит к выводу, что политика Российской империи ничем не отличалась от политики любой другой империи. Политика Советского Союза направлена на мировую революцию – уже в этом оно отличается от политики любого другого государства.

Также, продолжая разведение понятия полезности действий правительства СССР для интересов партии и России, Карпович говорит, что советская экспансия служит интересам мировой революции, но никак не способствует интересам России. Вместо этого она прививает ненависть к ней, порочит ее имя. При этом тоталитарный режим не

---

⁵⁶² Там же С. 197.

⁵⁶³ *Он же*. Комментарии: Русский империализм или коммунистическая агрессия? // Новый журнал. 1951. Кн. 25. С. 243-263.

дает «свободы культурного общения с внешним миром и свободы проявления творческих сил внутри страны»⁵⁶⁴.

В статье «Разрушение иллюзий» он говорит, что утверждения о том, что русский народ исторически привык подчиняться сильной власти, диктатуре неверны с исторической точки зрения, и нельзя отождествлять понятия русский и советский. Карпович пишет, что в установлении советской власти, «в том варианте исторической преемственности, который осуществился в октябре 1917 года, не было ничего фатально неизбежного. Возможность осуществления другого варианта – варианта свободы, а не рабства – была и тогда, остается она открытой и сейчас. И у этого другого варианта есть исторические корни в русском прошлом. Большевизм вырос на ошибках и провалах русской истории, а не на ее достижениях»⁵⁶⁵.

В связи с этим задачи эмиграции он определяет следующим образом:

1. Сделать все возможное для того, чтобы ее голос был услышан в России. Это поможет скорейшему крушению тоталитарного режима.
2. Объединение двух волн эмиграции и всесторонняя помощь Ди-Пи⁵⁶⁶.
3. Сообщать правду о России. Не только и не столько о ее прошлом, сколько о том, что происходит в России в настоящее время.

---

⁵⁶⁴ *Он же*. Комментарии: Америка, Россия и Европа // Новый журнал. 1947. Кн. 16. С. 183.

⁵⁶⁵ *Он же*. Комментарии: разрушение иллюзий // Новый журнал. 1948. Кн. 18. С. 162.

⁵⁶⁶ От английского *displaced persons* – перемещенные лица. Так называли лиц, которые во время Второй мировой войны были вывезены фашистскими властями с территории СССР. После окончания войны многие из них вернулись (или были возвращены) в Советский Союз, но некоторые из них получили статус беженцев и остались в Европе, или уехали в другие страны.

При этом вопрос о противопоставлении народа и власти он решает в положительном смысле.

Эмиграция на пути достижения этих целей добилась немалых успехов: она накопила значительный информационный материал о происходящем на родине, делала попытки помочь западу правильно оценить происходящие в России изменения. Эти достижения Карпович считает немалыми и пишет, что эмиграция из-за ограниченности ресурсов и возможностей не должна ставить перед собой сверхзадач, которые она не в состоянии будет выполнить⁵⁶⁷.

При этом он не согласен с теми, кто высказывает мнение о том, что Америка не должна вести антисоветской пропаганды, т.к. это может помочь более скорому свержению советской власти или ее эволюции⁵⁶⁸.

Говоря же о будущем устройстве России, которое произойдет путем революции или эволюции, Карпович будучи сторонником последней, говорит и о том, что он за единую Россию, неважно в форме федерации или конфедерации, но он признает право народов на самоопределение, которое будет после свержения коммунистического строя⁵⁶⁹.

После смерти Сталина его отношение к политике Советского Союза не изменилось. Карпович по-прежнему опасается ее, так как, по его мнению, цель прежняя – установление во всем мире коммунистического строя. Что касается действий эмигрантов после смерти Сталина, то они должны выжидать исхода политической борьбы за власть между Маленковым, Молотовым, Берией и другими. Вообще же он

---

⁵⁶⁷ Карпович М.М. Комментарии: Наши задачи // Новый журнал. 1949. Кн. 21. С. 259-271.

⁵⁶⁸ Он же. Комментарии: по поводу статьи Дж. Кеннана // Новый журнал. 1951. Кн. 26. С. 279 – 293.

⁵⁶⁹ Там же. С 280.

надеется на то, что сейчас открылись большие возможности для смены режима и обретения большей свободы⁵⁷⁰.

М.М. Карпович полагал, что действуя через толстый русский журнал в США, он сможет помочь России избавиться от большевизма и пойти по пути свободы. Трудно оценить влияние его политических статей на политическую ситуацию. С одной стороны мнение профессора Гарварда вполне могло интересовать экспертов, которые читали по-русски, но мы не будем подробно останавливаться на данном моменте, так как это вопрос для отдельного исследования. С другой стороны эти статьи в какой-то мере формировали общественное мнение внутри эмиграции. Однако советскому читателю этот журнал был практически неизвестен. При этом должность главного редактора отнимала достаточно много сил и времени ученого.

Интересен при этом тот факт, что никто из рассматриваемых ученых не оставил никаких воспоминаний об американской политической жизни. Как американские граждане они имели право участвовать в выборах президента, принадлежать к какой-либо американской партии и т.д. На наш взгляд отсутствие такой информации в письмах, воспоминаниях или дневниках объясняется разными причинами. Ростовцев получил гражданство в 1929 году, когда ему было уже 59 лет, он был признанным ученым с мировым именем и с головой ушел в науку, не проявляя особого интереса к политике. То же самое касается и А.А. Васильева, который получил гражданство не раньше 1930 года, т.е. не раньше, чем ему исполнилось 63 года, и также интересовался главным образом наукой. Вполне возможно, что американская политическая жизнь их не интересовала. Карпович и Вернадский стали гражданами США в более молодом возрасте и от них можно было бы скорее ожидать интереса к политической составляющей американско-

---

⁵⁷⁰ *Он же*. Комментарии // Новый журнал. 1953. Кн. 33. С. 277.

го общества. Но М.М. Карпович долгое время верил в возможность своего возвращения в Россию, а потом сконцентрировался на публицистической деятельности, пытаясь ускорить падение большевистского режима в СССР. О выборах он говорит только один раз, в статье «Заключительный период войны»⁵⁷¹ и то в связи с восхвалением преимуществ демократии перед тоталитаризмом, даже в период войны.

В заключение хочется привести слова самого Карповича о П.Н. Милюкове, которые, на наш взгляд, применимы и к самому автору: «Если бы не та огромная роль, которую он сыграл в общественно-политической жизни русской эмиграции, можно было бы выразить сожаление о том, что политика отняла его у исторической науки»⁵⁷². Роль Карповича в жизни русской эмиграции также очень велика, правда, не столько в общественно-политической, сколько в культурной сфере. При этом, возможно, если бы не его деятельность в «Новом журнале» он смог бы сделать значительно больше на поприще русистики в США. М.И. Ростовцев в отличие от М.М. Карповича, после переезда в Америку от политики отошел и сумел написать еще достаточно много исторических работ. В целом, политические воззрения у большинства эмигрантов были во многом сходными, хотя были и значительные различия в деталях. Исключение составляет А.А. Васильев, который был довольно аполитичен. Ростовцев был активным членом кадетской партии, Карпович деятельно участвовал в работе российского посольства в Вашингтоне и в «белой дипломатии», Вернадский и вовсе был начальником отдела печати в правительстве генерала П.Н. Врангеля. Однако переезд в США привел к тому, что и Ростовцев, и Вернадский от политической деятельности практически ото-

---

⁵⁷¹ *Он же*. Комментарии: Заключительный период войны // Новый журнал. 1944. Кн. 8. С. 388-389.

⁵⁷² Цит. по *Вишняк М.* М.М. Карпович - политик // Новый Журнал. 1959. Кн. 60. С.17.

шли. Причем Вернадский, занимавший формально в период Гражданской войны наиболее высокий пост в антибольшевистской иерархии, отошел от участия в политике еще будучи в Европе. Исключением стал М.М. Карпович, в течение полутора десятилетий стоявший во главе ведущего журнала российской эмиграции и регулярно печатавшего в нем комментарии на политические темы. Эта деятельность стала одной из причин того, что Карпович - историк оставил гораздо меньше трудов, нежели его коллеги. Однако его журнальные статьи могли бы в совокупности составить увесистый том «Комментариев», незаурядный памятник политической мысли российского зарубежья.

Заключение

Подведем некоторые итоги. Всех историков, американский период жизни которых рассмотрен в нашей работе, объединяет то, что они, во-первых, получили профессиональное образование, а некоторые успели стать всемирно известными учеными еще живя в России. Во-вторых, они стали эмигрантами по политическим мотивам. Это как будто не распространяется на А.А. Васильева, никогда против советской власти не выступавшего и жившего в СССР до 1925 года. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что и здесь без политики не обошлось: мотивом его отъезда были опасения относительно возможности свободно продолжать исследования, в особенности в связи с навязыванием марксистской методологии или, по крайней мере, фразеологии. В-третьих, никто из них не планировал эмигрировать специально в США. Все они оказались в стране в силу сложившихся обстоятельств.

В силу тех же обстоятельств их бытовая и профессиональная адаптация в новой стране проходила практически одновременно и одна вряд ли могла быть успешной без другой. Это были очень разные люди, касалось ли это возраста или научной специализации и научного авторитета. Соответственно, процесс адаптации и интеграции в американскую университетскую среду проходил у каждого из них со своими особенностями. Однако можно выделить и некоторые общие черты.

Важнейшим фактором успешности адаптации была степень владения английским языком. Это было проблемой в большей или меньшей степени для большинства героев нашего исследования, за исключением М.М. Карповича. Объяснялось это тем, что английский в до-революционной России не был самым востребованным языком, суще-

ственно уступая немецкому и французскому. Однако у русских историков-эмигрантов было и существенное конкурентное преимущество: они были специалистами в тех областях, которые были в дефиците на американском академическом рынке: антиковедении, византиноведении, русистике. К тому же их приезд в США совпал, а точнее, был обусловлен стремительным ростом уровня американских университетов. А еще точнее – целенаправленной работой, даже борьбой университетов за повышение своего уровня. Это было характерно и для 1920-х и для 1930-х годов. Решение подобного рода проблем за счет приглашения иностранных специалистов было все больше входившей в обычай практикой американских университетов. Да и вообще, в Америке – стране эмигрантов, иностранцам адаптироваться было легче, чем во многих других странах.

Интеграция в академическое сообщество состояла из следующих этапов:

1. Получение работы в университете. Для этого русским историкам требовались рекомендации американских ученых, а также одобрение кандидатуры руководством университета и советом попечителей.

2. Умение наладить хорошие отношения с коллегами. Этому помогали такие факторы как чтение публичных лекций, участие в конференциях и других научных мероприятиях, написание работ. Также они создавали связи в других университетах США, куда ездили с докладами, выступали в качестве приглашенных лекторов и т.д.

3. Умение наладить хорошие отношения со студентами. Для этого требовалось понимать, какие лекции они привыкли слушать, что именно ценят в преподавателях.

Как ни парадоксально это звучит, но скорейшей интеграции способствовало отчасти то, что русские ученые работали в разных университетах, находившихся на значительном расстоянии друг от друга, университетские кампусы, как правило, находились далеко от крупных городов, в которых можно было найти близких по духу и уровню культуры соотечественников. Да и в целом российская эмиграция в США в межвоенный период было сравнительно небольшой, а прослойка интеллектуалов среди эмигрантов было очень тонкой. Существовать в США «среди своих», что было характерно для «русского Парижа» или «русского Берлина», было невозможно. Этот как бы отрицательный фактор сыграл положительную роль, если говорить о скорости адаптации эмигрантов, оказавшихся в иноязычной и инокультурной среде.

Конечно, адаптированность не означает в нашем случае ассимилированности. Историки-эмигранты во многом сохраняли свою русскость. Это выражалось в разных областях. Наиболее ярко это проявлялось в проведении культурного досуга. Как и у себя на родине они любили посещать театры, музыкальные концерты, но при этом так и не смогли полюбить американский футбол. Как и в России на лето они стремились уезжать из города. Вполне возможно, что это сохранение российской привычки, но американцы делали точно также. В случае с Г.В. Вернадским русскость проявлялась в том, что на лето он уезжал на «дачу», где занимался огородом. Также они читали газеты и журналы на русском языке. Были и заимствования из области американского образа жизни. Например, уезжая на лето, они сдавали свой дом в аренду, что не было распространено в России того времени, довольно быстро они привыкли рассчитывать чеками, а не наличными.

Близкий, «интимный» круг общения наших героев, и здесь речь идет не только и не столько о личном общении, сколько о переписке, состоял в основном из ученых-эмигрантов или общественных деятелей, уехавших из России. После революции они смогли сохранить связь со многими другими изгнанниками, а некоторые, как А.А. Васильев и с теми, кто остался в СССР. Наиболее «интернациональным» в этом плане был М.И. Ростовцев, который активно поддерживал связи и с русскими, и с американцами, и с англичанами, у него были хорошие друзья в Финляндии, Италии, Швеции и т.д.

В целом все изучаемые нами историки-эмигранты сумели не только приспособиться, но преуспеть в чуждой поначалу среде. Во всех них было что-то от набоковского Пнина: от сильного русского акцента (это не распространялось только на Карповича, который, по воспоминаниям его ученика Ричарда Пайпса, лишь слово *interesting* почему-то произносил с ударением на последнем слоге) до непонимания, в случае Г.В. Вернадского, «технологии» продвижения по карьерной лестнице в американском университете. Нередко, для продвижения по карьерной лестнице требовалось доказать руководству университета свое значение. Для этого можно было использовать разные приемы, например, сообщить руководству о том, что тебя пытается пригласить на работу другой университет с гораздо лучшими условиями: более высокий уровень заработной платы, постоянный контракт, меньшее количество лекционных часов для возможности заниматься научной работой и т.д.

В наибольшей степени на Пнина походил Г.В. Вернадский, умудрившийся получить должность профессора лишь незадолго до пенсии. При сходстве во многих отношениях академических карьер и в чем-то жизненного пути русских историков-эмигрантов в США в их «уни-

верситетских судьбах» было много индивидуального и парадоксального. И не менее интересного, и в нашем исследовании мы стремились показать и общее, и отличное. Удивительна, скажем, карьера Карповича, приехавшего в США в 1917 году, прожившего там 10 лет, занимаясь далекими от исторических изысканий делами: службой в российском посольстве, книжной торговлей, подработкой по политической части в российском Финансовом агентстве в Нью-Йорке, и в 1927 году, без докторской степени, начавшего преподавать в Гарварде!

Если сравнить карьеры двух близких друзей, Карповича и Вернадского, то, по нашим современным меркам, можно лишь развести руками: один (Карпович), по большому счету, фундаментальных трудов так и не написал, и при этом сделал блистательную карьеру, став заведующим Славянским департаментом в лучшем американском университете и основав, возможно, самую влиятельную школу русистики в США, а другой (Вернадский), написав небольшую пирамиду книг, как уже упоминалось, получил профессорскую позицию тогда, когда другие присматривают домик, в котором будут жить на пенсии.

В науке они долгое время периодически писали статьи по-русски для эмигрантских изданий, хотя английский язык, конечно, преобладал. Сохранялось цитирование русских авторов в научных работах. Особенно ярко это видно в области византистики и русистики, возможно, это не столько проявление русскости, сколько насущная необходимость. Русская историческая наука в этих областях в начале XX века занимала лидирующие позиции.

Переезд ученых в США привел к тому, что практически все они прекратили свою политическую деятельность, за исключением М.М. Карповича. И это еще один парадокс: самый интегрированный

из русских историков в американскую университетскую среду был наиболее погруженным в русские дела, проводя время между Бостоном и Нью-Йорком, в котором издавался «Новый журнал».

Состояние американской исторической науки в области византиноведения, русистики и антиковедения к моменту приезда русских ученых в США было на относительно невысоком уровне, хотя организация образовательного процесса в США русскими учеными оценивается положительно. Они смогли внести значительный вклад в развитие своих областей науки.

М.И. Ростовцев создал блестящие труды по экономической и социально-политической истории Древнего Рима и эллинистического мира, написал большое количество других монографий и статей, выполненных на высоком уровне. Также он провел образцовые раскопки крепости Дура Европос, которые дали много археологического материала, позволившего по новому взглянуть на отдельные вопросы древней истории. Если говорить о вкладе Г.В. Вернадского и М.М. Карповича, то существует точка зрения о том, что были основателями русистики в США, хотя есть историки, ее не разделяющие. Тем не менее, нельзя отрицать, что они внесли немалый вклад в развитие русистики. А.А. Васильев положил начало византиноведению в Америке, что признают не только российские ученые, но и американские.

Нами были выделены критерии успешности стратегий интеграции учёного. Как уже говорилось, в науке принято выделять объективные и субъективные критерии адаптированности иммигранта к новым условиям. Объективные критерии заключаются в реализации норм и правил жизнедеятельности в новых условиях. Это достаточно общее определение, с которым трудно работать. Нами выделена сово-

купность нескольких показателей, которые могут показать успешность интеграции русских историков в американское научное сообщество. Ими являются: принятие на работу на постоянной основе, научная активность, преподавательская деятельность, отношения с «коллегами по цеху», присуждение званий и избрание в члены Академий. При этом нельзя рассматривать только какой-нибудь один критерий для определения успешности, необходимо рассматривать их в совокупности, т.к. упущение из виду какого-либо фактора способно привести к неверным выводам. В итоге путь к успеху был очень труден, а у некоторых эмигрантов занял достаточно много времени.

Если говорить о субъективных критериях адаптированности, то это, в первую очередь, психологическая удовлетворенность человека своей новой страной проживания с ее спецификой, менталитетом ее жителей, своим положением в обществе. С этой точки зрения более-менее успешными можно признать только М.М. Карповича и А.А. Васильева. По крайней мере, среди их материалов нам не встретилось ни одного свидетельства негативного отношения к США и ее традициям, что подтверждают объективные критерии: оба были признанными учеными, пользующимися уважением коллег. Г.В. Вернадский и М.И. Ростовцев тоже были весьма уважаемыми учеными, но в М.И. Ростовцев постоянно в письмах жалуется на то, что он вынужден жить в США и учить американских студентов, а не русских. Г.В. Вернадский же до 1944 года получал мизерную заработную плату, а ценности американского общества были глубоко чужды и ему самому и его жене.

Несмотря на это, по объективным критериям можно сделать вывод, что русские историки смогли довольно успешно интегрироваться в американское научное сообщество. Они были ценимы коллегами, их

работы использовались в качестве учебников, они обладали различными научными званиями, входили в редколлегии известных научных журналов. В целом историю «завоевания Америки» русскими историками можно, на наш взгляд, с полным основанием считать историей успеха.

На наш взгляд, перспективными направлениями исследования являются: изучение интеграции русских ученых первой волны, переехавших в США в связи с началом Второй мировой войны, а также интеграции эмигрантов второй волны в американскую академическую среду, сравнительное изучение интеграции представителей естественных и гуманитарных наук в разные годы.

Приложение 1: Воспоминания Г.В. Вернадского о его жизни в США.

На закате своей жизни Г.В. Вернадский написал серию воспоминаний о своей жизни. В 1969-1972 годах в «Новом журнале» появляются его автобиографические тексты, названия которых говорят сами за себя «Из воспоминаний. (Годы учения. С.Ф. Платонов)», «Пермь-Москва-Киев», «Крым», «Константинополь»⁵⁷³. Таким образом, мы видим, что ученый явно следует строго определенному плану изданий своих воспоминаний. Для полного описания его жизни не хватает только воспоминаний о жизни в Праге и США. Нам неизвестно, написал ли что-нибудь Вернадский о пражском периоде своей жизни. Однако же среди его бумаг нами обнаружен черновой вариант воспоминаний о жизни в США. К сожалению, смерть помешала ученому обработать это черновик для публикации. Большое количество заметок, поправок, сделанных им в тексте рукописи (они приводятся нами в скобках) свидетельствуют о том, что работа над ней еще не была завершена. На наш взгляд, эта рукопись, хранящаяся в Бахметевском архиве Колумбийского университета⁵⁷⁴, представляет большой интерес для историков. Если жизнь Вернадского в России достаточно хорошо известна, и даже о пражском периоде его жизни написано достаточно много, то сведения о его биографии, начиная с 1927 года во многом отрывочны. Публикуя здесь воспоминания о последнем периоде жизни Вернадского, мы надеемся восполнить данный пробел. Эти

⁵⁷³ *Вернадский Г.В.* Из воспоминаний. (Годы учения. С.Ф. Платонов) // Новый журнал. 1969. Кн. 100 С. 196-221; *Он же.* Пермь-Москва-Киев (Воспоминания) // Новый журнал. 1971. Кн. 104. С. 177-188; *Он же.* Крым (Воспоминания) // Новый журнал. 1971. Кн. 105. С. 203-224; *Он же.* Константинополь, 1920-1921 (Воспоминания) // Новый журнал. 1972. Кн. 108. С. 202-217.

⁵⁷⁴ Columbia University Libraries, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. George Vernadsky Papers. Box 98. Memoirs.

воспоминания, несмотря на незаконченный характер, содержат весьма важные сведения о жизни русских ученых в Америке. Они содержат сведения и о бытовой адаптации русских ученых, и о трудностях научной интеграции в связи с большой разницей в образовательных системах Российской империи и США, и об их преодолении.

Сокращенные слова восстановлены в квадратных скобках, примечания автора подстрочные, примечания Г.В. Вернадского затекстовые.

Из Воспоминаний

Наша с Ниной первая поездка в Калифорнию

Лето 1928 года

Еще в Петербурге в 1915-16 году я познакомился с профессором русской истории Stanford University, California, Франком Гольдером (историком Сибири). В начале эмиграции я встретился с ним в Константинополе в феврале 1921 года. Он был представителем Гуверовской организации помощи беженцам⁵⁷⁵. Из Гуверовского фонда (Гувер был тогда президентом Stanford University) Гольдер дал мне 300 долларов на переезд мой с Ниной в Америку. Тогда мы доехали только до Афин. В 1927 году 19 августа мы с Ниной приехали в New Haven (Ростовцев устроил мое приглашение в Yale).

Вскоре по приезде я получил через Гольдера, приглашение на ConviviumHistoricum в Бранфорде (вторая половина сентября). Гольдер меня познакомил с другими американскими профессорами (участниками Convivium) и, так сказать, ввел меня в американскую академическую атмосферу.

В конце декабря 1927 года я, по настоянию и совету Гольдера, поехал в Вашингтон на съезд American Historical Association. Там Гольдер, так сказать, руководил мной – какие доклады слушать. Главное там были не доклады, а разговоры с группами участников между докладами. На эти съезды ездило всегда много молодых или почему-

---

⁵⁷⁵ Американская администрация помощи (American Relief Administration, ARA) - формально негосударственная организация в США, существовавшая с 1919 года до конца 1930-х годов, активную деятельность вела до середины 1920-х годов. Создана была с целью оказания помощи голодающим странам Европы после Первой мировой войны. Наиболее известна своим участием в оказании помощи Советской России в ликвидации голода 1921-1923 годов, хотя фактически под её эгидой действовало до 15 различных религиозных, общественных и национальных организаций США.

либо не имевших постоянного места историков в чайнии нахождения места (шутили, что эти съезды – рабовладельческий рынок).

Для меня этот съезд практического значения не имел, но дал много знакомств с американскими историками, со многими из которых я позже подружился.

Через некоторое время после возвращения в New Haven я получил телеграмму от секретарши Гольдера, что он умер от рака в легких. Считалось тогда – и считается до сих пор, что главная причина рака в легких – курение. Гольдер никогда не курил.

По-видимому, Гольдер перед смертью говорил обо мне с директором Hoover War Library⁵⁷⁶[1], профессором истории Стэнфордского университета – Гарольдом Фишером (Harold H. Fisher). Довольно скоро получил письмо от Гарольда Фишера с предложением приехать в Стэнфорд в качестве research assistant⁵⁷⁷ Hoover War Library (в которой был громадный русский отдел – и книги и рукописи). Положенное мне жалованье вполне окупало расходы по поездке и пребыванию в Stanford'e. Разумеется, я, не колеблясь, принял это предложение.

Посоветовавшись со знающими людьми и, наведя нужные справки, в Travel Bureau мы с Ниной взяли билеты в спальном вагоне поезда, шедшего из Нью-Йорка в Сан-Франциско. Это было первое наше знакомство с американскими спальными вагонами. Тогда в них не было купе (или м[ожет] б[ыть] уже были, но это было гораздо дороже). Американские спальные вагоны старого типа – пренелепого устройства. Коридор проходит посередине вагона, а с двух сторон сиденья для двоих. На ночь подымается спинка лавки и устраивается постель –

---

⁵⁷⁶ Сейчас это Гуверовский институт войны, революции и мира Стэнфордского университета.

⁵⁷⁷ Научный сотрудник.

для одного внизу, для другого наверху. Проводник (porter) все это сделал очень ловко. Нина легла внизу, я наверху. Питались тогда в вагоне ресторане – все тогда было дешево и всего вдоволь.

Поезд шел тогда красивыми местами. Нам с Ниной понравилась даже равнинная земледельческая полоса (вероятно, это было в Небраске) – напомнило южную Россию. Соседи наши удивлялись – что мы нашли тут интересного. Из Сан-Франциско мы доехали до Palo Alto⁵⁷⁸ (где Stanford Univ[ersity] и Hoover War Library) по железной дороге.

Сколько помню, Гарольд заранее подыскал для нас меблированную квартиру в Palo Alto – отдельный небольшой домик. Платил за квартиру, разумеется, я. На эту квартиру мы сразу по приезде и отправились. Оттуда я позвонил Гарольду – он приехал за мной на автомобиле и привез сначала в свой офис, а потом повез в Hoover War Library (потом она стала называться Hoover Library of War, Revolution and Peace) [2], показал там все – где, в каком отделе находятся нужные мне материалы, и показал где будет мой офис. Я сговорился с ним о плане моей работы.

Я сначала ознакомился в общем виде с материалами, а потом начал составлять план издания этих материалов – описание по отделам того, что есть и дополнения из вновь поступивших материалов. Затем предложил издание систематического обозрения содержания материалов и периодических дополнений к ним. Все это должно было принять вид систематического обзора русских материалов и постепенного дополнения к ним. План, по-моему, был очень хороший, но Гарольд его не использовал. Позже эта идея была осуществлена в бо-

---

⁵⁷⁸ Город в Калифорнии. К Пало-Альто примыкает кампус Стэнфордского университета, который считается самостоятельной административной территорией.

лее широком масштабе при Library of Congress⁵⁷⁹ (не только Rossica, но и Slavica).

Гарольд занялся другим предприятием – изданием серии документов по русской истории в английском переводе, главным образом эпохи Гражданской войны в России. Образцом ему послужило издание Гольдером «Документов русской истории 1914 – 1917 года»⁵⁸⁰ – хорошо организованное и очень полезное пособие. Вероятно, Гольдер как бы завещал Гарольду продолжить такую серию документов. Помощником Гарольду в этом деле было несколько русских эмигрантов – Ксения Жукова (по мужу Юдова), фамилия? – муж дочери одного из последних комендантов императорского двора при Николае II (Гессе?) – интересный человек с большой инициативой. Джемс Буньян James Bunyan (это не была его настоящая фамилия) – очень талантливый, но циничный еврей [3]. Эта серия документов и мемуаров до сих пор представляет большую ценность и для преподавателей и для студентов, занимающихся русской историей.

Теперь хочу вспомнить о нашей с Ниной жизни в Palo Alto, но так как мы на следующее лето опять поехали в Калифорнию (этот раз я был приглашен лектором по русской истории в Stanford University), то я могу спутать – что было летом 1928, и что – летом 1929 года. Основной фон – дружба с Фишерями – Гарольдом и его женой Helen. Оба были замечательные люди. Гарольд был главным образом организатором – и библиотеки – и исторического департамента Stanford University. Но был и выдающийся преподаватель, и талантливый писатель. Он ездил в Россию во время голода там (в 1919 – 1920 гг.) вместе с другим представителем ARA (American Relief Administration) и

---

⁵⁷⁹ Библиотека Конгресса США в Вашингтоне.

⁵⁸⁰ Golder, Frank A. Documents of Russian history, 1914-1917. Gloucester, MA, 1927.

живо описал свои впечатления и наблюдения. Позже он написал еще две – три книги о положении в России. Helen была прелестное существо с артистической душой. Она писала короткие рассказы (и замечательно длинные письма друзьям), и сколько помню, занималась также живописью (акварель).

Ее трагедия была в том, что она была совершенно глуха. Гарольд был с ней необыкновенно трогателен. Он понимал ее несвязную речь, а она угадывала по движению его рта и губ – что он говорит.

Тогда у них детей не было. Только когда уже ей было 42 года, у нее благополучно родился здоровый и крепкий мальчик.

Из историков, коллег Гарольда по университету, помню профессора Treat'a – специалиста по японской истории и японофила, интересного человека. У нас установились дружеские отношения. В летнем семестре большинство Stanford'ских историков разъезжались из Stanford'a, на их место приезжали visiting professors из других университетов. Из этих мы с ними подружились со специалистом по европейской истории профессором Fish'ом (забыл его личное имя), кажется Висконсинского университета и его женой. Не помню – приезжали ли они летом 1928 или 1929 года – возможно, что оба лета. Оба они были живые и интересные собеседники.

Кажется, на оба лета приезжал и генерал Н.Н. Головин, выдающийся военный историк. Он собирал в Hoover Library материалы для окончания своей книги о русской кампании 1914 года⁵⁸¹. Мы с ним очень подружились. Он был интересный собеседник. По-английски он тогда говорил не совсем свободно и особенно в телефонных разгово-

---

⁵⁸¹Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте в 4-х томах. Прага — Париж, 1925—1940. По-видимому, имеется ввиду второй том, вышедший в 1930 году, в Париже.

рах все путал. Сговорится с кем-нибудь повидаться во вторник (Tuesday), а приходил в четверг. Вздыхал и говорил: «Боже, как бесконечно сложна жизнь».

В Пало Алто была многолюдная русская колония – служащие в Hoover War Library и в университете, в офисах коммерческого характера, преподаватели и преподавательницы в школах, студенты университета. Были и просто люди со средствами, не нуждавшиеся в заработках.

Наша с Ниной первая поездка в Калифорнию летом 1928 года.

Продолжение

Из русских в Palo Alto я едва ли не больше всех подружился с Красовским (его имя и отчество – Дмитрий Михайлович). (Кажется). Красовский был очень добродушный и общительный человек – красавец с густыми бровями. Большинство русских дам в Palo Alto были в него влюблены или, во всяком случае, им восхищались. В конце концов, он отбил жену от одного из русских и на ней женился.

Кажется, именно в первую нашу поездку (а не во вторую) мы заехали с Красовским играть в теннис. В России, гимназистом старших классов и студентом я много играл в теннис (в Москве – часто с Машурой Любошинской). Но в Праге, а еще больше в Америке я растолстел и отяжелел. И вот – мы начали играть, и сначала все шло хорошо, но затем, взмахнув сильно правой ногой, я почувствовал страшную боль в голени под коленом, сел на землю и почувствовал, что не могу встать.

Красовский довел меня до дому и вызвал местного доктора, который мне не помог. Тогда Красовский сказал мне, что в Сан-

Франциско есть превосходный хирург, русский армянин (забыл сейчас фамилию – вспомню потом). Он осмотрел и пощупал ногу и сказал, что порваны связки. Говорит: «Вы большой человек, профессор – слишком тяжелы уже для тенниса». Принялся меня умело и энергично лечить и в несколько сеансов вылечил, но сказал, чтобы я подольше не напрягал и не утомлял ногу и в теннис уж никогда бы больше не играл. Он и многие другие советовали мне начать играть в гольф, но эта игра (я видел, как некоторые мои друзья играют в нее), казалось мне страшно скучной.

Но и я, и Нина любили ходить, мы оба были хорошие ходоки, и ходьбой мы оба себя физически поддерживали. (Через несколько лет после того мы с Ниной пешком лазили на Mount Waslory Too в Waite Mountain в New Hampshire⁵⁸²).

Из других русских я подружился с Ланцевым. Он учился в Stanford University и преподавал в high school, потом, как graduate student в Univ[ersity] of California, Berkeley. Учителем его был Kerner. Ланцев сделался крупным историком – написал превосходный очерк овладения русскими Сибири. Был вообще талантливый человек и превосходный рассказчик. Довольно рано умер.

Калифорния сначала очаровала нас своим климатом (летом никогда не бывает дождя). Потом скоро почувствовали обратные стороны – резкая разница в температуре между днем и ночью и даже днем – между теневой и солнечной стороной улицы. У Нины сделался sinus⁵⁸³ – она надолго потеряла чувство обоняния.

---

⁵⁸² Речь идет о гористой местности в штате Нью-Хэмпшир, популярном месте отдыха.

⁵⁸³ Синусит.

К осени надоело, что вся растительность высыхала. Местные деревья ([в] т[ом] ч[исле] эвкалипты) и так без настоящей листвы. Мы с наслаждением вернулись в зеленую New England⁵⁸⁴ (то же было и во вторую нашу поездку в Калифорнию).

Когда кончился мой срок работы Фишеры пригласили нас поехать с ними в Monterey⁵⁸⁵ (на южной стороне бухты того же названия). У нас как раз оставалось время до возвращения в New Haven. Это вышла чудесная поездка. Monterey, да и вся бухта сказочной красоты. Совершенно белый песчаный пляж. У западного выхода из бухты скалы, напомнившие нам Крым. На этих скалах расположились моржи.

Очень удобная чистая гостиница, где нас вкусно кормили. Мы, конечно, платили за себя. Фишеры сказали нам, что плата три доллара в день. Я думал, что это только за комнату, а за еду надо отдельно и беспокоился, что у меня не хватит денег на обратный путь. Но оказалось, что это и за комнату, и за стол, так что все обошлось благополучно.

Назад мы поехали южным путем через Los Angeles на Нью-Йорк. Проезжали через пустыню – дальше было очень красивое место Petrified forest⁵⁸⁶. Поезд остановился на полчаса, все почти вылезли, чтобы посмотреть поближе.

Из Воспоминаний

Вторая поездка в Калифорнию

---

⁵⁸⁴ Новая Англия - регион на северо-востоке США, включающий в себя следующие штаты: Коннектикут, Мэн, Массачусетс, Нью-Хэмпшир, Род-Айленд, Вермонт.

⁵⁸⁵ Город в Калифорнии на берегу залива Монтерей.

⁵⁸⁶ Окаменелый лес. Национальный парк Petrified forest в штате Аризона.

Лето 1929 года

Этот раз я был приглашен не сотрудником Hoover Library, а лектором русской истории в Stanford University. Встретил знакомых по первой поездке – профессора Treat'a и генерала Головина. Головин это лето тоже читал лекции в университете. Из других приезжих профессоров мы с Ниной подружались с историком Франции профессором Fish и его женой (кажется Fish был профессором в Wisconsin).

Но главные наши дружбы это лето были с А.А. Васильевым и бельгийским византинистом Henry Gregoire'ом⁵⁸⁷. С Gregoire'ом мы познакомились еще до выезда из New Haven'a – он заезжал в New Haven по дороге из Европы в Калифорнию. Васильев, кажется, тоже прочел курс лекций в Stanford University по византийской истории. Мы часто с ним (и с Грегуаром) завтракали вместе. С Васильевым ездили раз в неделю на симфонические концерты в San Mateo⁵⁸⁸ (недалеко от Palo Alto). Оркестр был хороший из местных музыкантов, а дирижеры приглашались – и американские, и европейские, все почти первоклассные.

Васильев был не только крупный ученый (византинист), но и знаток музыки, и сам - отличный пианист. Многие из исполнявшихся симфоний он знал наизусть. Часто шептал Нине: «Сейчас валторна вступит», - или - «Сейчас будет замечательное место, слушайте».

Грегуар всюду, куда бы он ни приезжал, вносил оживление, а иногда и путаницу.

Русские в Palo Alto: Красовский, Ланцев, Дудоревы, пианистка Зузуньян (Тамар?) – по мужу Беленым, Беленым (сын священника),

⁵⁸⁷ Анри Грегуар – известный бельгийский историк-византинист. Основатель журнала Byzantion.

⁵⁸⁸ Город в Калифорнии.

служил в Сан-Франциско, в паровой компании – жили в Пало Альто.

Из воспоминаний

Кризис в моем преподавании в Yale University

(кажется это было в 1928/29 или 1929/30 гг.)

Когда мы с Ниной приехали в Америку, chairman History Department⁵⁸⁹ Charles Seymour⁵⁹⁰ (по совету Ростовцева назначил мне только руководство graduate seminar'ом⁵⁹¹ 2 часа в неделю. На осенний семестр записалась дама – библиотечарша (сейчас не могу вспомнить фамилию) – серьезный человек, ч[то]б[ы] под моим руководством заниматься библиографией (включая русские книги и журналы) – русский алфавит она вызубрила. На весенний семестр записался талантливый graduate student (позже профессор истории, мой большой друг и доброжелатель) George Pierson⁵⁹². Под моим руководством он написал семинарскую работу о русско-английском соглашении относительно Персии. Работа была превосходна[4]. Ее можно было бы и напечатать, но Pierson не сделал этого. На следующий 1928/29 учебный год мне, сколько помню, опять дали руководство семинаром. Записалось три – четыре grad[uate] student, в т[ом] ч[исле] одна дама – имен не помню. Но, кроме того, мне дали (на 1928/29 учебный год) один из маленьких специальных курсов для undergraduates (freshmen и sophomores) – History of Eastern Europe⁵⁹³ (включая Россию). Я уже тогда довольно сво-

---

⁵⁸⁹ Декан факультета истории.

⁵⁹⁰ Декан факультета истории, с 1937 года – Президент Йельского университета.

⁵⁹¹ Семинар для аспирантов.

⁵⁹² Пирсон Г. Историк Йельского университета. Занимался Токвилем, также написал первую официальную историю Йельского университета.

⁵⁹³ История восточной Европы.

бодно говорил по-английски (хотя с ошибками в произношении). И тут я сплоховал.

Мне недостаточно объяснили психологию американских студентов. Freshmen⁵⁹⁴ и sophomores⁵⁹⁵ – по русским понятиям гимназисты VII и VIII класса гимназии. В России и Чехословакии студенты жадно тянулись к знаниям, и заниматься с ними было вдохновительно. Не было никаких формальностей, о каких-нибудь мерах поддержки дисциплины – не было и речи. И не было в этом ни малейшей надобности.

В Yale⁵⁹⁶ оказалось совершенно иное положение и другая атмосфера, которую я сначала не понял и к которой не смог приспособиться. Студентов (в сущности, по-русски – гимназистов) было человек пятнадцать. У меня вообще плохая память на лица (на фамилии – лучше), и главное мне было трудно идентифицировать лицо и фамилию. Мальчишки это, конечно, сразу подметили и часто меня разыгрывали.

Войдя в класс, надо было, прежде всего, сделать переключку и отметить отсутствующих. В конце каждого месяца нужно было посылать в Hist[ory] Dep[artment] рапорт с отметками и числе отсутствий (меньшинство студентов – большинство студентов). Для этого я в конце каждой недели устраивал вроде экзамена каждому студенту. Большинство были способные мальчишки – отвечали хорошо, и я давал мало плохих отметок. Это было мне, потом, поставлено в вину, т.к. по обычаям Yale College (в то время, по крайней мере) требовалось от преподавателей, чтобы они строго ставили отметки. Все это

---

⁵⁹⁴ Первокурсники.

⁵⁹⁵ Второкурсники.

⁵⁹⁶ Йельский университет.

привело к тому, что в начале следующего учебного года (сентябрь 1929) на мой курс записалось масса студентов. Большинство их записалось, в надежде, что им не придется серьезно заниматься. Я очень скоро почувствовал что-то неладное, и, ввиду большего числа студентов, мне было гораздо труднее отмечать отсутствующих и ставить отметки.

Все это привело к тому, что chairman History Department [5] закрыл курс и сказал мне, что мне не будет возобновлено мое назначение в Yale. Жалованье мне было обещано выдавать – не помню до конца семестра или даже до конца года.

Надо сказать, что моя работа для Yale не ограничивалась преподаванием – мне было поставлено задание – создать в библиотеке большой русский отдел – и я энергично это делал (и через несколько лет действительно сделал Yale Library одной из главных библиотек относительно русских книг). Кроме того, я усиленно писал однотомник русской истории (*A History of Russia*⁵⁹⁷) для Yale University Press. (Вообще с Yale Press у меня установились крепкие дружеские отношения). Первое издание однотомника вышло в 1929 году.

Упрочение моего положения в Yale University в 1940-х годах.

В 1939 году началась Вторая мировая война. Америка сначала оставалась в стороне. Летом 1941 года японцы напали на стоянку американского флота на Филиппинах⁵⁹⁸, и Америка объявила войну Японии. После этого, президент Рузвельт, под давлением Англии и Франции, начал готовиться к войне с Германией и (кажется) в 1942 году

---

⁵⁹⁷ *Vernadsky G.V. A History of Russia. New Haven, 1929.*

⁵⁹⁸ Имеется ввиду атака на американскую военно-морскую базу Перл Харбор. Г.В. Вернадский ошибается, нападение было совершено 7 декабря 1941 года.

объявил войну Германии⁵⁹⁹. Еще до этого решено было подготовить группы офицеров и солдат для ознакомления с германскими обычаями ведения войны и, при благоприятных обстоятельствах, антигитлеровской пропаганды в Германии. Довольно скоро после начала войны наметилась возможность соглашения действий с Советской Россией.

Поэтому в Yale University – в одном из намеченных центров подготовки офицеров и солдат – учреждены были курсы языков – немецкого, японского и русского, и установлены программы по истории, экономике и постановке военного дела в Германии, Японии и Советской России.

Начало 1940-х годов.

Я был назначен лектором русской истории. В помощники мне дали моего друга искусствоведа George Hamilton⁶⁰⁰ (автора хорошей истории русского искусства). На нем лежала вся формальная и канцелярская часть. Кроме того, я с ним советовался и о плане и содержании моего курса, и после каждой моей лекции я с ним советовался, как можно улучшить мой курс. Слушатели после каждой лекции задавали мне вопросы по курсу. Но Hamilton лучше был знаком с образованием и интеллигентным уровнем слушателей и лучше понимал, что им нужно – и советовал это мне.

Из воспоминаний

1944-1945

Кажется, в 1944 я получил бланк от FulbrightCommitteeforExchangeofpersons (стипендии для американских ученых на по-

---

⁵⁹⁹ Война была объявлена 11 декабря.

⁶⁰⁰ Гамильтон Г.Х. - американский искусствовед, профессор Йельского университета.

ездку на один год в один из заграничных университетов и для европейских и др[угих] ученых на годовую поездку в Америку. Я заполнил бланк – изъявил желание поехать на год в School of Slavonic Studies, University of London⁶⁰¹. Комитет уведомил об этом свою представительницу там (забыл ее фамилию – у меня должно быть записано в дневнике этого года)⁶⁰². Затем мне прислали длиннейший опросник для всяких сведений обо мне и требование всестороннего докторского осмотра, включая визит к психиатру. Я ответил им, что много лет преподаю в Yale'e, никогда Yale не требовал психиатрического осмотра, и что я не хочу идти к психиатру и поэтому отказываюсь от поездки в Лондон. На этом, однако, дело не кончилось. Лондонская дама (вставить ее фамилию) мной заинтересовалась, и через несколько месяцев я получил предложение профессуры по русской истории в School of Slavonic Studies.

Я пошел к президенту университета Charles Seymour и показал ему письмо из School of Slavonic Studies. Перед этим за год или два Seymour мне по какому-то случаю сказал: «Мы ценим Вас, но имейте в виду, что Вы никогда не будете назначены full professor'ом⁶⁰³ (у меня было все то же звание Research associate professorial rank). Но теперь, когда пришло приглашение кафедры в Лондоне – американский дух Competition⁶⁰⁴ сделал меня более ценным. Seymour посоветовал мне отклонить лондонское предложение и сказал, что он назначает факультетскую комиссию для процедуры избрания меня full professor'ом в Yale.

---

⁶⁰¹ Школа славянских исследований Лондонского университета.

⁶⁰² Нам не удалось обнаружить дневники за этот период в коллекции Вернадского в Бахметевском архиве.

⁶⁰³ Соответствует российскому званию профессора.

⁶⁰⁴ Соревнования.

Комиссия запросила мнение ряда историков – и Yale'ских и других университетов (в том числе запросили М.М. Карповича в Harvard'e). Отзывы, очевидно, были все благоприятными, и я был назначен full professor of Russian History с жалованием десять тысяч долларов в год – минимальное тогда жалованье в Yale для full professor'a, но для меня значительная прибавка (как Research associate я получал всего две тысячи в год, но после моих курсов для офицеров и солдат 1945-6 года мое жалованье было увеличено до шести тысяч в год).

В 1956 году я вышел в отставку по предельному возрасту. Получил звание Professor Emeritus of Russian History – но без пенсии. Потом мне стали выдавать что-то вроде небольшой пенсии (сначала тысячу, потом полторы тысячи в год), но каждый год для этого требовалось специальное постановление Yale Corporation⁶⁰⁵.

1. Теперь называется Hoover Institution
2. А теперь он называется Hoover Institution.
3. Кто еще? Посмотреть в библиографии моего однотомника
4. Русского языка Pierson не знал (и не знает), но главные источники были английские. Кроме того, Pierson овладел и французской, и немецкой литературой предмета.
5. Профессора американской истории Gabriel.

---

⁶⁰⁵ Правление Йельского университета.

Источники и литература:

I. Источники:

Неопубликованные источники:

1. Архив РАН. Фонд 518 (В.И. Вернадского). Оп. 3. Д. 299. Письма Н.В. Вернадской-Толль к В.И. Вернадскому (Прага, Брно).
2. Архив РАН. Фонд 518 (В.И. Вернадского). Оп. 3. Д. 300. Письма Н.В. Вернадской-Толль к В.И. Вернадскому (Гамбург, Нью-Хейвен).
3. Архив РАН. Фонд 518 (В.И. Вернадского). Оп.3. Д. 301. Письма Н.В. Вернадской-Толль к В.И. Вернадскому (Нью-Хейвен).
4. Архив РАН. Фонд 518 (В.И. Вернадского). Оп. 3. Д. 311. Письма Г.В. Вернадского к В.И. Вернадскому и Н.Е. Вернадской (Нью-Хейвен).
5. Архив РАН. Фонд 518 (В.И. Вернадского). Оп. 3. Д. 312. Письма Г.В. Вернадского к В.И. Вернадскому и Н.Е. Вернадской (Нью-Хейвен).
6. Архив РАН. Фонд 518 (В.И. Вернадского). Оп 3. Д. 313. Письма Г.В. Вернадского к В.И. Вернадскому и Н.Е. Вернадской (Нью-Хейвен, Бостон, Чикаго и др.).
7. Архив РАН. Фонд 518 (В.И. Вернадского). Оп. 3. Д. 315. Письма Г.В. Вернадского к В.И. Вернадскому и Н.Е. Вернадской (Нью-Хейвен).
8. Архив РАН. Фонд 518 (В.И. Вернадского). Оп 3. Д. 318. Письма Г.В. Вернадского к В.И. Вернадскому и Н.Е. Вернадской (Нью-Хейвен).
9. ГАРФ. Фонд 1137 (Г.В. Вернадского). Оп. 1. Д. 367. Письма Г.В. Вернадского Н.В. Вернадской.
10. СПФА РАН. Фонд 192 (В.Н. Бенешевича). Оп. 2. Д. 40. Письма А.А. Васильева к В.Н. Бенешевичу.

11. СПФА РАН. Фонд 729 (С.А. Жебелева). Оп. 2. Д. 18.
Письма А.А. Васильева к С.А. Жебелеву.

12. СПФА РАН. Фонд 1026 (И.Ю. Крачковского). Оп. 3.
Д. 110. Письма А.А. Васильева к И.Ю. Крачковскому и
В.А. Крачковской.

13. СПФА РАН. Фонд 246 (Н.П. Лихачева). Оп.3 Д. 100.
Письма А.А. Васильева к Н.П. Лихачеву.

14. СПФА РАН. Фонд 116. (Ф.И. Успенского). Оп. 2. Д. 61.
Письма А.А. Васильева к Ф.И. Успенскому.

15. BAR. George Vernadsky Papers. Box 4. Cataloged Corre-
spondence Karpovich (1928-49).

16. BAR. George Vernadsky Papers. Box 11. Cataloged Corre-
spondence Ul'ianov to Vernadsky to George Vernadsky.

17. BAR. George Vernadsky Papers. Box 98. Manuscripts by
George Vernadsky, Memoirs (folders 8-9) to Ocherki...

18. BAR. Karpovich Papers. Box 3. Cataloged Correspondence S-
Z. Cataloged Manuscripts, Photographs.

Опубликованные источники:

19. Бонгард-Левин Г.М. Письма М.И.Ростовцева к И.И. Би-
керману (1927-1944) / Г.М. Бонгард-Левин // Вестник древней исто-
рии. - 1995. - № 4. - С.180-203.

20. Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. М.И. Ростовцев и
А.А. Васильев (новые архивные материалы) / Г.М. Бонгард-Левин,
И.В. Тункина // Вестник древней истории. 1996. - № 4. - С. 168–188.

21. Вернадский Г.В. Из воспоминаний / Г.В. Вернадский //
Новый журнал. - 1970. - Кн. 100. - С. 196-221.

22. Вернадский Г.В. Письма Г.В. Вернадского родителям:
«Очень горько мне...»: Письма Георгия Вернадского [Электронный

ресурс] / Публ. и прим. М.Ю.Сорокиной. Режим доступа: <http://www.arran.ru/?q=ru/vernad2>.

23. Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX-XX вв. Сб. ст. / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. - М.: ИРИ РАН, 1997. - 191 с.

24. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. - София: Русско-болгарское книгоиздательство, 1921. - Кн. 1. - 125 с.

25. Карпович М.М. Письма М. Карповича Г. Вернадскому / Публикация, предисловие и комментарии М. Раева // Новый журнал. - 1992. - Кн. 188. - С. 259-296.

26. Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. - М.: «Российская политическая энциклопедия», 1997. - 690 с.

27. Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография / Пер. с англ., общ. ред., сост., предисл. и примеч. А.В. Липского. - М.: Изд. центр «Терра»: Моск. рабочий, 1992. - 302 с.

28. Сорокина М.Ю. Письма В.И. Вернадского Г.В.Вернадскому: «За СССР выявляется лик истрадавшей России»: Письма В.И. Вернадского детям / Публ. и прим. М.Ю. Сорокиной // Природа. - 2004. - № 1. - С. 64-80.

29. Week-end в Болшево, или еще раз «вольные» письма академика В.И.Вернадского / Публ. и прим. М.Ю.Сорокиной // Минувшее. Ист. альманах. Вып. 23. - СПб.: Atheneum-Феникс, 1998. - С. 301-342.

30. Нина Вернадская «Записки обывательницы» / Публ. и прим. М.Ю.Сорокиной // Диаспора: Новые материалы. - Вып. 3. - Париж; СПб.: Athenaеum-Феникс, 2002. - С. 629-640.

31. Нина Вернадская Скорбные дни Рождества 1944–1945 года / «Там так легко дышится...»: Из американского архива Георгия

Вернадского / Публ. и прим. М.Ю. Сорокиной // Диаспора. - Вып. 6. - М.; СПб., 2004. - С. 623-635.

32. Alumni news // The Wisconsin alumni magazine / Ed. By R.S. Crawford. - Vol. 25. - No. 4. - 1924. - P. 158-159.

33. Department of classics [Электронный ресурс] / Yale University. - [Режим доступа: http://www.yale.edu/classics/rosvovtzeff_lecture.html].

34. PhD's Awarded Since 1893 [Электронный ресурс] // Department of History. University of Wisconsin-Madison. - Режим доступа: https://history.wisc.edu/databases/db_asp/phd_search_advisor.asp.

Труды историков:

35. Васильев А.А. Лекции по истории Византии. Время до эпохи Крестовых походов (до 1081 года) / А.А. Васильев. - Пг.: тип. Я. Башмаков и К⁰, - 1917. - 355 с.

36. Васильев А.А. История Византии. Византия и крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081-1185) и Ангелов (1185-1204) / А.А. Васильев. - Пг.: Academia, 1923. - 120 с.

37. Васильев А.А. История Византии. Латинское владычество на Востоке. Эпоха Никейской и Латинской империй (1204-1261) / А.А. Васильев. - Пг.: Academia, 1923. - 76 с.

38. Васильев А.А. История Византии. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261-1453) / А.А. Васильев. - Л.: Academia, 1925. - 143 с.

39. Васильев А.А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии / А.А. Васильев. - СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1900. - 391 с.

40. Васильев А.А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии / А.А. Васильев. - СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1902. - 542 с.

41. Васильев А.А. Готы в Крыму / А.А. Васильев // Известия Российской Академии истории материальной культуры. - 1921. - Т. 1. - С. 247-344.
42. Васильев А.А. Готы в Крыму / А.А. Васильев // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. - 1927. - Т. V. - С. 179-282.
43. Вернадский Г.В. А.А. Васильев (к семидесятилетию его) / Г.В. Вернадский // Анналы Института им. Н.П. Кондакова. - 1938. - Т. X. - С. 1-10.
44. Вернадский Г.В. Древняя Русь / Г.В. Вернадский. - Тверь: ЛЕАН, М: АГРАФ, 1996. - 448 с.
45. Вернадский Г.В. Из воспоминаний. (Годы учения. С.Ф. Платонов) / Г.В. Вернадский // Новый журнал. - 1969. - Кн. 100. - С. 196-221.
46. Вернадский Г.В. Киевская Русь. / Г.В. Вернадский. - Тверь: ЛЕАН, М: АГРАФ, 1996. - 448 с.
47. Вернадский Г.В. Константинополь, 1920-1921 (Воспоминания) / Г.В. Вернадский // Новый журнал. - 1972. - Кн. 108. - С. 202-217.
48. Вернадский Г.В. Крым (Воспоминания) / Г.В. Вернадский // Новый журнал. - 1971. - Кн. 105. - С. 203-224.
49. Вернадский Г.В. Звенья русской культуры / Г.В. Вернадский. - Берлин: Издательство евразийцев, 1938. - 187 с.
50. Вернадский Г.В. М.М. Карпович: Памяти друга / Г.В. Вернадский // Новый журнал. - 1959. - Кн. 58. - С. 9 - 12.
51. Вернадский Г.В. Монголы и Русь / Г.В. Вернадский. - Тверь: ЛЕАН, М: АГРАФ, 1997. - 480 с.
52. Вернадский Г.В. Московское царство / Г.В. Вернадский. - Тверь: ЛЕАН, М: Аграф, 1997. - Ч. 1. - 512 с.

53. Вернадский Г.В. Московское царство / Г.В. Вернадский. - Тверь: ЛЕАН, М: Аграф, 1997. - Ч. 2. - 416 с.
54. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Ч. 1. / Г.В. Вернадский. - [Прага]: Евразийское книгоиздательство, 1927. - 264 с.
55. Вернадский Г.В. Опыт Истории Евразии с VI в. до настоящего времени / Г.В. Вернадский. - Берлин: Издательство евразийцев, 1934. - 187 с.
56. Вернадский Г.В. Очерки по истории науки в России. 1725 – 1920. Ч. 1. Восемнадцатый век / Г.В. Вернадский // Записки русской академической группы в США. - 1971. - Т. 5. - С. 195 – 233.
57. Вернадский Г.В. Очерки по истории науки в России. Первый отдел. Историческая наука / Г.В. Вернадский // Записки русской академической группы в США. - 1972. - Т. 6. - С. 160 – 225.
58. Вернадский Г.В. Очерки по истории науки в России. Ч. 3. / Г.В. Вернадский // Записки русской академической группы в США. - 1973. - Т. 7. - С. 17 – 112.
59. Вернадский Г.В. Очерки по истории науки в России. Ч. 4 / Г.В. Вернадский // Записки русской академической группы в США. - 1974. - Т. 8. - С. 97 – 212.
60. Вернадский Г.В. Очерки по истории науки в России. Ч. 5 / Г.В. Вернадский // Записки русской академической группы в США. - 1975. - Т. 9. - С. 133 - 164.
61. Вернадский Г.В. Пермь-Москва-Киев (Воспоминания) / Г.В. Вернадский // Новый журнал. - 1971. - Кн. 104. - С. 177-188.
62. Вернадский Г.В. Россия в средневековье / Г.В. Вернадский. - Тверь: ЛЕАН, М: АГРАФ, 1997. - 352 с.
63. Вернадский Г.В. Русская историография / Г.В. Вернадский. - М.: Аграф, 1998. - 448 с.

64. Карпович М.М. Комментарии: После Сталина: в России / М.М. Карпович // Новый журнал. - 1953. - Кн. 33. - С. 272-286.
65. Карпович М.М. Комментарии: Америка и ее союзники / М.М. Карпович // Новый журнал. - 1954. - Кн. 38. - С. 263-283.
66. Карпович М.М. Комментарии: Америка, Россия и Европа / М.М. Карпович // Новый журнал. 1947. Кн. 16. С. 170 – 185.
67. Карпович М.М. Комментарии: Наши задачи / М.М. Карпович // Новый журнал. - 1949. - Кн. 21. - С. 259-271.
68. Карпович М.М. Комментарии: О смысле международного кризиса / М.М. Карпович // Новый журнал. - 1946. - Кн. 14. - С. 186 – 198.
69. Карпович М.М. Комментарии: Послевоенные проблемы / М.М. Карпович // Новый журнал. - 1944. - Кн. 9. - С. 358-363.
70. Карпович М.М. Комментарии: Россия и ее западные союзники / М.М. Карпович // Новый журнал. - 1944. - Кн. 8. - С. 364-368.
71. Карпович М.М. М.И. Ростовцев и А.А. Васильев / М.М. Карпович // Новый журнал. - 1953. - Кн. 34. - С. 287 – 293.
72. Карпович М.М. Shub D. Lenin / М.М. Карпович // Новый журнал. - 1948. - Кн. 19. - С. 290-292.
73. Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России / М.И. Ростовцев. - СПб.: Издание Императорской Археологической Комиссии, 1914. - 650 с.
74. Ростовцев М.И. История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана) / М.И. Ростовцев. - СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1899. - 317 с.
75. Ростовцев М.И. Наука и революция / М.И. Ростовцев // Русская мысль. - 1917. - Сентябрь - октябрь. - С. 1-16.
76. Ростовцев М.И. О Ближнем Востоке / М.И. Ростовцев. - Париж: Издательство «Современные записки», 1931. - 98 с.

77. Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи / М.И. Ростовцев. Т. I–II. - СПб.: Наука, 2000–2001. - 403 с.
78. Ростовцев М.И. О новейших раскопках в Помпеях / М.И. Ростовцев // Журнал министерства народного просвещения. - 1894. - Январь–февраль. - Отд. V. - С. 45–101.
79. Ростовцев М.И. Помогите Сербии! / М.И. Ростовцев // Речь. - 28 февраля (12 марта). - № 57 (3440). - Пг., 1916. - С. 3.
80. Ростовцев М.И. Профессора и Государственная Дума // Ростовцев М.И. Избранные публицистические статьи. 1906-1923 годы / Подгот. текста, предисл., коммент. и биограф, словарь И.В. Тункиной. - М.: РОССПЭН, 2002. - С. 17-20.
81. Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России / М.И. Ростовцев. Общий очерк. - Пг.: Огни, 1918. - VIII+190 с.
82. A Source book for Russian History from Early Times to 1917 / Senior ed. G. Vernadsky. - New Haven and London: Yale University Press, 1972. - Vol. 1. - 884 p.
83. Bowden W., Karpovich M., Usher A.P. An Economic History of Europe. Since 1750 / W. Bowden, M. Karpovich, A.P. Usher. - N.Y., 1937. - 948 p.
84. Karpovich M.M. Imperial Russia, 1801-1917 / M.M. Karpovich. - N.Y.: Henry Holt and company, 1932. - 106 p.
85. Karpovich M.M. Two Types of Russian Liberalism: Maklakov and Miliukov / M.M. Karpovich // Continuity and Change in Russian and Soviet Thought / Ed. with introduction by E.J. Simmons. - Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1955. - Pp. 129-143.
86. Karpovich M.M. A Lecture on Russian History / Russian text, accented, annotated and closed H.G. Lunt. - The Hague: Mouton&Co., 1958. - 74 p.

87. Rostovtzeff M. Bolshevist Rule, What it Means to Culture. Campaign of Destruction / M. Rostovtzeff // The Times. - 10 January. - 1919. - P. 7-8.
88. Rostovtzeff M.I. Preface / M.I. Rostovtzeff // Vernadsky G.V. A History of Russia. - New Haven: Yale University Press, 1929. - P. X-XI.
89. Rostovtzeff M.I. Social and Economic History of the Hellenistic World / M. Rostovtzeff. - Oxford: The Clarendon Press, 1941. - xxiv+1779 p.
90. Rostovtzeff M. World Bolshevism / M. Rostovtzeff // The New Europe. - 1918. - Vol. 9. - № 112. - Pp. 169-173.
91. Rostovtseff M. The Social and Economic History of the Roman Empire / M. Rostovtzeff. - Oxford: The Clarendon Press, 1926. - 695 p.
92. Rostovtseff M. Dura-Europos and its Art / M. Rostovtzeff. - Oxford: The Clarendon Press, 1938. - xiv+162 p.
93. Rostovtseff M. A History of the Ancient World. Vol. I. / M. Rostovtzeff. - Oxford: The Clarendon Press, 1926. - 418 p.
94. Rostovtseff M. A History of the Ancient World. Vol. II. / M. Rostovtzeff. - Oxford: The Clarendon Press, 1927. - 387 p.
95. Rostovtseff M. Caravan Cities / M. Rostovtzeff. - Oxford: The Clarendon Press, 1932. - XIV+232 p.
96. Rostovtseff M. Dura-Europos and its Art / M. Rostovtzeff. - Oxford: The Clarendon Press, 1938. - XIV+162 p.
97. Rostovtseff M. Iranians and Greeks in South Russia / M. Rostovtzeff. - Oxford: The Clarendon Press, 1922. - 360 p.
98. Vasiliev A.A. Byzantine Studies in Russia / A.A. Vasiliev // American Historical Review. - 1927. - Vol. 32. - Pp. 539-545.

99. Vasiliev A.A. History of the Byzantine Empire / Translated from the Russian by Mrs. S. Ragozin. Vol. 1. - Madison: University of Wisconsin press, 1928-1929. - 383 p.
100. Vasiliev A.A. History of the Byzantine Empire / Translated from the Russian by Mrs. S. Ragozin. Vol. 2. - Madison: University of Wisconsin press, 1928-1929. - 478 p.
101. Vasiliev A.A. History of the Byzantine Empire, 324-1453. 2nd English ed., revised. / A.A. Vasiliev. - Madison: University of Wisconsin press, 1952. - 846 p.
102. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea / A.A. Vasiliev. - Cambridge, Massachusetts:[б.и.], 1936. - 292 p.
103. Vasiliev A.A. The Foundation of the Empire of Trebizond (1204 - 1222) / A.A. Vasiliev // Speculum. - Vol. - XI. - 1936. - Pp. 3-37.
104. Vasiliev A.A. The Russian Attack on Constantinople in 860 / A.A. Vasiliev. - Cambridge, Massachusetts: [б.и.], 1946. - XII+244 p.
105. Vasiliev A.A. The Second Russian Attack on Constantinople / A.A. Vasiliev // Dumbarton Oaks Papers. - Vol. 6. - 1951. - Pp. 161-225.
106. Vasiliev A.A. Was Old Russia a Vassal State of Byzantium? / A.A. Vasiliev // Speculum - Vol. VII. - 1932. - Pp. 350-360.
107. Vernadsky G.V. A History of Russia / G.V. Vernadsky. - New Haven: Yale University Press, 1929. - 425 p.
108. Vernadsky G.V. A History of Russia. 6th rev. ed. / G.V. Vernadsky. - New Haven: Yale University Press, 1969. - 531 p.
109. Vernadsky G.V. Ancient Russia Vol. 1. / G.V. Vernadsky. - New Haven: Yale University Press, 1943. - 425 p.
110. Vernadsky G.V. Kievan Russia Vol. 2. / G.V. Vernadsky. - New Haven: Yale University Press, 1948. - 412 p.
111. Vernadsky G. Lenin Red Dictator / G. Vernadsky. - New Haven, Yale University Press, 1931. - 351p.

112. Vernadsky G.V. *The Mongols and Russia* Vol. 3. / G.V. Vernadsky. - New Haven: Yale University Press, 1953. - 462 p.
113. Vernadsky G.V. *Russia at the Dawn of the Modern Age*. Vol. 4 / G.V. Vernadsky. - New Haven: Yale University Press, 1959. - 347 p.
114. Vernadsky G.V. *Russian Historiography – A History* / Tr. N. Lupinin, ed. S. Pushkarev. - Belmont, Massachusetts: [б.и.], 1978. - 575 p.
115. Vernadsky G.V. *The Tsardom of Moscow, 1547 - 1682*. Vol. 5. Pt. 1-2. / G.V. Vernadsky - New Haven: Yale University Press, 1969. - 873 p.
116. University of Wisconsin-Madison [Электронный ресурс]. - Режим доступа // <http://history.wisc.edu/cgi>.

II. Исследования

1. Адаптация российских эмигрантов (конец XIX—XX в.). Исторические очерки / Отв. ред. Ю.А.Поляков. - М.: ИРИ РАН, 2006. - 344 с.
2. Алипов П.А. М.И. Ростовцев – историк древнего Рима: доэмигрантский этап научного творчества: автореф. дисс... канд. ист. наук: 07.00.09 / Алипов Павел Андреевич. М., 2010. 27 с.
3. Антоненко Н.В. Программное творчество кадетов в эмиграции / Н.В. Антоненко // *Новый исторический вестник*. - 2010. - №. 25 (3). - С. 49-56.
4. Антощенко А.В. «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории) / А.В. Антощенко. - Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2003. - 392 с.
5. Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / под ред. И.П. Медведева. - СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. - 450 с.

6. Баграмов Л.А. Иммигранты в США / Л.А. Баграмов. - М.: Наука, 1957. - 157 с.
7. Басаргина Е.Ю. А.А. Васильев и Русский Археологический институт в Константинополе // Российские ученые и инженеры в эмиграции. / Под ред. В.П. Борисова. - М.: ПО «Перспектива», 1993. - С. 127 – 135.
8. Бауэрсок Г.У. Бонгард-Левин Г.М. М.И. Ростовцев и Гарвард / Г.У. Бауэрсок, Г.М. Бонгард-Левин // Вестник древней истории. - 1994. - № 1. - С. 204-214.
9. Бауэрсок Г.У. Южная Россия М.И. Ростовцева: между Ленинградом и Нью-Хейвенем / Г.У. Бауэрсок // Вестник древней истории. - 1991. - № 4. - С. 152 – 162.
10. Беленький И.Л. Русское зарубежье крупным планом: «большие» публикации, фундаментальные исследования и справочные издания последних лет // История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX-XX вв.): сб. ст. / Под ред. акад. РАН Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. - М.: ИРИ РАН, 2004. - С. 4–11.
11. Белковец Л.П., Белковец С.В. Восстановление советским правительством российского (союзного) гражданства реэмигрантов из числа участников белого движения и политических эмигрантов / Л.П. Белковец, С.В. Белковец // ВВ: Вопросы права и политики. - 2014. - № 4. - С.106-169.
12. Бирман М.А. М.М. Карпович и «Новый журнал» / М.А. Бирман // Отечественная история. - 1999. - № 5. - С. 124-134; - № 6. - С. 112-116.
13. Бирман М.А. Создатели «Нового журнала» / М.А. Бирман // Евреи в культуре русского зарубежья. Т. 5. / Сост. и издатель Михаил Пархомовский. - Иерусалим, 1996. - С. 153-161.

14. Болховитинов Н.Н. Русские ученые - эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США / Н.Н. Болховитинов. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. - 142 с.

15. Болховитинов Н.Н. Теория евразийства и многотомная история России Г.В. Вернадского // Scripta Gregoriana. Сборник в честь семидесятилетия академика Г.М. Бонгард-Левина / отв. ред. акад. С.Л. Тихвинский. - М.: Вост. лит., РАН, 2003. - С. 374-383.

16. Бонгард-Левин Г.М. Скифский роман или Жизнь Михаила Ивановича Ростовцева // Российская научная эмиграция: Двадцать портретов / под ред. академиков Г.М. Бонгард-Левина и В.Е. Захарова. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. - 368 с.

17. Бондарь А.Ю. Общественно-политические взгляды и деятельность Г.В. Вернадского: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Бондарь Андрей Юрьевич. - М.: 2001. - 22 с.

18. Борисов В.П. Научное зарубежье России: истоки и формирование / В.П. Борисов // Вопросы истории естествознания и техники. - 1993. - №43. - С.29-34.

19. Борисов В.П. Утраченный потенциал. Эмиграция деятелей науки и высшей школы Москвы после 1917 г. / В.П. Борисов // Москва научная. - М.: Янус-К, 1997. - С.416-433.

20. Бочарова З.С. Основные тенденции развития отечественной историографии российской эмиграции за восемьдесят лет (1920–2000) // История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX-XX вв.): сб. ст. / Под ред. акад. РАН Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. - М.: ИРИ РАН, 2004. - С. 88-95.

21. Бочарова З.С. Современная историография российского зарубежья. 1920–1930-е гг. / З.С. Бочарова // Отечественная история. - 1999. - № 1. - С. 91-102.
22. Браун У.Э. Описание архива М.И. Ростовцева в Йельском университете / У.Э. Браун // Вестник древней истории. - 1991. - № 1. - С. 176 - 178.
23. Будницкий О.В. Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918-1957 / О.В. Будницкий. - М.: Новое литературное обозрение, 2008. - 512 с.
24. Будницкий О.В. Век эмиграции // Еврейская эмиграция из России. 1881-2005. / Под ред. О.В. Будницкого. - М.: РОССПЭН, 2008. - С. 9-17.
25. Будницкий О.В. Б.А. Бахметев – дипломат, политик, мыслитель / О.В. Будницкий // Россия в США: 50-летию Бахметевского архива Колумбийского университета посвящается. - М., 2001. - С. 8-64.
26. Будницкий О.В. Б.А. Бахметев и Гуманитарный фонд / О.В. Будницкий // История и историки: историографический вестник. - Тула, 2010. - С. 363-390.
27. Будницкий О.В. Б.А. Бахметев – посол в США несуществующего правительства России / О.В. Будницкий // Новая и новейшая история. - 2000. - № 1. - С. 134-166.
28. Будницкий О.В. Послы несуществующей страны // «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919-1951. В 3-х томах. / О.В. Будницкий. Т.1. Август 1919 – сентябрь 1921. - М.: РОССПЭН, 2001. - С. 16-114.

29. Будницкий О.В., Полян А.Л. Русско-еврейский Берлин (1920-1941) / О.В. Будницкий, А.Л. Полян. - М.: Новое литературное обозрение, 2013. - 496 с.
30. Бузескул В.П. Всеобщая история и её представители в России в XIX и начале XX века. Ч. II. / В.П. Бузескул. - Л., 1931. - С. 183 – 184, 207 – 210.
31. Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики 1917-1966. / О.Л. Вайнштейн. - Л.: Наука, 1968. - 423 с.
32. Вандалковская М.Г. Российские историки-эмигранты в межвоенной Чехословакии // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. Сборник статей / под ред. М.Ю. Досталь. - М.: Институт славяноведения РАН, 2008. - С. 7-25.
33. Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «Евразийский соблазн» / М.Г. Вандалковская. - М.: Памятники исторической мысли, 1997. - 349 с.
34. Варшер Т.С. Сорок лет ученой деятельности М.И. Ростовцева / Т.С. Варшер // Последние новости. – Париж. - 22 марта 1934. - С. 2.
35. Вишняк М. М.М. Карпович - политик / М. Вишняк // Новый журнал. - 1959. - Кн. 58. - С. 15-24.
36. Волошина В.Ю. Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории» / В.Ю. Волошина. - Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. - 219 с.
37. Голубцов В., иерей. Роль Русской Православной Церкви в сохранении самоидентификации Русского зарубежья // Актуальные аспекты истории и современности русского зарубежья: параллели и антитезы / Отв. ред. М.М. Кононова. - М.: ИРИ РАН, 2007. - С. 93-107.

38. Горянов Б.Т. Ф.И. Успенский и его значение в византиноведении/ Б.Т. Горянов // Византийский Временник. - 1947. - Т. I. (XXVI). - С. 29-108.
39. Греков Б.Д. Киевская Русь / Б.Д. Греков. - М.-Л.: Издательство АН СССР, 1939. - 282 с.
40. Греков Б.Д. Киевская Русь / Б.Д. Греков. 2-е изд. - М.-Л.: Издательство АН СССР, 1944. - 347 с.
41. Грушевой А.Г. К переизданию цикла общих работ А.А. Васильева по истории Византии / А.Г. Грушевой // Васильев А.А. История Византийской империи: время до эпохи крестовых походов (до 1081 года). - СПб.: Алетейя, 1998. - С. 5 – 28.
42. Гуль Р. М.М. Карпович - человек и редактор / Р.Б. Гуль // Новый журнал. - 1959. - Кн. 58. - С. 24-29.
43. Гуль Р.Б. «Новому журналу» 45 лет / Р.Б. Гуль // Новый журнал. - 1986. - Кн. 162. - С. 5-31.
44. Гутиева М.А. Белая эмиграция: некоторые аспекты / М.А. Гутиева // Научные труды Горского государственного аграрного университета. - Владикавказ: Алания, 1998. - С. 56-59.
45. Дойков Ю. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1. (1889-1922) / Ю. Дойков. - Архангельск, 2008. - 432 с;
46. Дойков Ю. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 2. (1922-1968) / Ю. Дойков. - Архангельск, 2009. - 488 с.
47. Домнин И.В. Русское военное зарубежье: дела, люди и мысли (20-30-е годы) / И.В. Домнин // Вопросы истории. - 1995. - №7. - С.109-120.
48. Дубин Б. Россия нулевых: политическая культура, историческая память, повседневная жизнь/ Борис Дубин //Россия нулевых: политическая культура, историческая память, повседневная жизнь

[Электронный ресурс]. Дискуссия. - Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/5344>

49. Дэвид-Фокс М. Введение: отцы, дети и внуки в американской историографии царской России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. - Самара: Издательство «Самарский университет», 2000. - С. 5 – 47.

50. Ершов В.Ф. Российская военно-политическая эмиграция в 1920-1945 / В.Ф. Ершов. - М.: Издательство МГОУ, 2003. - 146 с.

51. Жданова Г.В. Идеино-политические течения русской эмиграции начала XX века / Г.В. Жданова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Философия. - № 3. - 2012. - С. 33-46.

52. Захаров О.И. А.А. Васильев как исследователь византийских и арабских средневековых источников // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: Материалы XXII Международной научной конференции. Москва 28-30 янв. 2010 г. / Отв. ред. М.Ф. Румянцева. - М.: РГГУ, 2010. - С. 214 – 216.

53. Захаров О.И. Взаимоотношения церкви и государства в концепции истории Византии А.А. Васильева / О.И. Захаров. // Древность и средневековье: вопросы истории и историографии: материалы I Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Омск, 28 – 30 октября 2010г.). - Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. - С. 61-64.

54. Захаров О.И. Взаимоотношения церкви и государства в контексте внешней и внутренней политики византийских императоров, в концепции «Истории Византии» А.А. Васильева / О.И. Захаров. // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Тезисы докладов XXX всероссийской конференции студентов, аспирантов и

молодых ученых «Курбатовские чтения». - СПб.: КультИнформПресс, 2011. - С. 36 – 38.

55. Захаров О.И. Засеивая новое дисциплинарное поле / О.И. Захаров // Диалог со временем. - 2013. - № 42. - С. 386-390.

56. Захаров О.И. Причины эмиграции А.А. Васильева из СССР по материалам архива ИИМК РАН / О.И. Захаров // Российское византиноведение: Традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX всероссийской научной сессии византинистов. - М.: Издательство Московского университета, 2011. - С. 103 – 106.

57. Захаров О.И. Российские историки-эмигранты в США: проблемы бытовой адаптации / О.И. Захаров // Родина: российский исторический журнал. - 2015. - № 1. - С. 137-139.

58. Захаров О.И. Стратегии интеграции русских историков-эмигрантов в американское научное сообщество на примере М.И. Ростовцева / О.И. Захаров // В кн.: Мир историка: историографический сборник Вып. 8. - Омск: Издательство Омского государственного университета, 2013. - С. 38-54.

59. Захаров О.И. Стратегии интеграции русских историков - эмигрантов «первой волны» в американское научное сообщество / О.И. Захаров // Российская история. - 2014. - № 3. - С. 112-126.

60. Зацепина О.С., Ручкин А.Б. Русские в США. Общественные организации русской эмиграции в XX-XXI вв. / О.С. Зацепина, А.Б. Ручкин. - Нью-Йорк: RACH-CPRESS, 2011. - 290 с.

61. Зейде А. М. Карпович и русская историография в Америке / А. Зейде // Новый журнал. - 2008. - Кн. 253. - С. 123-139.

62. Зеньковский С.А. «Вдумчивый историк» / С.А. Зеньковский // Новый журнал. - 1987. - Кн. 168/169. - С. 168-169.

63. Зеньковский С.А. Путь историка / С.А. Зеньковский // Опыты. - 1958. - № 9. - С. 52-60.

64. Зуев В.Ю. Материалы к биографии Григория Иосифовича Боровки (1894-1941) // Санкт-Петербург и отечественная археология: историографические очерки. Труды семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки» / Отв. ред. И.Л. Тихонов. - СПб.: б.и., 1995. - Вып. 1. - С. 145-156.

65. Зуев В.Ю. Творческий путь М.И. Ростовцева (К созданию «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства») / В.Ю. Зуев // Вестник древней истории. - 1991. - №1. - С. 166 – 176.

66. Иоффе Г. М.М. Карпович как историк в «Новом журнале» // Творчество диаспоры и «Новый журнал» / Сост. М. Адамович и В. Крейд. - Нью-Йорк: The New Review Publ., 2003. - Р. 60-67.

67. Историография античной истории / под ред. В. И. Кузищина. - М.: «Высшая школа», 1980. - 415 с.

68. История российского зарубежья: Эмиграция из СССР-России. 1941-2001 гг. Сборник статей / Под ред. Ю.А.Полякова, Г.Я.Тарле и О.В. Будницкого. Сост. Г.Я.Тарле. - М.: ИРИ РАН, 2007. - 295 с.

69. История российского зарубежья: Проблемы адаптации мигрантов в XIX-XX вв. / Редколл.: Ю.А. Поляков и др. - М.: Изд. центр ИРИ, 1996. - 173 с.

70. История российского зарубежья: проблемы историографии (конец XIX – XX в.) Сб. ст. / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я Тарле. - М.: Изд. центр ИРИ, 2004. - 254 с.

71. Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX - XX веках: Сб. ст. / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я Тарле. - М.: Изд. центр ИРИ, 1997. - 191 с.

72. Каземзаде Ф. М.М. Карпович. Памяти учителя /Ф. Каземзаде // Новый журнал. - 1959. - Кн. 58. - С. 12-15.

73. Карпов С.П. А.А. Васильев о вкладе русских ученых в развитие византиноведения // *Scripta Gregoriana*. Сборник в честь семидесятилетия академика Г.М. Бонгард-Левина / под ред. С.Л. Тихвинский. - М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2003. - С. 280-295.

74. Карпов С.П. Архив А.А. Васильева в DumbartonOaks (Вашингтон) // Васильев А.А. История Византийской империи: от начала крестовых походов до падения Константинополя / Вступ. ст., примеч., науч. ред., пер. с англ. и имен. указ. А.Г. Грушевого. 2-е изд., испр. - СПб.: Алетейя, 1998. - 547 с.

75. Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920-1940 гг.) / М.В. Ковалев; науч. ред. проф. И.Р. Плева. - Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2012. - 408 с.

76. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920-1970) / П.Е.Ковалевский. - Париж, Б.м., Б.д. - 347 с.

77. Козляков В.Н. Это только персонификация не нашего понимания исторического процесса...: (Георгий Владимирович Вернадский (1887-1973) и его Очерки по русской историографии) / В.Н. Козляков // Вернадский Г.В. Русская историография. - М.: Аграф, 1998. - С. 5-26.

78. Кондаков И.В. Георгий Владимирович Вернадский(1887-1973) // *Культурология XX век. Энциклопедия*. В 2-х т. Т. 1. - М.: РОССПЭН, 2007. - С. 344-346.

79. Кононова М.М. Цементирующие идеи Русского Зарубежья // *Актуальные аспекты истории и современности русского зарубежья: параллели и антитезы* / Отв. ред. М.М. Кононова. - М.: ИРИ РАН, 2007. - С. 142 – 159.

80. Корзун В.П. Г.В. Вернадский - историк русской исторической науки (продолжающаяся традиция или новый взгляд?) / В.П. Корзун // Вестник Омского университета. - 1996. - Вып 1. - С. 54-59.
81. Крейд В. Карпович Михаил Михайлович (1888 – 1959) [Электронный ресурс] / В. Крейд // Журнал Российского государственного гуманитарного университета. - 2003. - № 9. – Режим доступа: http://www.nivestnik.ru/2003_1/12.shtml.
82. Крих С.Б. Упадок древнего мира в творчестве М.И. Ростовцева / С.Б. Крих. - Омск: Издательство ИП Загурский С.Б., 2006. - 253 с.
83. Кувшинов В.А. Кадеты в России и за рубежом (1905-1943 гг.) / В.А. Кувшинов. - М.: Унив. гуманитар. Лицей, 1997. - 151 с.
84. Кузицин В.И. Ростовцев Михаил Иванович / В.И. Кузицин // Советская историческая энциклопедия. - Т. 12. 1969. - С. 218 – 219.
85. Кузицин В.И. Ростовцев Михаил Иванович / В.И. Кузицин // Советская энциклопедия. - Т. 22. - 1975. - С 319.
86. Кузицин В.И. О публикации новых глав труда академика М.И. Ростовцева / В.И. Кузицин // Вестник древней истории. - 1989. - № 1. - С. 206-207.
87. Куклина И.В. А.А. Васильев: «труды и дни» ученого в свете неизданной переписки // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / под ред. И.П. Медведева. - СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. - С. 313 – 338.
88. Культура Российского Зарубежья / Отв. ред. А.В. Квакин, Э.А. Шулепова. - М.: Российский институт культурологии, 1995. - 220с.

89. Культурное наследие российской эмиграции. 1917-1940. В 2-х кн. Кн. 1. / Под общ. ред. Е.П. Чельшева. - М.: Наследие, 1994. - 520 с.
90. Курбатов Г.Л. История Византии: историография / Г.Л. Курбатов. - Л.: Издательство ЛГУ, 1975. - 256 с.
91. Лаптева Л.П. В.А. Францев как исследователь чешско-русских связей / Л.П. Лаптева // Вестник МГУ. - Сер. 8. История. - 1994. - №1. - С. 55-63.
92. Лаптева Л.П. Русский историк – славист Николай Владимирович Ястребов и его деятельность в эмиграции // Российские ученые – гуманитарии в межвоенной Чехословакии / Под ред. М.Ю. Досталь. - М.: Институт славяноведения РАН, 2008. - С. 148 – 158.
93. Ларюэль М. Идеология русского евразийства или мысли о величии империи / Пер фр. Т.Н. Григорьевой. - М.: Наталис, 2004. - 257 с.
94. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир / Б. Латур // Логос. - 2002. - № 5-6 (35). - С. 211-242.
95. Латур Б. Научные объекты и правовая объективность / Б. Латур // Культиватор. - 2010. - № 2. - С. 74-95.
96. Леонидов В. М.М. Карпович. Лекции по интеллектуальной истории России / В. Леонидов // Новый журнал. - 2013. - Кн. 272. - С. 364-366.
97. Литаврин Г.Г. Василий Григорьевич Васильевский – основатель С.-Петербургского центра византиноведения (1838-1899) / Г.Г. Литаврин // Византийский Временник. - 1994. - Т. 55(80). - С. 10-22.
98. Луман Н. Социальные системы / Пер. с немецкого И.Д. Газиева. Под ред. Н.А. Головина. - СПб.: Наука, 2007. - 641с.

99. Луман Н. Социальные системы: Очерк общей теории / Н. Луман // Западная теоретическая социология 80-х годов. Реферативный сборник / Под ред. Н.Л. Поляковой. - М.: ИНИОН, 1989. - С. 41-64.
100. Люкс Л.К. Евразийство // Россия между Западом и Востоком: сборник статей / Л.К. Люкс. - М.: Московский философский фонд, 1993. - С. 76-91.
101. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики / В. Малахов. - М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015. - 272 с.
102. Медведев И.П. Петербургское византиноведение. Страницы истории / И.П. Медведев. - СПб.: Алетейя, 2006. - С. 108.
103. Милюков П.Н. Воспоминания / П.Н. Милюков. - М.: Вагриус, 2001. - 636 с.
104. Мир Кондакова: Публикации. Статьи. Каталог выставки / сост., науч. ред., И.Л. Кызласова. - М.: Русский путь, 2004. - 392 с.
105. Мякишев В.П. И.И. Лаппо – ученый с живым чувством исторической действительности / В.П. Мякишев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. - 2004. - № 1. - С. 162-176.
106. Набоков В.В. Пнин. / Пер. с английского Г. Барабтарло при участии В. Набоковой. - СПб.: Азбука, 2012. - 384 с.
107. Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв.: сборник статей / под ред. акад. РАН Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. - М.: ИРИ РАН. 2001. - 329 с.
108. Николаев Б.А. Жизнь и труды Г.В. Вернадского / Б.А. Николаев // Вернадский Г.В. История России: Древняя Русь. М.: Аграф; Тверь: ЛЕАН, 1996. - С. 5-14.

109. Нитобург Э.Л. Русские в США: История и судьбы, 1870-1970: Этнографический очерк / Э.Л. Нитобург. - М.: Наука, 2005. - 421 с.
110. Омельченко Н.А. Политическая мысль русского зарубежья: Очерки истории (1920 — начало 1930-х годов) / Н.А. Омельченко. - М.: Планета детей, 1997. - 256 с.
111. Острогорский Г.А. История византийских исследований / Г.А. Острогорский // Христианское чтение. - 2010. - № 1(32). - С. 122–132.
112. Острогорский Г.А. История византийских исследований / Г.А. Острогорский // Христианское чтение. - 2012. - № 2. - С. 142–151.
113. Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М.В. Нечкиной. - М.: Наука, 1960. - 833 с.;
114. Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период / А.М. Сахаров. - М.: Высшая школа, 1978. - 256 с.
115. Парфянский выстрел / под ред. Г.М. Бонгард-Левина и Ю.Н. Литвиненко. - М.: РОСПЭН, 2003. - 760 с.
116. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе / В.Т. Пашуто. - М.: Наука, 1992. - 398 с.
117. Периодическая печать российской эмиграции. 1920–2000: сб. ст. / под ред. Ю.А.Полякова, О.В. Будницкого. - М.: ИРИ РАН, 2009. - 344 с.
118. Петров Е.В. Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США в первой половине XX века: автореф. дисс. ... док-ра ист. наук: 07.00.02 / Петров Евгений Вадимович. - СПб., 2001. - 36 с.
119. Пивовар Е.И. Российское зарубежье XIX – первой половины XX в.: некоторые итоги изучения проблемы / Е.И. Пивовар // Исторические записки. - М.: Наука, 2000. - № 3 (121). - С. 237-254.

120. Пивовар Е.И. Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии / Е.И. Пивовар. - М.: Издательство РГГУ, 2008. - 545 с.

121. Пио-Ульский Г.Н. Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов / Г.Н. Пио-Ульский. - Белград: Б.и., 1939. - 61 с.

122. Политическая история русской эмиграции: 1920-1940 гг.: Документы и материалы / Под ред А.Ф. Киселева. - М.: Гуманитарный издательский центр Владос, 1999. - 776 с.

123. Русские в Праге 1918-1928 гг. (К десятилетию Чехословацкой республики) / Под общ. ред. С.П. Постникова. - Прага: Воля России, 1928. - 353 с.

124. Пронин А.А. Историография российской эмиграции / А.А. Пронин. - Екатеринбург: Изд-во Уральского унниверситета, 2000. - 188 с.

125. Раев М. М.М. Карпович – русский историк в Америке / М. Раев // Новый журнал. - 1995. - Кн. 200. - С. 244 - 247.

126. Рибер А. Изучение истории России в США / А. Рибер // Исторические записки 3 (121). - М.: Наука, 2000. - С. 65-105.

127. Российские ученые и инженеры в эмиграции / Под ред. В.П. Борисова. - М.: «Перспектива», 1993. - 192 с.

128. Российская эмиграция: Двадцать портретов / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина, В.Е. Захарова. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. - 368 с.

129. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн [Антология] / сост.: Л.И. Новикова. - М.: Наука, 1993. - 369 с.

130. Русская акция помощи в Чехословакии / Под ред. Б. Лукаш. - М.: Русская традиция, Прага: Национальная библиотека Чешской Республики – Славянская библиотека, 2012. - 359 с.

131. Русская Православная Церковь за границей / Под ред. А.А. Соллогуб. - Иерусалим: Русская духовная Миссия, 1968. - Т. II. - С. 1326-1433.
132. Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920-1930-е годы) [Электронный ресурс] / Л.С. Кишкин // «Славяноведение». – 1995. - № 4. - Режим доступа: <http://russkie.org/index.php?module=fullitem&id=2>.
133. Рязановский Н.В. Возникновение евразийства / Н.В. Рязановский // Звезда. - 1995. - № 10. - С. 29-44.
134. Рязановский Н.В. Азия глазами русских // В раздумьях о России (XIX век) / Под ред. Е.Л. Рудницкая. - М.: Археографический центр, 1996. - С. 387 – 416.
135. Савицкий И. Начало «Русской акции» // Новый журнал. - 2008. - Кн. 251. - С. 133-181.
136. Серапионова Е.П. Пражский Земгор и его деятельность // Записки Русской академической группы в США / Под ред. Н.С. Арсеньева и др. - Нью-Йорк: Б.и., 2001. - Т. XXXI. - С. 186-195.
137. Серапионова Е.П. Бюллетени Пражского Земгора как источник о жизни русской эмиграции в ЧСР на рубеже 1920-1930-х гг. // Периодическая печать российской эмиграции, 1920-2000: сб. ст. / под ред. акад. РАН Ю.А. Полякова и О.В. Будницкого. - М.: ИРИ РАН, 2009. - С. 182-193.
138. Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. - М.: «Российская политическая энциклопедия», 1997. - 690 с.
139. Соничева Н.Е.. Становление и развитие исторической концепции Г. В. Вернадского: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Соничева Наталья Евгеньевна. - М, 1994. - 250 с.
140. Сорокина М.Ю. Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» / М.Ю. Сорокина // Природа. - 1999. - № 2. - С. 89-102.

141. Сорокина М.Ю. Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // Российская научная эмиграция: двадцать портретов. / Под ред. Г.Н. Бонгард-Левина, В.Е. Захарова. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. - С. 330-347.

142. Сорокина М.Ю. Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» [Электронный ресурс] / М.Ю. Сорокина. - Режим доступа: <http://www.arran.ru/?q=ru/vernad1>.

143. Сорокина М.Ю. Week-end в Болшево, или еще раз «вольные» письма академика В.И.Вернадского / Публ. и прим. М.Ю.Сорокиной // Минувшее. Ист. альманах. - Вып. 23. - СПб.: Atheneum-Феникс, 1998. - С. 301-342.

144. Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX-XX в.): сборник статей / под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. - М.: ИРИ РАН, 1998. - 269 с.

145. Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: К 150-летию Т.Г. Масарика. / По материалам международной научной конференции. / Отв. ред. М.Г. Вандакковская. - М.: Русский путь, 2005. - С. 110-124.

146. Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. - М.: Книжный дом «Университет», 2002. - 424 с.

147. Тимашев Н. М.М. Карпович / Н. Тимашев // Новый журнал. - 1959. - Кн. 58. - С. 192-196.

148. Тимонин Е.И. Лидеры меньшевизма в эмиграции (1920-1930 гг.) // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. - 1998. - №3. - С.106-111.

149. Ульянкина Т.И. Иммиграционная политика США в первой половине XX века и ее влияние на правовое положение российских

беженцев / Т.И. Ульянкина // Правовое положение российской эмиграции в 1920-1930-е годы. - СПб.: Сударыня, 2006. - С. 229-248.

150. Филиппов С.В. США: иммиграция и гражданство. Политика и законодательство / С.В. Филиппов. - М.: Наука, 1973. - 203 с.

151. Флоровский А.В. Русская историческая наука в эмиграции (1920-1930) / А.В. Флоровский // Труды V съезда РАО за границей. - София, б.и., 1932. - Ч. I. - С. 467 - 484.

152. Фролов Э.Д. Судьба ученого: М.И. Ростовцев и его место в русской науке об античности / Э.Д. Фролов // Вестник древней истории. - 1999. - № 3. - С. 143-165.

153. Хрусталева Н.С. Адаптация выходцев из бывшего СССР. Взгляд психолога / Н.С. Хрусталева // Диаспоры. - 1999. - № 2-3. - С. 281-298.

154. Шабасова М.А. Российские и славянские исследования в Соединенных Штатах: история и современность / М.А. Шабасова. Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб Вып. 7 / Редкалю: С.М. Ходзин (адк. рэд.). - Минск: БДУ, 2012. - С. 127-133.

155. Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма. Курс лекций / А.Л. Шапиро. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. - 235с.

156. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. 3-е изд. / Л.К. Шкаренков. - М.: Мысль, 1987. - 272 с.

157. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. 2 ed. / D. Bloor. - Chicago and London: The University of Chicago Press. 1991. - 211 p.

158. Boak A.E. The Master of the Office in the Later Roman and Byzantine Empires / A.E. Boak // University of Michigan Studies, Human Series, XVI. - N.Y., 1919. - 206 p.

159. Boak A.E., Dunlap J.E. Two Studies in Later Roman and Byzantine Egypt / A.E. Boak, J.E. Dunlap. - N.Y., 1936. - 160 p.

160. Böss O. The Emergence of Eurasianism / O. Böss // *Californian Slavic Studies*. - 1967. - № 4. - Pp. 39-72.
161. Bowersock G.W. Rostovtzeff in Madison / G.W. Bowersock // *The American Scholar*. - 1986. - № 55/3. - Pp. 391-400.
162. Bowersock G.W. The Social and Economic History of the Roman Empire by Michael Ivanovich Rostovtzeff / G.W. Bowersock // *Daedalus*. - 1974. - Vol. 103. - № 1. - Pp. 15–23.
163. Burnes R.F. Awakening American Education to the World: The Role of Archibald Cary Coolidge, 1866-1928 / R.F. Burnes. - Notre Dame, London: University of Notre Dame press, 1982. - 302 p.
164. Burnes R.F. A History of Russian and East European Studies in the United States. Selected Essays / R.F. Burnes. - N.Y.: University Press of America, 1994. - 288 p.
165. Charanis P. Church and State in the Later Roman Empire / P. Charanis. - Madison, University of Wisconsin Press, 1939. - 120 p.
166. Charanis P. Monastic properties and the State / P. Charanis // *Dumbarton Oaks Papers*. - 1943. - Vol. IV. - Pp. 53-118.
167. Dodge T.A. Hannibal / T.A. Dodge. - Cambridge, Massachusetts: Da Capo Press, 2004. - 682 p.
168. Dodge T.A. Caesar: A History of the Art of War Among the Romans Down to the End of the Roman Empire, with a Detailed Account of the Campaigns of Caius Julius Caesar / T.A. Dodge. - N.Y.: Perseus Books Group, 1997. - 789 p.
169. Emmons T. Russia Then and Now in the Pages of the American Historical Review and Elsewhere: A Few Centennial Notes / T. Emmons // *American Historical Review*. - 1995. - Vol. 100. - № 4. - Pp. 1136-1137.
170. Fisher H. Review / H. Fisher // *American Slavic and East European Review*. - 1954. - Vol. 59. - № 2. - Pp. 606-608.

171. Frank T. Race Mixture in the Roman Empire / T. Frank // *American Historical Review*. - 1916. - Vol. XXI. - Pp. 691-692.
172. Halperin C.J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism / C.J. Halperin // *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte*. Berlin, 1985. - Bd. 36. - Pp. 55-194.
173. Jones A.H.M. Michael Rostotzeff (1870-1952) / A.H.M. Jones // *The proceedings of the British Academy*. - 1953. - Vol. 38. - Pp. 347–361.
174. Killen L. The Search for a Democratic Russia: Bakhmetev and the United States / L. Killen // *Diplomatic History*. - Summer, 1978. - Vol. 2. - №3. - Pp. 237-256.
175. Kerner R.J. Review / R.J. Kerner // *American Historical Review*. - 1930. - Vol. 35. - № 3. - Pp. 621-622.
176. Lobanov-Rostovsky A. Review / A. Lobanov-Rostovsky // *American Historical Review*. - 1948. - Vol. 54. - № 1. - Pp.137 – 138.
177. Malia M. The Historiographical Legacy of Terence Emmons / M. Malia // *Russian History/Histoire Russe*. - 2005. - Vol. 32. - № 2. - Pp. 133-137.
178. Miliukov P.N. Outlines of Russian Culture. Parts I-III / Ed. by M. Karpovich. Translated by V. Ughet and E. Davis. - Philadelphia: University of Pensilvania Press, 1942. - 528 p.
179. Miliukov P.N. «Russia and Its Crisis: Crane Lectures for 1903» / P.N. Miliukov. - Chicago: University of Chicago Press, 1905. - 589 p.
180. Momigliano A. Rostovtzeff's Twofold History of the Hellenistic World / A. Momigliano // *Journal of the Roman Studies*. - 1946. - Vol. 63. - Pp. 116-117.
181. Momigliano A. M.I. Rostovtzeff / A. Momigliano // *The Cambridge Journal*. - 1954. - Vol. VII. - P. 334–346.

182. Mosely Ph.E. Review / Ph.E. Mosely // American Slavic and East European Review. - 1948. - Vol. 7. - Pp. 374 - 375.

183. Ostrogorsky G., History of the Byzantine State, 2nd. ed. / G. Ostrogorsky. - New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1969. - 296 p.

184. Pipes R. N.N. Bolkhovitinov, Russian Scholarly Emigrants (G. V. Vernadsky, M. M. Karpovich, M. T. Florinsky) and the Rise of Russian Studies in the United States. 140 pp. Moscow: Rosspen, 2005 / R. Pipes // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. - Spring 2006. - Vol. 7. - №. 2. - Pp. 383-387.

185. Raeff M. Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration: 1919-1939 / M. Raeff. - Oxford, 1990. - 256 p.

186. Reinhold M. Historian of the Classic World: a critique of Rostovtzeff / M. Reinhold // Science and society. - 1946. - №10. - Pp. 361-391.

187. Shapin S. A Social History of Truth, Civility and Science in Seventeenth Century England / S. Shapin. - Chicago: University of Chicago Press, 1994. - XXI + 483 p.

188. Shapin S. Scientific Revolution / S. Shapin. - Chicago: University of Chicago Press, 1994. - 238 p.

189. Shaw B.D. Under Russian eyes (Marinus A. Wes. Michael Rostovtzeff, Historian in Exile: Russian Roots in an American Context; Michel I. Rostovtseff. Histoire Économique et Social de l'Empire Romain) / B.D. Shaw // Journal of the Roman Studies. - 1992. - Vol. LXXXII. - Pp. 216-228.

190. Der Nersessian S. Alexander Alexandrovich Vasiliev. Biography and Bibliography / S. Der Nersessian // Dumbarton Oaks Papers. - 1956. - Vol. 9-10. - Pp. 3-21.

191. Vakar N.P. Review / N.P. Vakar // *Russian Review*. - 1949. - Vol. 8. - Pp. 168-170.
192. Wes M.A. *Michael Rostovtzeff, Historian in Exile: Russian Roots in an American Context* / M.A. Wes. - Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. - 106 p.
193. Zeide A. *Creating a Space of Freedom: Mikhael Mikhailovich Karpovich and Studies of Russian History in the US.* / A. Zeide // *Ab Imperio*. - 2007. - № 1. - C. 241-277.
194. Zeide A. *The Russian Review: The Story in History* / A. Zeide // *Ab Imperio*. - 2012. - № 4. - C. 279-307.